

УЗБЕКИ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 10-01-16128д

Ответственный секретарь серии «Народы и культуры» Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

академик АН Республики Узбекистан Ю.Ф. БУРЯКОВ, кандидат исторических наук О.Б. НАУМОВА

Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимova ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т истории АН Республики Узбекистан. – М. : Наука, 2011. – 688 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-036991-7 (в пер.).

В очередном томе серии «Народы и культуры» представлен материал по этнической и политической истории, хозяйственной деятельности, семейному и общественному быту, материальной и духовной культуре узбекского народа. Книга, написанная ведущими узбекистанскими и российскими специалистами, которые привлекли новый фактический и богатый иллюстративный материал, восполняет пробелы в изучении истории и культуры узбеков. Значительное внимание уделено этнокультурным процессам в современном Узбекистане. Для историков, этнологов и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

Научное издание

УЗБЕКИ

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Заведующая редакцией Н.Л. Петрова. Редактор Л.В. Абрамова. Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Ю.И. Духовская. Технический редактор Т.В. Жмелькова
Корректоры А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова, Е.Л. Сысоева
Компьютерная верстка С.В. Ишутиной

Подписано к печати 14.11.2011. Формат 70 * 100/16. Гарнитура Тайме. Печать офсетная
Усл.печ.л. 55,9 + 2,0 вкл. Усл.кр.-отг. 65,3. Уч.-изд.л. 70,0. Тираж 830 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 4062

Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90 Отпечатано в ГУП «Типография «Наука», 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-036991-7 Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт истории АН Республики Узбекистан, 2011

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2011

© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научно-исследовательский и издательский проект «Народы и культуры» предусматривает издание томов, посвященных истории и этнографии народов бывшего СССР. Понятно, что в силу ряда причин к настоящему времени удалось выпустить книги в основном по народам современной России. Коллективная монография «Узбеки» – пятая, касающаяся народов «ближнего зарубежья» (до этого вышли «Белорусы», «Украинцы», «Тюркские народы Крыма», «Калмыки», «Молдаване»). Готовятся к изданию «Армяне» и «Гагаузы».

Этнографическое изучение узбеков имеет давнюю историю и связано со многими методологическими проблемами, вытекающими из особенностей столь сложного своими историческими перипетиями региона, как Средняя Азия.

В 1942 г. С.П. Толстов, ставший через год директором Института этнографии АН СССР, выступил в Ташкенте на сессии Комиссии по этногенезу с докладом «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии». Он критиковал попытки видеть в истории однолинейный процесс, искать «для каждого народа один основной этнический корень». Толстов предлагал признать «изначальную сложность этнических истоков каждого народа». Для Средней Азии это был действительно важный тезис, поскольку история и культура народов этого региона переплелись настолько тесно, что рассматривать их в отрыве одно от другого было просто невозможно.

Спустя 20 лет в многотомной серии «Народы мира», изданной под руководством С.П. Толстова, была предпринята попытка на основании имеющихся на тот момент сведений рассказать об этнической истории и культуре среднеазиатских народов, не разделяя, а наоборот, находя то общее, что их объединяет.

Нельзя сказать, что обсуждение указанной темы происходило без каких-либо разногласий. Всесоюзная конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана», которая была проведена в Звенигороде в 1988 г., показала, что оставалось много сложных проблем – и они сохранились до наших дней. Один из таких вопросов касается соотношения иранского и тюркского компонентов в этно- и культурогенезе народов Средней Азии.

Перед современными исследователями стоят взаимосвязанные задачи -выявить этнокультурную специфику народов среднеазиатского региона и взаимовлияния, которые и привели к формированию этих народов.

Том «Узбеки» посвящен крупнейшему народу Средней Азии, в изучение которого большой вклад внёс упомянутый выше С.П. Толстов, а из узбекистанских ученых – академик К.Ш. Шаниязов. По сути, это первый крупный,

после распада СССР, совместный научный проект учёных России и Узбекистана в области этнологии.

Книга демонстрирует сохранение традиций классической этнографии, но в ней ощущается и стремление к обновлению методологии научных исследований, поиску новых тем и новых подходов. При всех сохраняющихся проблемах в области среднеазиатских изысканий, не будет преувеличением утверждать, что данная работа является самым совершенным на сей день историко-этнографическим исследованием узбекского народа. Это стало возможным

благодаря поистине подвижнической, вдумчивой и инициативной работе авторского коллектива, прежде всего сотрудников Института истории АН Республики Узбекистан. Местная школа этнографического изучения региона продолжает развиваться, накапливать новые материалы и стремится к сотрудничеству с коллегами из других стран.

Особую благодарность мы хотим высказать ответственным редакторам тома – З.Х. Арифхановой, С.Н. Абашину, Д.А. Алимовой. Публикация была бы невозможна без кропотливого труда сотрудников ИЭА РАН Л.И. Миссо-новой, Н.В. Павловой и Е.А. Юриной. Мы выражаем искреннюю благодарность заведующей редакцией истории издательства «Наука» Н.Л. Петровой, её коллегам и, в частности, редактору Л.В. Абрамовой. И, конечно, мы не можем воздержаться от слов признательности в адрес руководства Российского гуманитарного научного фонда, без поддержки которого, а также издательства «Наука», серия «Народы и культуры» не состоялась бы вовсе.

В.А. Тишков С.В. Чешко

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее важными и весьма сложными проблемами современности являются этнические процессы, вопросы этногенеза и этнической истории. Этнографическое изучение отдельных народов, реальное раскрытие особенностей их хозяйства, быта, общественной жизни и культуры имеет важное научное значение, позволяет понять характер этнокультурных процессов в комплексе единой ткани исторического развития.

Настоящая книга посвящена историко-этнографическому описанию узбеков – самого многочисленного из народов Средней Азии. Работа является результатом многолетних исследований коллектива авторов, которые путем анализа и обобщения широкого круга разнообразных источников и литературы, полевых этнографических материалов и этносоциологических исследований делают попытку обрисовать этнический облик узбекского народа, раскрыть историю его формирования, показать накопившийся в течение многих веков богатый опыт ведения хозяйства, обрисовать его традиционные занятия, трудовые навыки в земледелии, животноводстве и ремесленном производстве, раскрыть материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт, специфику народных праздников, игр и развлечений, особенностей уклада жизни.

Предваряя основное содержание, мы хотели бы высказать несколько общих положений об этногенезе и этнической истории узбеков.

Этническую основу узбеков в прошлом составляли такие древние народы как саки, массагеты, согдийцы, бактрийцы, ферганцы, чачцы, издревле проживавшие на этой территории и говорившие на различных диалектах восточно-иранских языков. С середины I тыс. до н.э. сюда с северо-востока проникают тюрко-монгольские компоненты под общим названием «тюрки». Эти два этнических пласта составили основу сформировавшейся здесь в эпоху бронзы расы Среднеазиатского междуречья (термин Л.В. Ошанина), расселившейся в междуречье Сырдарьи и Амударьи – Мавераннахре, территория которого составляет основную часть современного Узбекистана.

Во второй половине I тыс. до н.э. и в начале I тыс. н.э. этническая история развивалась на основе притока сюда новых тюркских этнических групп и образования государств канглийцев

(государство Канг, III в. до н.э.) (Би-чурин, 1950. Т. II. С. 184; Шониёзов, 1990; Филанович, 2001), юечжи, кушан (I в. до н.э. – V в. до н.э.). Процессы тюркизации местного населения заметно усилились в эпоху Тюркского каганата (VI-VIII вв.), когда значительно активизировались этнокультурные процессы, что ярко проявилось в тюрко-согдийском симбиозе (Кляшторный, 1964; Отахужаев, 2010). Завершающий период этногенеза узбекского народа связан с образованием в Мавераннахре крупного тюркского государства – с установлением господства Караханидов народ, который составила этническую основу современных узбеков. Единство и одинаковость всех этнических компонентов на этом этапе проявилась в тождественности таких характеристик, как общность территории, культуры, языка, исторических судеб, государственной принадлежности, религии и, как следствие, общего этнического самосознания (Шониёзов, 2001). В конце XV – начале XVI в. в эту уже сформировавшуюся и устоявшуюся тюркскую общность влились новые массы тюрков, получившие названия «даштикип-чакских узбеков», пришедших из степей Дашт-и-Кипчак (современная территория Казахстана, Южного Урала, Нижнего Поволжья и Западной Сибири). Они не внесли ничего нового в уже сложившуюся общность, оказав ограниченное этнокультурное влияние лишь на южные области современного Узбекистана (Зарафшан, Кашкадарья, Сурхандарья). Однако уже сформировавшийся до их прихода тюркский народ получил от них этноним «узбек».

На протяжении веков у предков узбеков сложились богатые традиции ведения хозяйства. Большая часть населения Среднеазиатского междуречья и прилегающих областей занималась оседлым земледелием, ремеслом и животноводством. Здесь выделялись три основных культурно-хозяйственных комплекса: 1) оседлые жители оазисов, ведущие интенсивное земледелие с применением искусственного орошения; 2) полuosедлые хозяйства, сочетающие скотоводство и земледелие; 3) хозяйства кочевников-скотоводов. С древних времен переселенцы-кочевники постепенно переходили к оседлому земледелию и ремеслу, а их хозяйство приобретало комплексный характер. В процессе развития экономики и культуры узбеков эти типы хозяйствования значительно изменились, особенно заметно в XIX-XX вв., когда исчез наиболее древний тип полuosедлого комплексного хозяйства, а также кочевое скотоводство, и значительная часть узбекского общества перешла к городскому образу жизни и индустриальной экономике. Вместе с тем исторически сложившиеся традиционные трудовые навыки населения продолжают сохраняться и по-новому использоваться в повседневном быту современных узбеков (Народы Средней.... 1962. С. 37).

Язык – один из важных критериев при определении этнической идентичности. Язык узбеков учёные относят к карлукской группе западной ветви тюркских языков. Его формирование в основном было завершено в первой половине X в., в X-XI вв. он получил широкое распространение среди оседлого населения, кочевых и полукочевых племен и стал для них единым разговорным и литературным языком (Баскаков, 1962. С. 118). Этот язык, являвшийся одним из наиболее древних письменных тюркских языков, использовался в качестве литературного как оседлым тюркским населением, так и кочевниками. Для народов региона было характерно тюрко-иранское двуязычие.

Находясь на пути мощных миграций, многих иноземных вторжений и завоеваний, на стыке различных культур, в центре торговли оседло-земледельческих народов и кочевых скотоводческих племен, древнее население региона испытало на себе чрезвычайно сложные социально-экономические и этнические процессы. По археологическим данным можно наблюдать взаимовлияние среднеазиатских культур и населения Западной Сибири, Восточной Европы, Кавказа еще с эпохи неолита. В глубокую древность уходят истоки культурных взаимоотношений народов Средней Азии, в том числе и предков узбеков, с древним Ираном, Индией, Китаем и другими странами Центральной, Передней и Юго-Западной Азии.

Средняя Азия и народы, населявшие ее в течение своей многовековой истории, входили в

состав многих полиэтнических государств: Ахеменидской державы, Селевкидов, Греко-бактрийского царства, Кушанской империи, государства Канг, Тюркского каганата, Арабского халифата, государств Саманидов, Караханидов, Хорезмшахов, империи Чингисхана, державы Амира Темура, государств Шайбанидов, Аштарханидов, Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, Российской империи и СССР. Народы, населявшие регион с глубокой древности и живущие на современном этапе, объединены хозяйственно-бытовой, языковой, культурной и конфессиональной общностью, что сказалось на всех сторонах их жизни. Это верно отметил востоковед Н.И. Конрад: «История каждого народа всегда связана с историей его соседей.... Поэтому в истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни» (Конрад, 1972. С. 17).

Но всех этапах истории узбеков религия пронизывала все стороны жизни общества – политическую, социально-экономическую, духовную, морально-нравственную. Доисламские верования (зороастризм, анимизм, тотемизм, шаманизм и др.), а также манихейство и несторианство играли этноинтегрирующую роль в среднеазиатском обществе. После завоевания Мавераннахра арабами в VII в. ислам изменил конфессиональную идентичность местного населения. Предки узбеков и других среднеазиатских народов приняли ислам суннитского направления. Новая вера стала главным источником морали, нормой бытия, всего образа жизни. Но она не смогла уничтожить до конца прежние традиционные верования, более того, впитала в себя многое из культов и религиозных обрядов предшествующих эпох. В этом проявлялась специфика религиозной жизни мусульман Средней Азии – этот синтез значительно обогатил духовную жизнь узбеков, вобрав в себя достижения народов большого конфессионального пространства. Войдя в единое религиозное пространство арабских и других стран Востока, средневековые мыслители Мавераннахра Имам ал-Бухари, Имам ат-Термези Абу Мансур ал-Матруди, Бурханиддин ал-Маргинани и другие внесли большой вклад в сокровищницу исламского вероучения, стали признанными богословами мусульманского мира. Труды известных учёных – Мухаммада ал-Хоразми, Ахмада Ал-Фергани Абу Насра Фараби, Абу Али ибн Сино, Абу Райхана Беруни, Мирзо Улугбека и других, в области философии, истории, астрономии, медицины, математики, географии и стали не только открытиями в мировой науке, но и подняли этнокультурное развитие предков узбеков и других народов региона на новую высоту. Огромный вклад в это внес основоположник узбекской поэзии Алишер Навои.

Вторая половина XIX-XX в. ознаменовалась совершенно новыми политическими реалиями, определившими новые черты в хозяйственной деятельности и этнокультурной жизни узбеков. Этот период характеризовался переменами в быту, традиционной культуре, в обрядовой жизни. Они были связаны с вторжением в жизнь народа, имевшего свою ментальность, свою цивилизационную нишу в мировой культуре, норм и представлений европейской культуры, которые в этом процессе сыграли неоднозначную роль.

К началу XX в. территория современного Узбекистана была разделена в административном отношении между Туркестанским генерал-губернаторством,

Бухарским эмиратом и Хивинским ханством и находилась в полной или частичной колониальной зависимости от Российской империи. В условиях такой раздробленности длительное время конфессиональная идентичность была более значимой для местного жителя, этническая идентичность отходила на задний план. В 1924 г. была образована Узбекская ССР, объединившая в одной республике большинство узбеков. Культурные преобразования советского времени определили заметные положительные сдвиги в обществе, обогатили этнокультурную среду – появились всеобщее образование (школьное и вузовское), наука, светская литература, музыка, искусство и т.д. Однако это сопровождалось наступлением на национальные ценности, отрывом от корней национальной культуры, попыткой русификации. В экономике эти противоречивые тенденции проявились в насыщении

новой техникой, развитии промышленной базы, внедрении достижений науки в хозяйство и т.д., но вместе с тем игнорирование традиционных форм организации и опыта ведения хозяйства привели к нежелательным явлениям – монокультуре хлопка, экологическим коллизиям (Арал), засолению и заболачиванию земель. Появление современной промышленности не сопровождалось формированием достаточного количества национальных кадров для нее. Вместе с тем произошло ущемление исконно традиционного труда узбекских ремесленников.

В последнее десятилетии XX в. произошли существенные изменения в жизни узбекского народа. 31 августа 1991 г. была провозглашена суверенная, независимая Республика Узбекистан. Согласно Конституции, принятой в 1992 г., Узбекистан – демократическая парламентская республика, главой которой является Президент Республики. Этот исторический факт имеет большое значение для дальнейшего всестороннего развития узбекского народа, для восстановления его национальных традиций и самобытной культуры. Обретение Узбекистаном независимости дало широкие возможности для дальнейшей консолидации нации. Если в советский период процесс национального строительства происходил на базе трансформации и, в определенной мере, критики прежней истории и традиций, то в период независимости он связан с идеей национального возрождения, объединяющей историческое прошлое, настоящее и будущее.

Одним из направлений государственной политики стало возрождение историко-культурного наследия, в том числе имен выдающихся деятелей Узбекистана, внесших вклад в развитие мировой цивилизации. Созданы архитектурные ансамбли, памятники, посвященные историческим личностям: государственным деятелям и полководцам Амиру Темуру, Джалалиддину Мангуберди; известным ученым, оставившим заметный след в мировой науке, просвещении и духовности – Мухаммаду аль-Хорезми, Абу Райхану Бе-руни, Абу Али ибн Сино, Ахмаду аль-Фергани, Мирзо Улугбеку, а также, выдающимся теоретикам исламского учения Исмаилу аль-Бухари, Хакиму ат-Термези, Абу Мансуру Мотуруди, Бурханиддину Маргинани и др. По инициативе государства и поддержке ЮНЕСКО проведены торжества по поводу их юбилейных дат.

Не менее широко проходили мероприятия, посвященные юбилеям древних городов Узбекистана: 2000-летию Маргилана, 2200-летию Ташкента, 2500-летию Бухары, Хивы и Термеза, 2700-летию Шахрисабза и Кар-ши, 2750-летию Самарканда, как в самой стране, так и в Штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. Признанием вклада Узбекистана в мировую цивилизацию стало и решение ЮНЕСКО (2001) о включении региона Байсун (Сурхан-дарья), а также таких уникальных явлений узбекской музыкальной культуры, как «Шашмаком», «Катта ашула» и «Навруз» в список мировых «Шедевров устного и нематериального наследия человечества». Все это играет важную роль в формировании исторической памяти и укреплении национальной идентичности.

В предлагаемой работе речь идёт главным образом об узбеках, проживающих на территории современного Узбекистана. Современный Узбекистан, расположенный в центральной и северо-западной части Средней Азии, занимает территорию около 448 тыс. км и граничит с Киргизией, Туркменией, Казахстаном, Таджикистаном и на небольшом участке с Афганистаном. Численность населения республики в 2010 г. составляла 28 млн человек. Из них 81,7%, или 22,879 тыс. человек, составляли узбеки, остальные – представители свыше 100 других национальностей. В 2005 г. наиболее многочисленными из них являлись таджики (1237,4 тыс.), русские (1050 тыс.), казахи (977,8 тыс.), каракалпаки (556,4 тыс.), татары (276,4 тыс.), киргизы (227,4 тыс.), туркмены (152,3 тыс.), корейцы (154,4 тыс.), украинцы (94,2 тыс.), и другие (450,2 тыс.) (Узбекистон миллий.... 2006. Т. 12. С. 56).

Начало интенсивного этнографического изучения узбеков и их предков связано с колониальным освоением края. Российскими исследователями в

XIX в. были сделаны значительные шаги в изучении быта, традиций, духовной культуры узбекского народа. Этнографическая мысль конца XIX – начала

XX в. связана с именами таких востоковедов, историков, этнографов, путешественников и государственных деятелей, как М.С. Андреев, В.В. Бартольд, В.Л. Вяткин, А.А. Диваев, Н.С. Лыкошин, Н.Г. Маллицкий, супруги В.П. и М. Наливкины, Л.В. Ошанин, Е.Д. Поливанов, В.В. Радлов, А.А. Семенов, И.И. Умняков, А.П. Шишов и др. Прделанная ими работа имела прежде всего государственно-политическую направленность, служила целям освоения края, вместе с тем она имеет положительные результаты и для наших дней, так как был собран большой этнографический материал, характеризующий образ жизни населения региона второй половины XIX – начала XX в.

Этнографическому изучению узбеков посвящено немало научных трудов, написанных в советское время. В каждом из них освещается какой-либо важный аспект этнокультурных процессов или в комплексе рассматривается специфика этнического образа жизни узбеков какого-либо региона. Серьезные оригинальные исследования были опубликованы такими учеными, как

В.Н. Басилов, С.С. Губаева, М.А. Бикжанова, И.М. Джаббаров, Т.А. Жданко, Х. Исмаилов, К.Л. Задыхина, Б.Х. Кармышева, Г.П. Снесарев, О.А. Сухарева,

С.П. Толстов, К.Ш. Шаниязов и др. В 1960-е годы вышли первые труды, где обобщался этнографический материал об узбеках. Этнографы Узбекистана, Москвы и Ленинграда осуществили это в одном из выпусков многотомного издания «Народы мира», посвященного народам Средней Азии и Казахстана (1962 г.). Попытка рассмотреть и обобщить специфику этнокультурного развития узбеков в XX в. была предпринята в двухтомной «Истории народов Узбекистана» и четырехтомном издании «Истории Узбекской ССР».

В советский период этнография узбеков и других народов Центральной Азии не была в центре внимания зарубежных исследователей. Впрочем она имела свою историографическую традицию, которая в основном опиралась на вторичные источники и характеризовалась некоторой советологической направленностью. В конце 1980-х- начале 1990-х годов интерес к этой тематике начинает расти. В 90-е годы XX в. изучение народов Центральной Азии за рубежом как региона в целом, так и узбеков, в частности, становится востребованным, что связано с открывшейся возможностью проводить самостоятельные полевые исследования и работать в местных архивах. Узбекистан, как и другие страны региона, привлекает исследователей из самых разных стран мира. В Ташкенте открываются представительства научных организаций Германии (Институт Гёте, Фонд Эберта, Фонд Аденауэра), Франции (Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC)), в Самарканде появляется Международный институт Центральноазиатских Исследований (МИЦАИ). При поддержке своих ученых, заинтересованных в исследованиях в Узбекистане, активно работают посольства Индии, Италии, Южной Кореи, США, Швейцарии и Японии.

Результатом этой активности стали коллективные сборники, монографические издания и брошюры, журнальные статьи таких известных исследователей, как Э. Оллварта, Дж. Шоберлайна, Н. Шахрани, Д. Абрамсона, И. Бальдауф, Д. Кандиоти, О. Руа, Х. Фатхи, Б. Петрика, П. Финке, М. Камп и других, которые анализируют различные аспекты истории и культуры узбеков. Многие из этих работ основаны на собственных полевых исследованиях в Узбекистане.

Проблемы этнологии Узбекистана изначально были в центре внимания российских исследователей, которые внесли весомый вклад в разработку целого ряда вопросов этнического развития узбеков. Это осталось неизменным и сегодня, когда российские и узбекские ученые работают уже в разных государствах. Новой концептуальной постановкой вопросов отличаются исследования С.Н. Абашина (Лбаьин, 2004, 2007а), посвященные становлению узбекской национальной идентичности, этническим и национальным процессам, межэтническим связям в регионе. Опубликованы труды, освещающие с новых позиций тенденции развития общественной и семейной обрядности народов региона (Лобачева, 2001б). Интерес представляет исследование этнорелигиозных процессов в Фергане (Огудин, 2002).

На современном этапе этнологами Узбекистана накоплен новый обширный полевой этнографический, исторический материал, написаны монографии, заполнившие белые пятна в изучении этногенеза и этнической истории узбеков (Ахмедов, 1996; Шониёзов, 2001; Асцаров, 2007). В последние годы на новом материале и с новых позиций рассмотрены вопросы общественного быта, образа жизни и культуры узбеков (Джаббаров, 2007), а также функционирование большой патриархальной семьи в прошлом (Буриев и др., 1995). Впервые обстоятельно изучено традиционное и новое в современной жизни соседско-территориальной общины (Арифханова, 2000) и других традиционных институтов, различные формы доисламских верований (Аширов, 2007) и межэтнические процессы (Абдуллаев, 2005). За последние два десятилетия защищено большое количество диссертаций, где подняты и освещены еще малоизученные вопросы отдельных регионов Узбекистана.

Сегодня назрела необходимость и появилась возможность создать комплексный труд об узбеках, труд, который обобщает достижения исследовательской мысли и дает возможность ознакомиться широкому кругу читателей с богатой этнической историей, материальной и духовной культурой, бытом и своеобразием одного из древнейших народов Средней Азии.

Публикуемая монография подготовлена в отделе этнологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан совместно с сотрудниками Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Авторский коллектив состоит в основном из сотрудников этих институтов, а также привлеченных из ряда научных учреждений Ташкента: Национального университета Узбекистана, Ташкентского исламского университета и Института востоковедения, Института искусствознания, Института языка и литературы Академии наук Узбекистана. Их фамилии указаны в «Оглавлении». Читатель не сможет не заметить, что многие части книги принадлежат перу ведущего этнографа республики, академика К.Ш. Шаниязова, который в 2000 г. ушел из жизни. В основу главы К.Ш. Шаниязова по этнической истории узбеков положен сокращенный вариант текста его книги «Формирование узбекского народа» (Шониёзов, 2001), где сохранена основная концепция ученого и внесены лишь некоторые редакционные поправки.

В книге имеется глоссарий, подготовленный к.и.н. Н.Х. Азимовой, и библиография, состоящая из работ, упомянутых в тексте, а также из наиболее значимых трудов по этнической истории и этнокультурным процессам среди узбеков. Ссылки на источники и литературу сделаны по принципу, установленному для серии «Народы и культуры».

Фотоматериал представлен авторами разделов и составлен к.и.н. М.Х. Пай-зиевой и к.и.н. З. Расуловой. Часть его взята из архива Института этнологии и антропологии РАН и подготовлена к.и.н. О.И. Брусиной.

Хочется выразить благодарности заведующему отделом этнологии Института истории АН РУз д.и.н. А.А. Аширову и сотрудникам этого отдела к.и.н. Н.Х. Азимовой, к.ф.н. В.С. Хану за участие в редактировании отдельных глав работы, а также научным сотрудникам к.и.н. Б.

Убайдуллаевой, к.и.н. И. Хужахонову, А. Каюмову, А.Р. Тогаеву, М.Д. Тену, М. Хотамовой за научно-техническую редакцию, Д.Р. Каримовой – за выполненные ею компьютерные работы.

ЧАСТЬ I

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ЧАСТЬ III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЗБЕКОВ

ГЛАВА 7

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

ПОСЕЛЕНИЯ (ГОРОДА И СЕЛЕНИЯ)

ЧАСТЬ III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЗБЕКОВ

Территория современного Узбекистана является одним из древних очагов человеческой цивилизации. Народы, живущие здесь издавна, занимались земледелием, животноводством, ремеслом и торговлей. Они строили города и создавали многочисленные селения. Еще в период античности и раннего Средневековья в среднеазиатских оазисах возникли многочисленные города-крепости и крупные торговые пункты. В средневековую эпоху здесь функционировало более 200 городов. Такого их количества не было ни на Ближнем, ни на Среднем Востоке. Наблюдается бурный территориальный рост самих городских центров, особенно в IX-X вв. В первую очередь это происходит за счет разрастания ремесленного производства, торговых базаров, караван-сараев. Исследователи отмечают, что если крупные городские центры Востока, такие как Дамаск, Алеппо и другие, вырастают на 30-40%, то население Бухары в это время увеличивается в 15 раз, Самарканда - в 3-4 раза, Бинкета - в 20 раз (Большаков, 1970. С. 98, 99).

На протяжении XIII—XVIII вв. в результате непрерывных нашествий и междоусобных войн

города нередко подвергались разрушению, но затем поднимались из руин, восстанавливались или строились рядом со старыми городами, но уже с более укрепленными оборонительными сооружениями. Большинство населения региона с давних времен жило в сельской местности - в кишлаках. Оседлое население было сосредоточено главным образом в древних земледельческих оазисах. Однако оседлость населения в оазисах во многом зависела от социально-экономической и политической жизни страны. В период относительного затишья, с развитием земледелия, ремесла и торговли численность населения, а следовательно, и кишлаков в оазисах увеличивалась, и наоборот, во время войн и династийных интриг разрушались орошаемые сети и селения.

Во время междоусобных войн в Бухарском ханстве в начале XVIII в. были значительно разрушены ирригационные сети в Средней Зарафшанской долине, в связи с чем происходило опустошение большей части сельскохозяйственных оазисов. Население этих районов, преимущественно оседлое, было вынуждено покинуть насиженные места (Кармышева, 1969. С. 32). После преодоления разрухи запустевшие районы постепенно восстанавливались, строились новые каналы и кишлаки. Была восстановлена Даргомская плотина (1743-1749 гг.) и проведена работа по восстановлению заброшенной оросительной сети, проводилось строительство новых каналов. Некоторая часть населения, покинувшая эти места в годы бедствий, возвращалась в родные места. В центральных районах долины Зарафшана поселилась группа туркмен из средней Амударьи. Сюда же переселились таджики из верхнего Зарафшана и Каратегина, среднеазиатские арабы из Кашкадарьи, некоторые узбеки-тюрк из районов Гиссара и Уратюбе и др. В районах орошаемого земледелия Зарафшанской и Ферганской долины осели группы кипчаков и каракалпаков с берегов Сырдарьи („Наливкин, 1886. С. 17; Шаниязов, 1974. С. 103). После проведения каналов Ханарык в Ташкентском оазисе, Улуг-Нахр в Ферганской долине, на орошаемых ими территориях возникли десятки новых селений. Новые селения возникли и в Хивинском ханстве, главным образом в районах новых орошаемых каналов (Сухарева, Турсунов, 1982. С. 31).

Во второй половине XVIII в. в среднеазиатских ханствах произошли определенные позитивные процессы. Расширение ирригационных сетей, оседание кочевых племен на землях, развитие товарно-денежных отношений и усиление экономических связей с Россией (соседних стран) стимулировали хозяйственное развитие в ханствах, появилась тенденция к централизации власти. Постепенно налаживалась жизнь в городах. Во второй половине XVIII в. городская жизнь была восстановлена в Самарканде, Хиве, Термезе. Развивался и город Ташкент (Сухарева, Турсунов, 1982. С. 11).

В первой половине XIX в. в Хивинском ханстве насчитывалось 25 городов, в Кокандском - 20, в Бухарском - 19 (Данилевский, 1851. С. 109-114; Тимаховский, 1843. С. 78, 79). Крупными городами считались Бухара, Самарканд, Ташкент, Хива, Коканд, Наманган, Андижан, Шахрисябз, Карши. Существовали малые города. Значительная часть городов в Кокандском ханстве имела не более 500 домов. Незначительными по размеру были и малые города в Хивинском ханстве.

Хивинские города скорее всего имели сходство с небольшими крепостями. Жилых построек в них было мало, но и они огораживались высокими глинобитными стенами с закрывающимися на ночь воротами. В таких городах еженедельно устраивались один-два (а в отдельных городах и три) базарных дня, в них было множество торговых лавок, несколько мечетей, а в некоторых из них - медресе. Одним словом, несмотря на свои малые размеры, они были ремесленными, торговыми, а также культурными центрами, в которые съезжались живущие в ближайших и дальних селениях, а также скотоводы кочевых степей.

Средневековые города в прошлом были не только крупными центрами ремесленного

производства, но и являлись крупными узлами караванной торговли, через которые народы Средней Азии поддерживали постоянные связи с народами других стран и государств, что способствовало экономическому и культурному развитию ханств.

Во многих среднеазиатских городах сохранилось древнее деление их на две и четыре части (даха). Так, например, Ходжент, Шахрисябз, Хива состояли из двух частей; Коканд, Маргелан, Чует, Ташкент, Самарканд и Андижан - из четырех частей (Сухарева, Турсунов, 1982. С. 20; История Андижана. 1980. С. 11). Четырехчастное деление имелось в прошлом и в Бухаре, но здесь оно

сохранялось слабее, чем в других среднеазиатских городах. Зато в городе намечалась традиция членения на 12 районов. Такая структура сложилась в Бухаре позднее и оказалась неустойчивой, а в начале XX в. она исчезла (Сухарева, 1976. С. 63-66; Сухарева, Турсунов, 1982. С. 20).

В каждую часть города входило определенное число кварталов (мауалла) и в целом по городу их было значительное число. Например, Ташкент состоял из 280 кварталов, Бухара - 220, Самарканд имел около 100, Шахрисябз - 52, Андижан - 43, Китаб - 42, Гиждуван - 12 кварталов (Сухарева, Турсунов, 1982. С. 21). Число кварталов в городах свидетельствует об общественно-экономическом значении города, его древности и степени развития городской жизни.

Кварталы (металла) представляли собой исторически сложившуюся административно-бытовую ячейку города, в которой нашли свое отражение цеховая структура общества, родоплеменная организация отдельных групп населения и потребности административно-налогового управления. Жилой квартал был не только территориальной единицей города. Его жители объединялись в квартальную общину, внутри которой протекала жизнь населявших квартал семей, связанных между собой взаимной помощью и поддержкой. В колониальный период каждой частью города ведали волостные управители, а махалли возглавляли (и в ханствах) квартальные старшины (оцсоцоллар) (Ремпель, 1981. С. 116).

Средневековые города Средней Азии отличались своей замкнутостью, скученными строениями, изолированными от улиц высокими стенами. Дома и двор, располагавшиеся внутри каждого квартала, были размещены вплотную один к другому, во многих случаях имели общую стену или ограду с соседними дворами. Но фасад имел глухую гладкую стену, оштукатуренную глиной с саманом. Богатые дома стояли на высоких кирпичных цоколях с массивными прогонами (таг синч) в основании каркасных стен, с монументальными, чаще резными дверьми с большими кольцами (халца). Внешний вид и внутреннее устройство городских домов подчинялись особенностям уклада жизни, установленным законами ислама. Окна в стенках, выходящих на улицу, отсутствовали. Парадного входа в большинстве случаев не было. С улицы через ворота сначала проходили во внешний двор (тапщари), а оттуда во внутренний (ичкари).

По мнению специалистов, замкнутость жилого комплекса не только была вызвана специальными условиями, но и являлась ограждением, препятствующим проникновению во двор уличной пыли, иными словами, для создания необходимого микроклимата. Двор играл роль термического регулятора, удерживая до полудня охладившийся за ночь воздушный слой. Вечерняя поливка увлажняла и охлаждала его (Воронина, 1982. С. 51).

Дворы отдельных городов (например, Ташкента и Самарканда), при наличии поблизости оросительных каналов и арыков, озеленялись кустами виноградника, фруктовыми деревьями и цветочными клумбами. Города Бухара и Хива были лишены обильных зеленых насаждений ввиду отсутствия проточных вод. Во вновь образовавшихся городах (Коканд, Наманган) дома

планировались так, чтобы внутри стен двора оставались орошаемые участки земли для сада. В этих садах выращивались фруктовые деревья и виноградники. Городами-садами, не имеющими ограждений, были Андижан, Наманган и Маргелан.

Те городские семьи, в домах которых не имелось земельных участков, имели их за городом. Они летом уезжали в пригородные сады и усадьбы (дала, дала %овли), занимались земледелием, обеспечивая семью овощами, [фруктами, а в некоторых случаях зерновыми культурами. Бедные семьи горожан, имея лишь небольшой дом без земельного участка, жили весьма скудно, [нанимаясь на любую работу в хозяйстве баев и богатых горожан.

Во второй половине XIX в. происходит заметное развитие среднеазиатских городов, усиление их экономического и культурного значения. В них строятся предприятия фабрично-заводского типа, число которых с каждым годом ■ растет. Строительство Закаспийской железной дороги, а также Оренбургско-Ташкентской линии железной дороги еще больше способствовало росту промышленности предприятий в городах. В 1900 г. в Туркестанском крае было более 100 фабрично-заводских предприятий, а в 1913 г. их насчитывалось уже 702 (не считая предприятий добывающей промышленности).

Фабрично-заводские предприятия в основном были расположены в городах и поселках городского типа (городках). Например, в Ташкенте, по данным 1905 г., было 53 промышленных предприятий, а в 1913 г. число их увеличилось до 111 (Заорская, 1915. С. 23). В Самарканде в конце XIX- начале XX в. было около 50 фабрично-заводских предприятий, в которых работали 1,5 тыс. рабочих (Узбекская советская..., 1977. Т. 9. С. 297), в Коканде - 45 (Узбекская советская энциклопедия. 1980. Т. 14. С. 464). Ряд предприятий фабрично-заводского типа возник в Маргелане, Джизаке и в других городах.

С завоеванием Российской империей Средней Азии на азиатские рынки ввозится все большее количество российских фабрично-заводских товаров, на которые был большой спрос у местных жителей. На городских базарах были широко представлены фабричные ткани, платки различных расцветок, отвечающие спросу и вкусу местного населения. Однако основными покупателями привозных товаров были баи и местные чиновники, которые приобретали дорогие ткани, посуду, строили дома в европейском стиле и др.

С развитием торговли и промышленности и ростом городского населения городская застройка выходит далеко за пределы его стен. Города стали терять отличавшие их раньше черты средневекового города. Окружавшие их высокие стены с запиравшимися на ночь воротами потеряли практическое значение. Они постепенно разрушались. Рядом со старым городом, где жило в основном местное население, появились новые кварталы (например, в Ташкенте, Самарканде), строившиеся по плану с широкими прямыми улицами, по обеим сторонам которых были проведены арыки и посажены деревья. В новых частях городов жили представители российской интеллигенции и чиновничества, находившиеся на службе в колониальных государственных учреждениях (Народы Средней Азии..., 1962. С. 218, 269).

Процветание городской торговой буржуазии очень заметно сказывалось на размахе городского строительства, стиле архитектуры. Зажиточная часть населения европейского происхождения и часть местного населения начали возводить большие дома европейского и полоевропейского типа с остекленными окнами, железной кровлей, изменилась и отделка жилых помещений. Состоятельные горожане соперничали между собой в возведении новых больших домов. Кирпичные здания торговых фирм появились не только в городах Туркестанского края, но и в столицах Бухарского и Хивинского ханств.

Социальная структура городского населения во второй половине XIX - начале XX в. была

неодинаковой. Значительное количество городских жителей составляли ремесленники и торговцы. Например, в Намангане 64% населения было занято ремеслом, 9,9 - торговлей; в Коканде - 52 ремеслами и 16 - торговлей; Маргелане - 50 ремеслом и 18 - торговлей; Самарканде - 29,5 ремеслом и 21 - торговлей; Андижане - 45 ремеслом и 17% - торговлей (Сухарева, Турсунов, 1982. С. 29). Остальная часть населения состояла из земледельцев, разного рода обслуги (цирюльники, банщики и др.) и духовенства.

Этнический состав городского населения также был неоднородным. Большинство жителей городов составляли узбеки, а в некоторых городах (Самарканде, Бухаре и Чувате), наряду с узбеками, значительное количество городских жителей составляли таджики. Отдельные города были по своему составу многонациональными. Например, в Бухаре, помимо узбеков и таджиков, жили незначительное количество туркмен, среднеазиатских арабов, евреи, ирани, русские, татары, афганцы, индийцы, лезгины и др. Проживало здесь также некоторое количество узбеков, принадлежащих в прошлом к различным родоплеменным группам - мангыты, кенегес, буркут, кырк, юз, дурмен, катаган, калмак и др. Основным составом жителей г. Карши составляли исконно оседлые узбеки. Но, наряду с этим, жили здесь некоторые группы узбеков, являвшиеся в прошлом выходцами из Дашти Кипчака - мангыты, каучин, уймаут, кунград и др. Наряду с узбеками в конце XIX - начале XX в. жили в городе и представители других наций и народностей - уйгуры, ирани, среднеазиатские евреи, русские, украинцы, татары, армяне и др. (Сухарева, 1956. С. 123-181; Сухарева, 1958. С. 74-90, 109-127; Ремпель, 1981. С. 117). Этнический состав населения Шахрисябза в конце XIX - начале XX в. был узбекским. Жившие здесь таджики еще к концу XIX столетия полностью смешались с узбеками. В Шахрисябзе жили значительные группы узбеков из племени кенегес (и их роды очамайлы, чуют, кайрасаллы), мангыт, сарай, кунград, а также незначительное количество среднеазиатских евреев (Сухарева, 1958. С. 129-135). В г. Самарканде помимо узбеков и таджиков (по данным 1916-1917 гг.) находились русские, армяне, ирани, среднеазиатские евреи и незначительное количество евреев европейского происхождения, поляки, литовцы, грузины и др. (Зарубин, 1926. С. 23). Основными жителями г. Ташкента были узбеки, но в формировании населения этого города участвовали (как это видно из названия некоторых его улиц) отдельные группы племен - канглы, кият, кипчак, курама и др. (Поливанов, 1926. С. 27). В городе жили также русские, армяне, татары, казахи, среднеазиатские евреи и др.

В конце XIX - начале XX в. сельское население в среднеазиатских ханствах значительно увеличилось в основном за счет перехода к оседлости в прошлом полукошачьих и полусоседных групп узбеков, особенно тех, в хозяйстве которых преобладали каракульские породы овец. В суровые зимние годы, когда выпадало много снега или когда длительное время была гололедица, а также ввиду скудности кормов, наблюдался массовый падеж скота. Лишившиеся значительного поголовья овец, скотовладельцы, особенно бедные слои, вынуждены были переходить к оседлости и заниматься земледелием, образовав в оазисах новые селения.

Основную массу сельских жителей составляли узбеки. По данным начала XX в. они составляли 608 590 хозяйств или 79,4% хозяйств сельской местности возникшей Узбекской республики (Материалы Всероссийских переписей..,

1924. С. 20). Историческими условиями формирования хозяйства и культуры, этническим составом населения, а также природно-географическими условиями занимаемого пространства определяется плотность населения. Исходя из этого, можно выделить четыре группы районов расселения населения в начале XX в.: районы наибольшей плотности населения - от 70 человек и выше на 1 км²; средняя плотность населения - от 20 до 70 человек на 1 км²; малонаселенные - до 20 человек на 1 км²; наименее населенные районы - 1 человек и

менее на 1 км² (.Кузнецев-Угамский, 1929. С. 36, 37).

К районам наибольшей плотности населения относились Ташкентский оазис (вместе с г. Ташкентом), культурные оазисы Ферганской долины, междуречья Нарына и Карадарьи, Наманганский оазис, бассейн Зарафшана (особенно районы Миянкаля) Бухарский оазис. Это места наиболее интенсивного поливного земледелия, развитой культуры и ремесленного производства. К районам средней плотности населения относились южные части Ташкентского оазиса, окраины названных выше культурных оазисов, Каршинский оазис, Каракульский оазис, правый берег средней части Сурхандарьи, Северная Фергана по Гавасаю и др. Эти районы большей частью были расположены на территории поливного земледелия, а некоторые вплотную подходили к полосе богарного земледелия, выгонного и пастбищного скотоводства. Районы малонаселенные охватывают: западную часть Кураминского хребта (на границах Ташкентского и Ходжентского округов и между долиной Ангрена и Северной Ферганы на востоке), Голодную степь, отроги Туркестанского и Мальгузарского хребтов, Нуратинских гор, округи Гиссарского хребта и Верхней части бассейна Кашкадарьи и Гузардарьи, окраины долины Сурхандарьи, оазис Шерабадцарьи, верховья рек Тупаланг и Сангардака, отроги Зарафшанского хребта к югу от Зарафшана и др. Малонаселенные районы расположены, главным образом, в полосе богарного земледелия, а также выгонного и пастбищного скотоводства.

Наименее населенные районы занимали обширные территории Узбекистана. Сюда относятся предгорья Чаткальского хребта, средняя Ферганская пустыня, наименее населенные части Гиссарского хребта, Кызылкума, пустынная часть Сурхандарьинского округа. Районы наименее населенные были расположены, главным образом, в горных и пустынных зонах, где основным занятием населения является отгонное скотоводство (в основном овцеводство). . 'j .V

Наиболее распространенным видом поселения сельской местности является кишлак, состоящий из усадеб. В 1926 г. на территории Узбекистана было зарегистрировано 12 811 кишлаков, в абсолютном большинстве из которых жили узбеки. Больше всего кишлаков насчитывалось в Самаркандском, Бухарском, Кашкадарьинском и Заравшанском округах. Значительная часть их была малонаселенной. Кишлаки, расположенные в Ферганской, Андижанской и Ташкентском округах, были более густонаселенными (Шаниязов, Измайлов, 1981. С. 15).

Размеры кишлаков были различны: в них проживало от 10 до 1 тыс. и более человек. Исходя из количества жителей можно выделить пять групп кишлаков: небольшие (карликовые) с числом жителей до 100 человек, мелкие до 200 человек, средние до 500 человек, крупные до 1 тыс. человек, наиболее многолюдные свыше 1 тыс. человек (Кузнецев-Угамский, 1929. С. 36, 37).

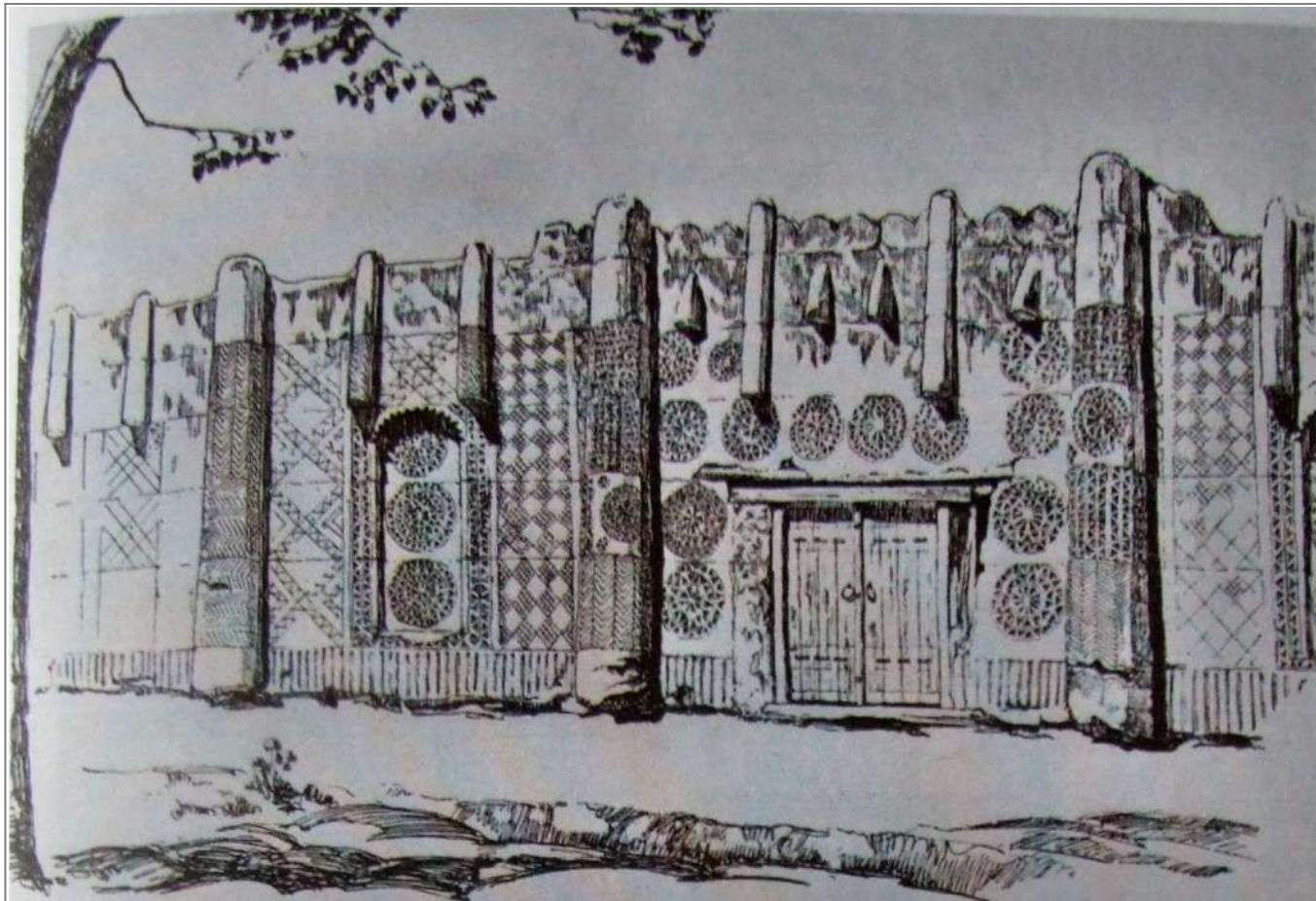
Восточные округа Узбекистана, являвшиеся древними очагами орошаемого земледелия, отличались высокой численностью населения. Средняя населенность кишлаков Андижанского округа была 782,5 человек, Ферганского - 673,3 и Ташкентского - 495,6 человек. Некоторые кишлаки этих округов являлись более многолюдными. В Андижанском округе в 25 кишлаках Изба-сканского района жили 36 656 человек, что составляло 76% населения, в 32 кишлаках Наманганского района - 57 459, или 72,1%. В Ферганском округе в 18 кишлаках Андижанского района было 50 360 человек, или 90,9%, в кишлаках Ферганского района - 17 282, или 46,6%. В Ташкентском округе наиболее многолюдными были кишлаки, входившие в Паркентский район. В восьми из них жили 22 939 человек, или 87% населения, в семи кишлаках Янгиюльско-го района - 26 009 человек, или 62,5% населения данного района.

Кишлаки Бухарского, Зарафшанского и Самаркандского округов были преимущественно небольшими, их население не превышало 200 человек. Однако в этих округах имелось

несколько кишлаков с населением свыше 1 тыс. человек. Подобные очаги сосредоточения населенных пунктов с большим количеством жителей имелись в юго-западной и западной части Узбекистана. Примером могут служить Бешкентский и Касанские районы Кашкадарьинской области. В первой из них было зафиксировано 15 кишлаков с общим количеством жителей 26 512 человек, т.е. 47,2% всего населения указанного района. В 11 кишлаках Касанского района жили 19 913 человек, или 47,4% населения этого района. Другой район повышенной плотности населения - Шафирканский район Бухарского оазиса, где насчитывалось 14 крупных кишлаков с общим количеством населения 17 576 человек, или 36,2% жителей данного района. Высокой плотностью населения отличались и Пастдар-гамский и Акдарьинский районы Самаркандской области. В трех крупных кишлаках первого количества жителей составляло 5058 человек, или 14,7%, а в двух селениях Акдарьинского района было зафиксировано 4129 человек, или 14,2% населения этого района (Шаниязов, Исмаилов, 1981. С. 14).

Выделяются четыре группы оседлых кишлаков, расположенных в разных условиях рельефа местности: поселения в оазисе, в предгорных равнинах, горной местности и степных зонах. Такое расположение кишлаков, несомненно, связано с историческими условиями сложения узбекской народности, а также с хозяйственной деятельностью разных групп узбекского населения.

Большинство оседлых поселений находилось в оазисах, где жили, главным образом, земледельцы и ремесленники. Селения, находившиеся в зоне орошаемого земледелия, располагались в основном вдоль каналов и проездных дорог, окруженные пахотными полями и насаждениями. Основными водными источниками этого типа поселений были проточные арыки, родники, искусственные водоемы, а в маловодных селениях - колодцы. Поселения были неодинаковыми по своему размеру. Среди них выделяются наиболее крупные ремесленные и торговые селения, которые соединяли в себе черты города и кишлака (Народы Средней Азии..., 1962. С. 274). Обычно они находились поблизости от древних поселений-крепостей и образовались, видимо, на развалинах последних. К их числу относятся: Вабкент, Ромитан, Шафир-кан, Гиждуван, Каракуль и другие в Бухарской области; Иштихан, Чархин, Ургут и другие в Самаркандской области; Маймана, Касан, Бешкент, Гузар и другие в Кашкадарьинской области; Денав, Шурчи, Шерабад и другие в Сур-хандарьинской области; Пскент, Паркент, Тойтепа и другие в Ташкентской

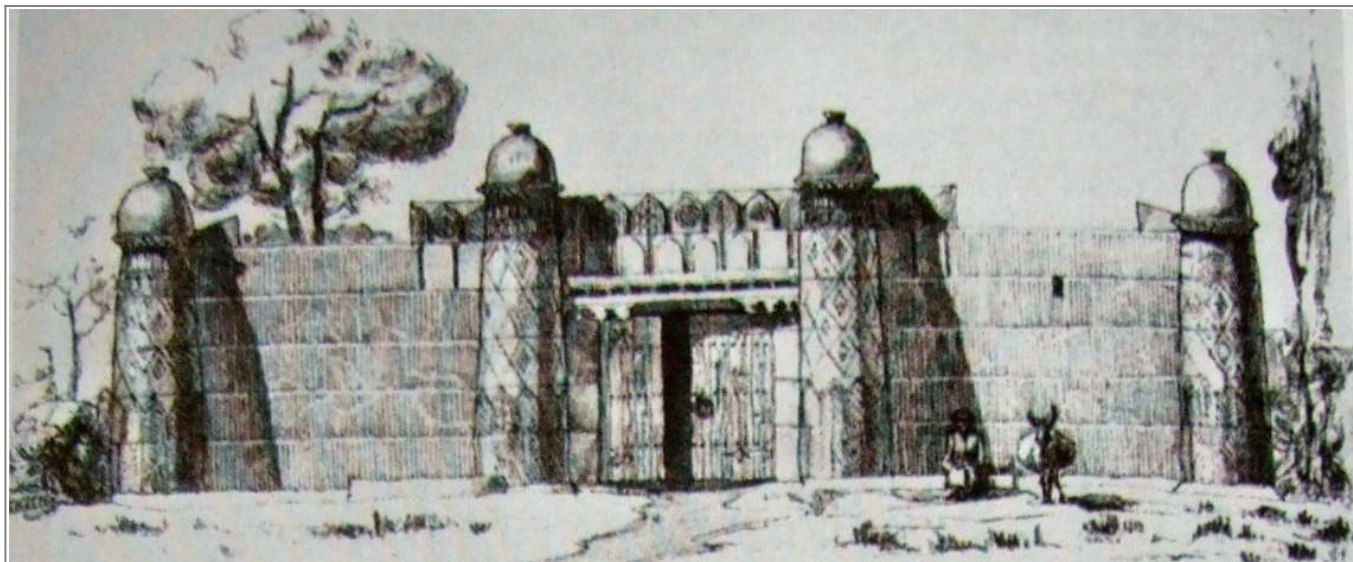
Фасад самаркандской пригородной усадьбы В кн.: Воронина В.Л. «Народные традиции архитектуры Узбекистана». 1951 г.

области; Касансай, Чуёт, Шаханд, Шахрихан и другие в Ферганской долине. В центре таких поселений на пересечениях двух-трех и более улиц находился обычно базар, ремесленные мастерские и торговые лавки. Только в Ферганской долине в начале XX в. насчитывалось 78 рынков. Многие поселения оазисного типа были небольшими (Абдуллаев, 2005. С. 221).

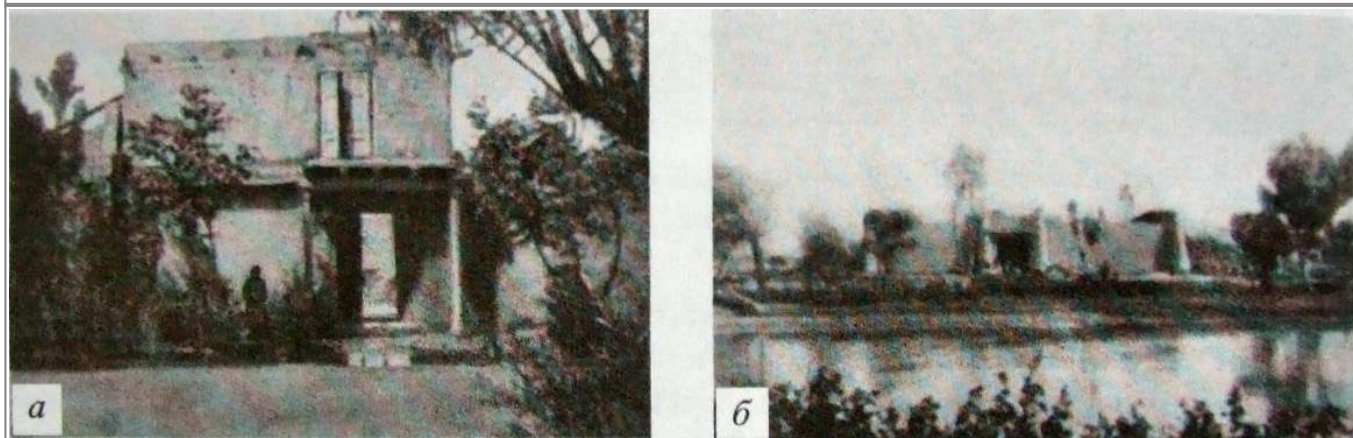
В описанном оазисном типе поселения у оседлых узбеков выделялись две формы усадеб: с оградой и без нее.

Замкнутая усадьба обносилась высокими глинобитными стенами и имела главный вход - ворота (дарвоза). Такие усадьбы в прошлом были широко распространены в долине Зарафшана, Хорезма, Ферганской долине, других областях и различались внутренней планировкой. Во многих усадьбах двор делился на две части: внутреннюю (ичкари %овли) и внешнюю (ташцари %овли). Во внешнем дворе обычно находились помещения, предназначенные для приема гостей (мехмоцона), конюшни и навесы для лошадей, а во внутренней части двора - жильё, помещения, хозяйственные постройки различного назначения. У некоторых усадеб позади дворов был участок с бахчевыми посевами, виноградниками и фруктовыми садами с выходом через калитку. В некоторых селениях Ферганской долины (например, в селении Миндон) Фруктовый сад и виноградники были расположены во внутренней части замкнутого двора. В отдельных дворах виноградники были отгорожены от жилой части глинобитными заборами.

В замкнутом типе усадьбы, с разделением двора на ичкари и таицари, выделяются одиночные усадьбы типа крепости (фургон, цалъа), бытовавшие до 60-х годов XIX в., и усадьбы, имевшие оборонительные назначения.

Фасад хорезмской усадьбы. Пишканик, близ Хивы В кн.: Воронина В.Л. «Народные традиции архитектуры Узбекистана». 1951 г.

а) уголок двора в кишлаке Сохтари. Гиждуванский район, Бухарская область; б) дом хивинского узбека - «хаули». Окрестности Хивы, 1922 г. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана. 1962». Т. 1

Они были огорожены высокими массивными стенами. Курганы являлись резиденциями отдельных знатных людей и предводителей некоторых узбекских племен (кипчаков, кирков, юзов, найманов, мингов, ктай и др.).

Усадьбы типа оборонительных крепостей бытовали в прошлом (вплоть до конца XIX в.) в средней части долины Зарафшана в Гиждуванском, Шафир-канском и других районах (на границах со степью) Бухарского оазиса и в некоторых районах Ферганской долины (Наливкин, Ншивкина, 1886. С. 6). Наличие укрепленных крепостей не только обеспечивало оборону от нападения врагов, но и служило гарантией благополучного исхода грабительских набегов на поселения (.Гребенкин, 1871). Одиночные подворно-гнездовые усадьбы типа курганчи, также обнесенные высокими стенами, многие из которых украшены орнаментом, являлись основным двором и жилищем населения Хорезма и многих жителей бассейна среднего Зарафшана и отчасти Бухарского оазиса (Жданко, 1952. С. 522). Несколько усадеб объединялись в одну водоземельную общину (элат). В южном Хорезме насчитывалось 1355 общин-элатов с числом хозяйств 54 529 (Военно-статистическое описание., 1902. С. 116, 117).

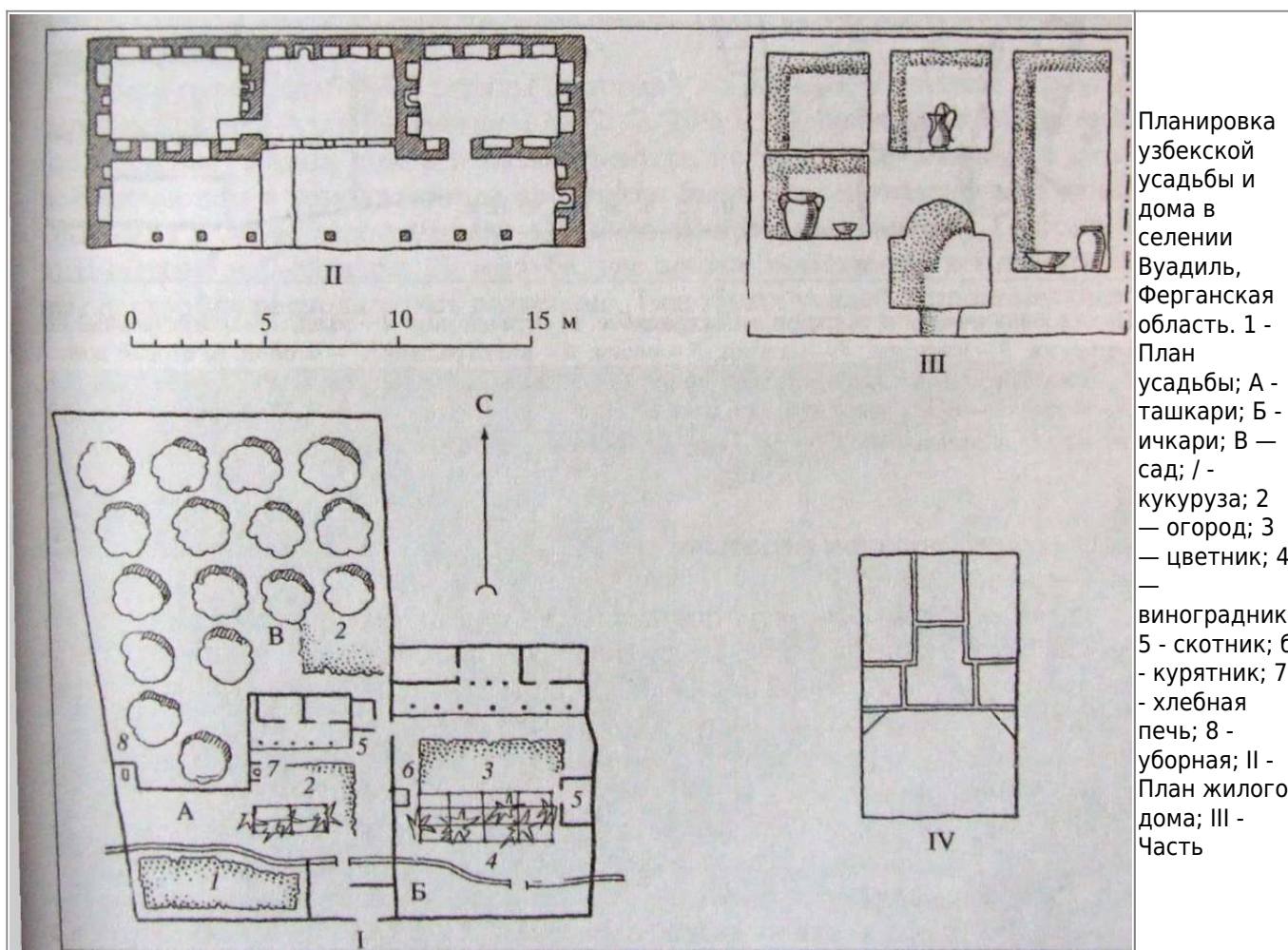
Дома-усадьбы состоятельных семей представляли собой замкнутый комплекс, окруженный со всех сторон толстыми пахсовыми стенами и полуколоннами. На верхней части последних очень часто делались ложные башенки. Фасады и внутренние стены богатых домов орнаментировались. Ворота-двери, колонны айвонов были покрыты художественной резьбой

(Са-; зонова, 1952. С. 295-301).

Ховли состоятельного владельца делилось на две половины: внешнюю -мужскую (дишан %овли) и внутреннюю - женскую (ичкари уовли). Каждая часть дома в свою очередь имела зимнюю (цишки уй) и летнюю (ёзги уй) части. Вход в дом осуществлялся через ворота, от которых шел крытый проход — долан. По обеим сторонам далана располагались хозяйственные помещения и помещения для гостей (.мехмошона). Во внутреннем дворе были расположены жилые помещения, кухня, кладовка и другие подсобные помещения. Здесь же находилась открытая .терраса-терс айван или навес-чортоц.

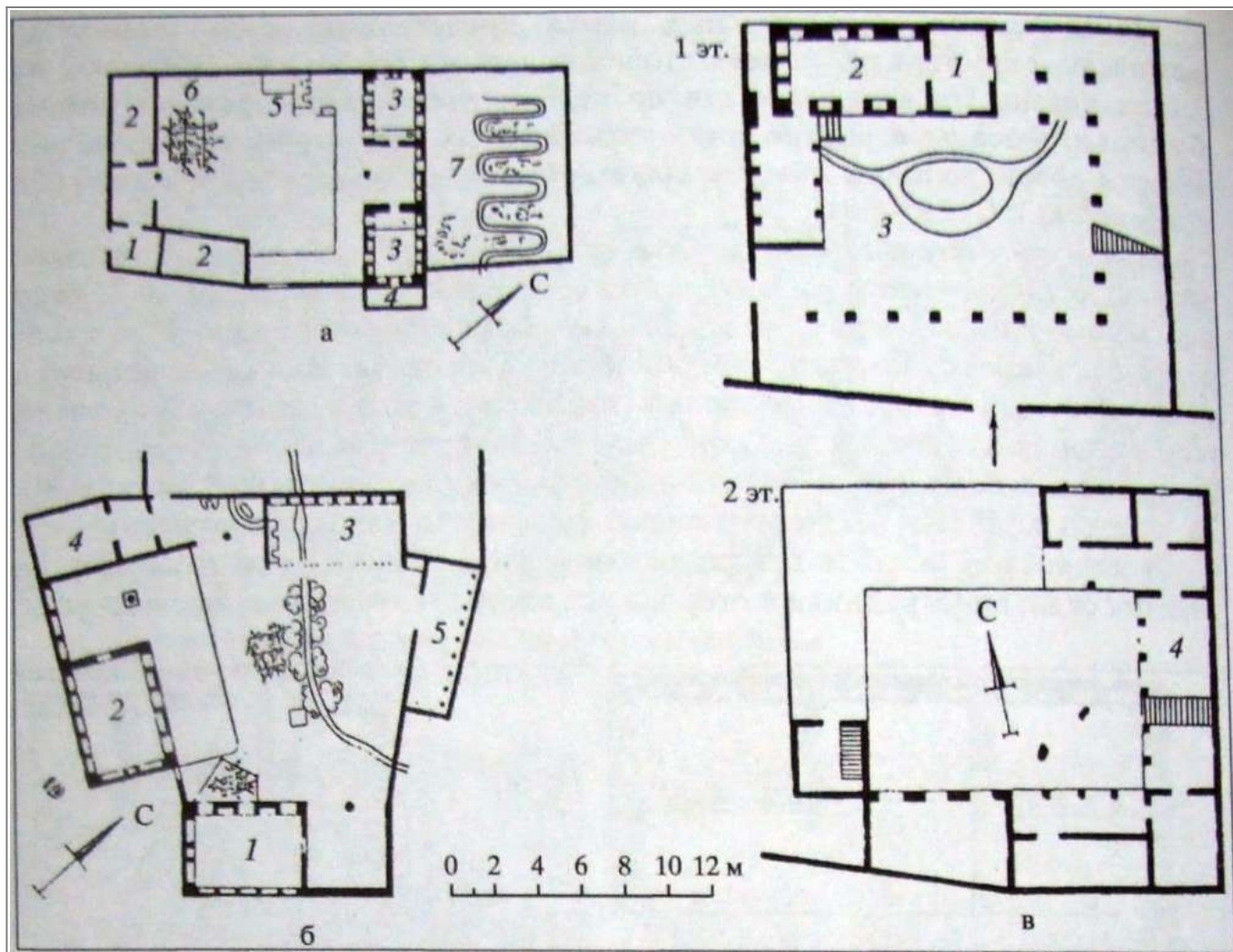
В замкнутой усадьбе без разделения двора на ичкари и ташцари, без участка сада, виноградника и огорода все жилые и хозяйственные постройки

Ниша с деревянными полочками в ком-

стены внутреннего айвана с нишами и камином; IV нате

В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана». 1962 г. Т. 1

Планировка ичкари и ташкари в Шахрисябзе. а) первый дом: 1 - вход, 2 - хозяйственные помещения, 3 - комнаты, 4 — мадонн, 5 - очаги, б - виноградник, 7 - огород; б) второй дом: 1, 2 - комнаты, 3 - кухня, 4 - подсобное помещение, 5 - скотник; в) ташкари дома: 1 - дахлиз, 2 - мехманхона, 3 - водоем, 4 - болахона Фото в кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». М., 1959. Т. II

размещались в одном небольшом дворе. Выделяются три разновидности таких строений.

Первая - усадьба-^овлм, огороженная стенами (высотой 5-6 м) и во многом напоминающая цургонча, но в отличие от последней без разделения двора на ичкари и ташцари. Подобные усадьбы зафиксированы в Гиждуванском, Вабкентском районах, а также в Ферганской долине. Большинство их находилось в оазисах и принадлежало крупным землевладельцам, главам отдельных групп узбекских племен.

Вторая - замкнутая усадьба-^овлм, огражденная высокими стенами (1,5-2 м). Этот вид постройки встречался у полуоседлых и отчасти оседлых узбеков. Усадьба последних состояла из комплекса жилых и хозяйственных построек. Во дворе и около двора замкнутых усадеб имелись искусственные водоемы (дсовуз) или колодцы (нудуц). Этот вид усадьбы бытовал во всех регионах.

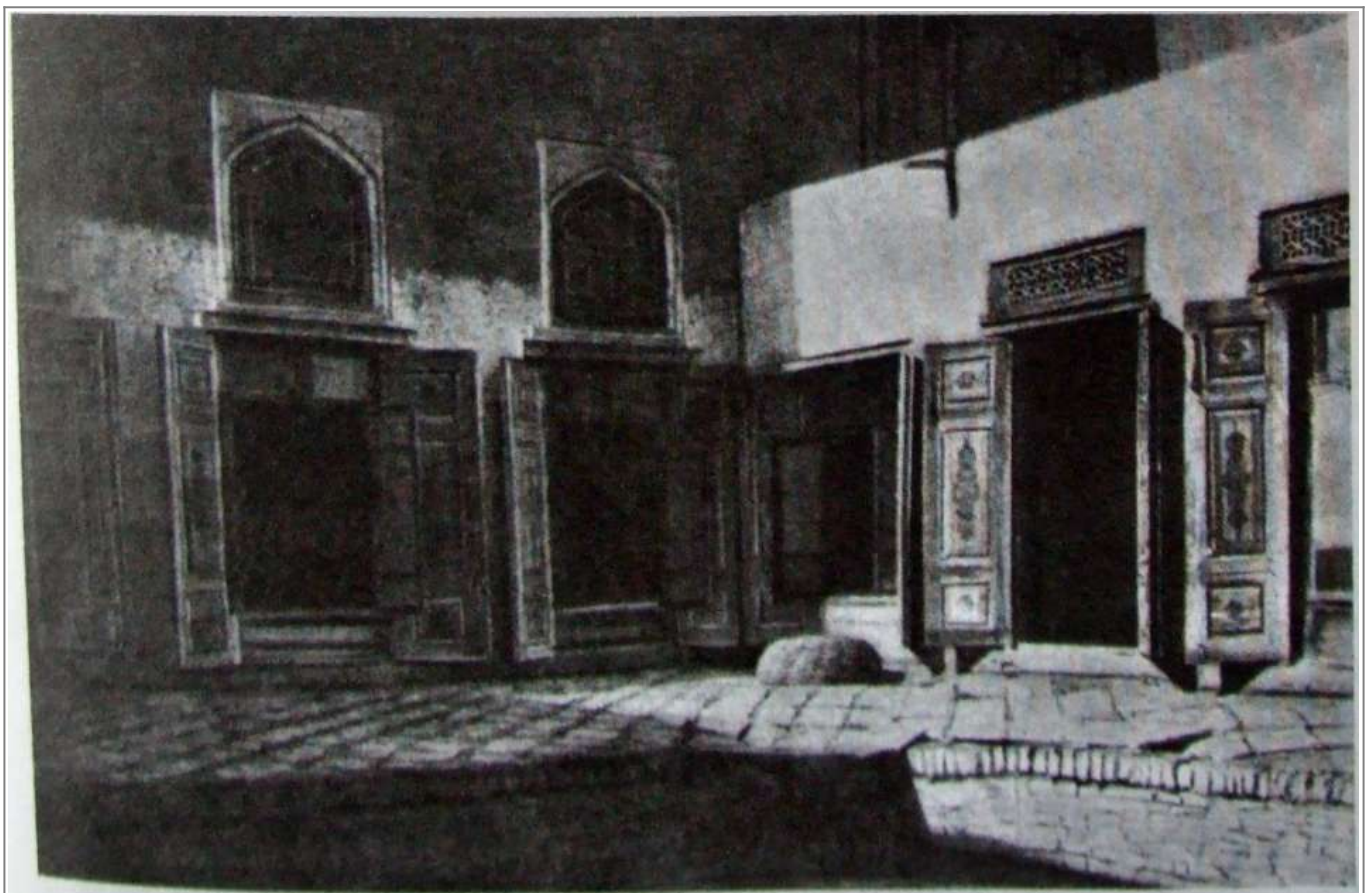
Основным жилищем в таких усадьбах полуоседлых узбеков была войлочная юрта (цора уй, кийгиз уй), а в некоторых районах - шалаш (капа). Юрта или капа устанавливалась в центре двора %овли. Хозяйственные постройки, в некоторых и мехманхона, были расположены вдоль стен — справа и слева при

входе во двор (Этнографические очерки., 1969. С. 128). Многие семьи, живущие в этих усадьбах, весной кочевали вместе со скотом на летние пастбища, а осенью и зимой находились в своих усадьбах.

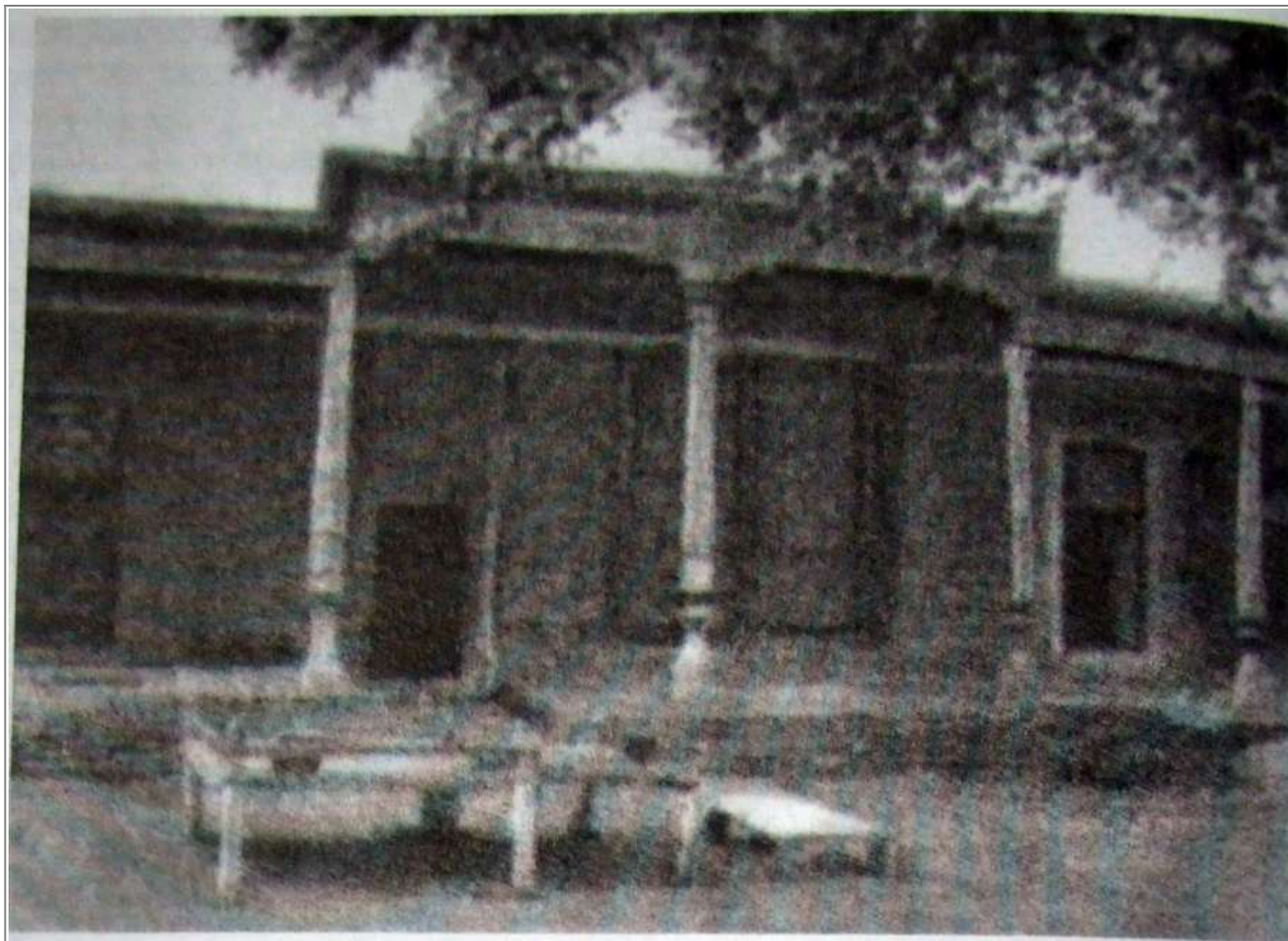
Третья разновидность - когда в замкнутой усадьбе все постройки находились под сплошным покрытием, а во дворе росли одно-два фруктовых дерева (чаще всего тутовник или урюк) или был разбит небольшой цветник. При круговой постройке задние стены этих помещений служили одновременно и стенами усадьбы. Такие усадьбы бытовали в начале XX в. на территории Ферганской долины, Ташкентского оазиса, в долине Зарафшана, Кашкадарьинской и других регионах и в них жили в основном состоятельные землевладельцы.

Описанный здесь вид двора имеет близкое сходство с так называемым припамирским типом, все постройки которого также находились под одним сплошным покрытием. Этот тип считался наиболее древним. Такая усадьба в прошлом была распространена в Западном Припамирье, Восточном Туркестане, в других районах Средней Азии, на южных склонах Гиндукуша (Андреев, 1958. С. 267-273, 423^25; Кисляков, 1939. С. 149-170; Моногарова, 1959. С. 43).

Замкнутые усадьбы без ограды бытовали в прошлом у узбеков и других народов Средней Азии (Антипина, 1962. С. 209, 210). Наблюдалось два вида расположения жилых домов и хозяйственных построек: 1) усадьба, в которой жилой дом и хозяйственные постройки были сосредоточены под одной крышей, а в плане расположены: а) на одной прямой линии; б) Т-образно; в) П-образно и Г-образно; 2) усадьба, где жилые помещения и хозяйственные постройки располагались раздельно. Подобных усадеб в прошлом было

Бухарский дом с открытыми террасами В кн.. Воронина Н.И. «Народные традиции архитектуры Узбекистана». 1951 г.

Айван в жилом доме в Коканде, имеющий в центре приподнятый кайвон Фото В.Л. Ворониной в кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». М., 1954. Т. I

много на всей современной территории Узбекистана, что объясняется их приспособленностью к быту сельского населения.

Постоянные поселения второго типа располагались на окраинах оазисов и в пригородных районах, в полосе богарного земледелия. Многие усадьбы этого типа возникли в конце XIX - начале XX в., а некоторые из них гораздо раньше. Поселения, а также усадьбы описываемого типа, образовались в результате перехода к оседлости бывших кочевых и полuosедлых узбеков и потому в их усадьбах, вплоть до начала XX в., наблюдались следы их прошлого скотоводческого быта. Следует отметить, что бывшие скотоводы переходили к оседлости на местах их зимовок в течение долгого времени - в некоторых районах до 20-30-х годов XX столетия (Этнографические очерки., 1969. С. 127, 128; Шаниязов, 1964. С. 91), и продолжали жить в юртах, устанавливая их в центре усадьбы. Те, кто переходил жить в глинобитные жилища, строили обычно однокомнатные, в некоторых случаях и двухкомнатные жилые помещения. Во многих сельских районах Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Бухарской и Самаркандской областей усадьбы строились без террасы-амван, а усадьбы этого типа в предгорных районах Ферганской долины и в Ташкентском оазисе строились с айваном. В последнем, несомненно, сказывалось влияние архитектурной традиции оседлого населения оазисов.

Таким образом, в описываемом типе поселения наблюдаются усадьбы как с глинобитными жилищами, так и с юртой вместо глинобитных жилищ. Встречались также усадьбы переходного характера от юрты к глинобитному жилищу. В них одновременно с юртой бытовало и глинобитное жилище.

В юрте обычно продолжали жить главы семьи (мать-отец с несовершеннолетними детьми), а для женатого сына строили глинобитное жилище.

Поселения предгорных районов можно разделить на три вида.

К первому относятся поселения, где усадьбы располагались компактно в одну или две линии и тянулись вдоль дороги, берегов горных рек или саев. Этот вид селения условно назван «линейным» (Шаниязов, Исмаилов, 1981. С. 14). Однако линейность не всегда строго соблюдалась: одни дома располагались ближе к источникам воды или проезжей части дороги, другие находились вдали от них. В начале XX в. в них жили как полуоседлые, так и оседлые узбеки.

Второй вид поселения представлял собой несколько (3 и более) усадеб, которые располагались отдельными компактными группами на расстоянии 100-200 м и более одно от другого. Каждая такая группа в отдельности называлась туп, а у отдельных групп узбеков (кипчаков, кунградов, найман и др.) - овул. Несколько аулов или топов составляли кишлаки, которые обычно не имели улиц. От одной группы домов к другой вела дорожка или тропинка. В каждом топе или ауле жила одна семейно-родственная группа (Шаниязов, 1974. С. 219).

Третий вид поселения предгорных районов - одиночно-разбросанного типа, при котором каждая усадьба располагалась на значительном расстоянии одна от другой (до 150—200 м и более). Эти поселения занимали огромную площадь. Такой вид поселения появился, видимо, в прошлом у полуоседлых и полукочевых узбеков в результате перехода их к оседлости. Он был расположен в долинах горных речек при выходе их на предгорную равнину и на самой равнине, а также у родниковых ручьев. К примеру, в Ферганской долине они располагались по Сумсар-саю, Резак-саю, Чадак-саю и др. Многие селения Нуратинских гор расположены у родников.

В постоянных поселениях горных районов этого типа выделяется несколько видов. Первый - отдельные усадьбы, расположенные одна от другой на значительном расстоянии (1-2 км и более). Десятки таких разбросанных усадеб зафиксированы в западной части Туркестанского хребта. Усадьба этого подтипа была образована в процессе перехода в прошлом полукочевых узбеков к оседлости. Другой вид - усадьбы, беспорядочно разбросанные на склонах гор по берегам речек на расстоянии 50-100 м и более одна от другой. Большой частью они образовались в результате перехода полуоседлых и полукочевых узбеков к оседлости. Во многих поселениях такого типа обособленно жили либо отдельные узбекские роды, либо родовые подразделения. Эти селения часто носили название того рода, который проживал там.

Постоянные поселения, расположенные в степной зоне, возникли на местах зимовок в прошлом кочевых, полукочевых групп узбекских племен. Жители этого типа поселений (полукочевые узбеки) вплоть до начала XX в. занимались исключительно животноводством. К такому виду поселения относятся кишлаки Кукдала, Талактева, Майлиджар, Кошкудук, Шуркудук и другие Каршинской степи, в которых жили группы из племени найман, частично и из племени сарой.

Усадьба четвертого типа поселения состояла исключительно из юрт и отдельных глинобитных построек: помещения для содержания лошадей (от-хона), для хранения топлива (утинхона, тезак хоиа, последняя для хранения сухого помета животных), а также загоны (куй хона, цутон) для мелкого

16 Узбеки скота. Усадьба этого типа, как у богатых, так и у бедных семей, почти ничем не огораживалась. Основными источниками водоснабжения здесь были глубокие колодцы, у которых устанавливали специальные приспособления -чи&ир, для выкачивания воды при помощи животных.

СТАЦИОНАРНОЕ ЖИЛИЩЕ

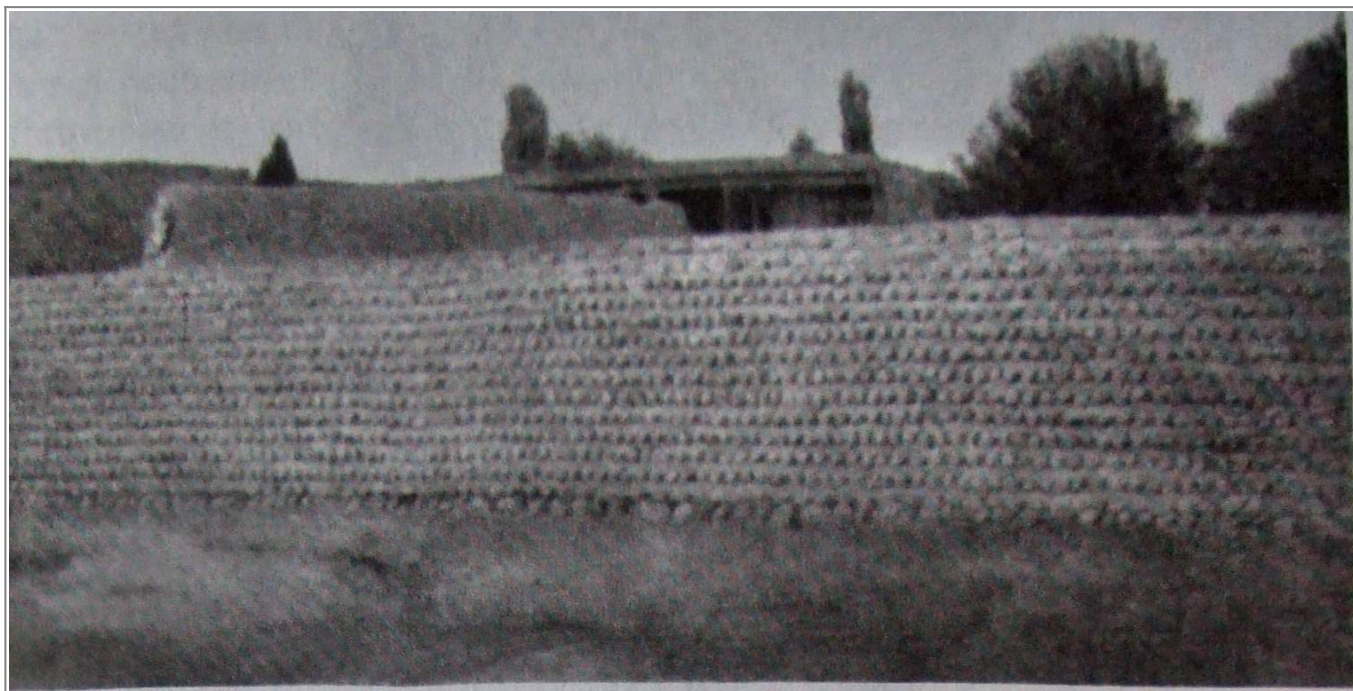
Конструкции узбекского жилища были просты и выполнялись из местных строительных материалов. Таким материалом является в первую очередь лёссовая глина (пахса), из которой возводили глинобитные стены, изготовляли сырцовый кирпич (еишт) квадратной или прямоугольной формы, овальные комья гувала. Жжёный кирпич квадратной формы, обжигаемый в печах хумдон, применялся почти исключительно в монументальном строительстве. Из древесных пород на конструкцию стен и кровли шел, главным образом, тополь. Раствором служила глина; штукатурили глиной с саманом. Для архитектурной отделки помещений в богатых домах употребляли алебастр (,ганч).

Дома ставили обычно без фундамента - подготовка грунта сводилась к выравниванию и трамбовке строительной площадки. До середины XIX в. цоколь в домах либо отсутствовал, либо делался очень низким; под стены укладывали ряд булыжника или один-два ряда жженого кирпича. Лишь кое-где наличие грунтовых вод и почвенных солей заставляло поднимать цоколь и употреблять изоляцию в виде камышовой прокладки. Со второй половины XIX в. в городах крупные торговцы начали строить дома с невысоким цокольным этажом, который использовался в качестве складского помещения.

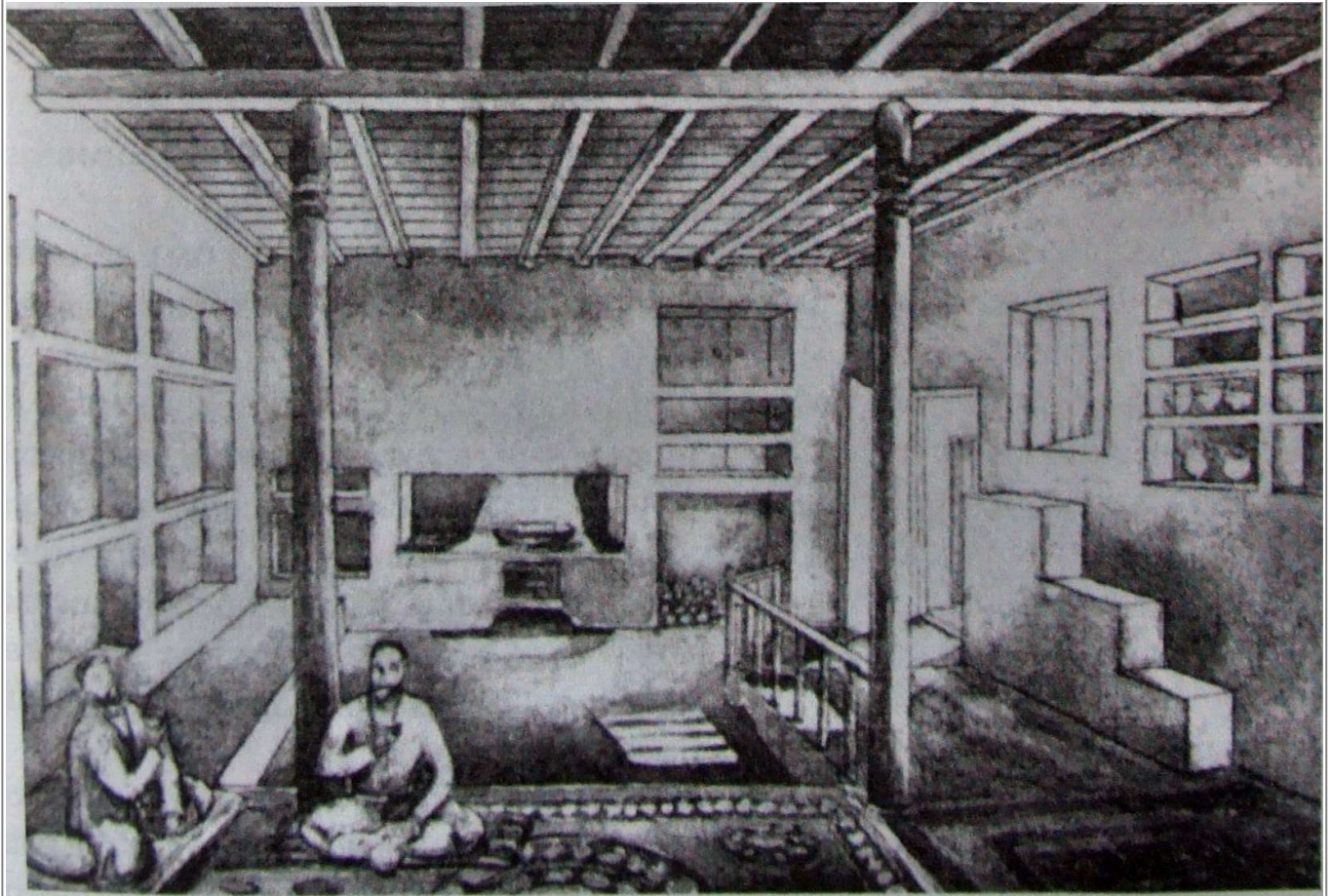

Стена из битой глины типа «пильтали-пахса-девор» в Маргилане. 1939 г. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». М., 1954. Т. 1

242

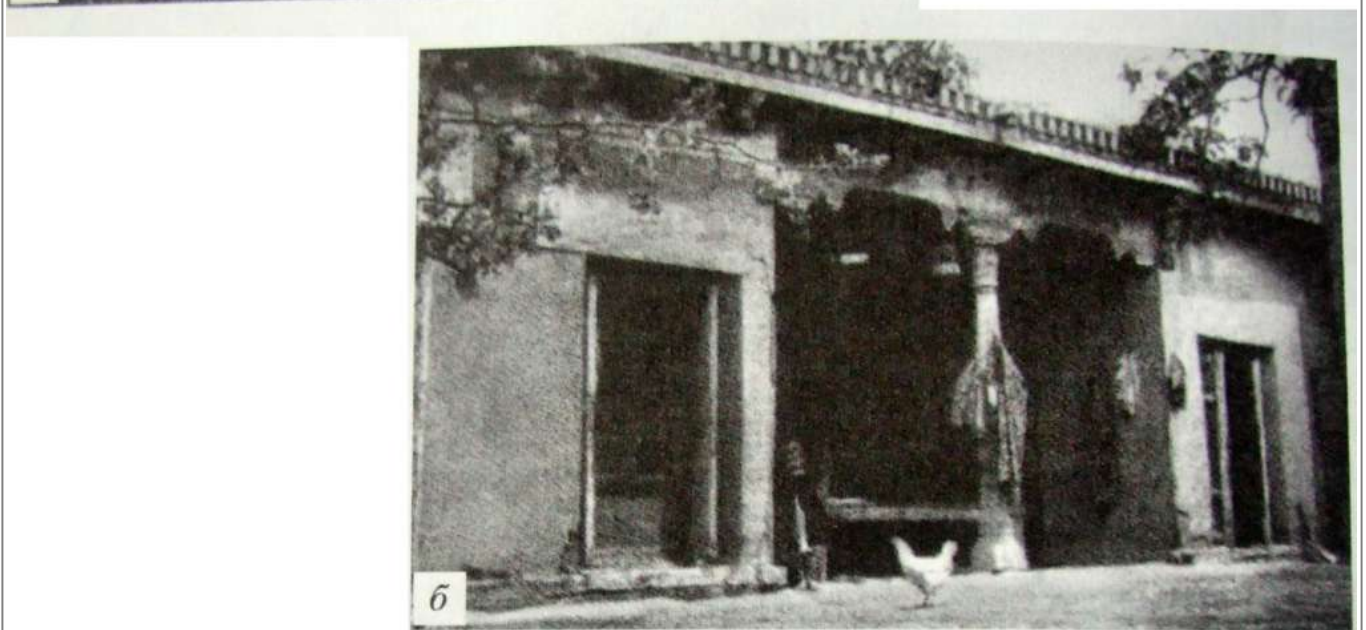
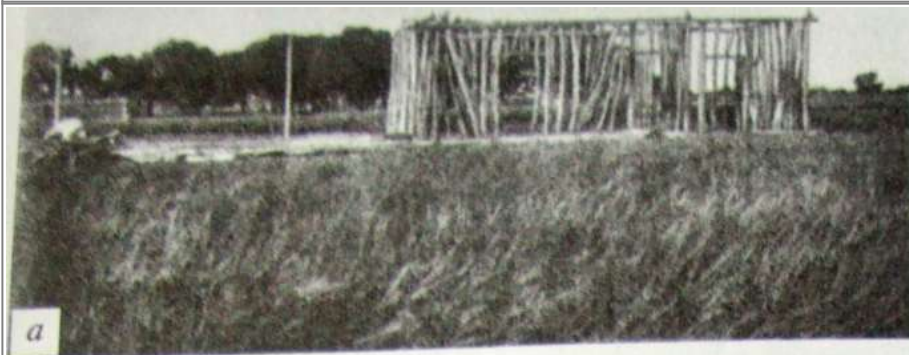

Стена из гувала (кесак девор) в Маргилане. 1939 г. В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». М., 1954. Т. 1

Жилая комната. Верхний Зарафшан

В кн.; Нозилов А. «Марказий Осиё меъморчилигида интерьер». 2005 г.

а) деревянный каркас дома в кишлаке Сохтари. Гиждуванский район, Бухарская область; б) дом в кишлаке Муминабад. Сурхандарьинская область. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана». 1962. Т. 1

В Бухаре в полуподвальных помещениях, где летом прохладно, а зимой тепло, иногда жили или устраивали здесь мастерскую.

Пол дома приходился почти вровень с землей. Обычно он был земляной, хорошо утрамбованный, иногда обмазанный глиной, в городских домах состоятельных людей его выстилали жженым кирпичом.

Наиболее распространенной конструкцией стен жилища был каркас, состоящий из верхней и нижней обвязки, между которыми укреплялись стойки и подкосы с жердями. Различался каркас однорядный (яккасинч) и двухрядный (<куш-синч). Его заполняли кладкой из сырца или гувалья. Кладка стен из сырца на современной территории Узбекистана встречалась преимущественно в Фергане. Из гувалья стены возводили тоже, главным образом, в Фергане (притом в восточных ее районах), отчасти в долине Кашкадарьи (Гузор). Пах-совая кладка стен применялась в сельских усадьбах.

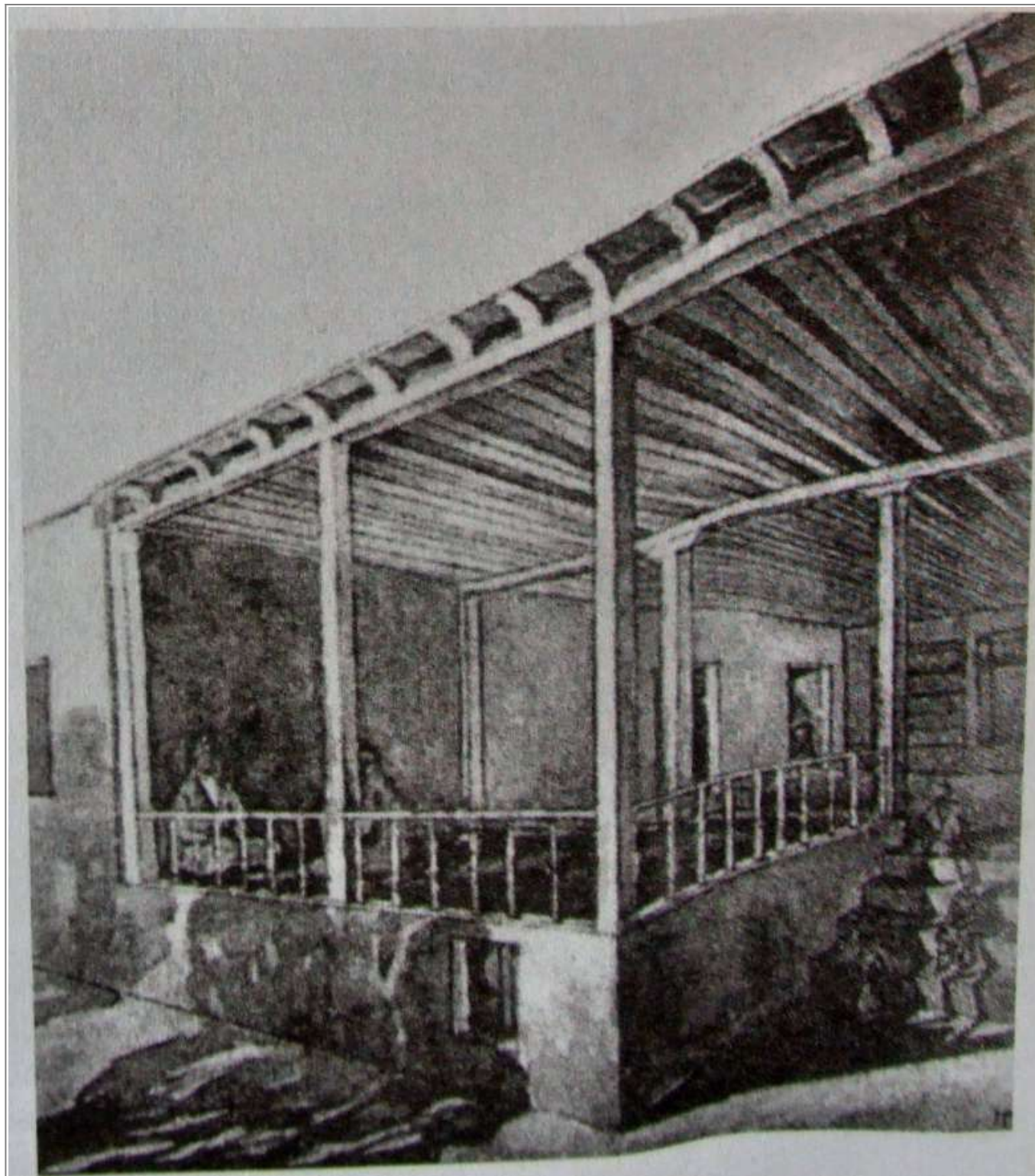
Плоская крыша покоилась на деревянных балках {устун, болор), поверх которых укладывали мелкие горбыльки (васса) - те и другие образовывали открытый ребристый потолок. Поверх васса настилали камышовую плетенку (буйра), затем делали земляную засыпку, довершаемую глиносаманной обмазкой. Вода с крыши отводилась деревянными желобами или керамическими трубами. Саманную обмажу кровли приходилось ежегодно обновлять, что доставляло много хлопот и требовало немалых расходов.

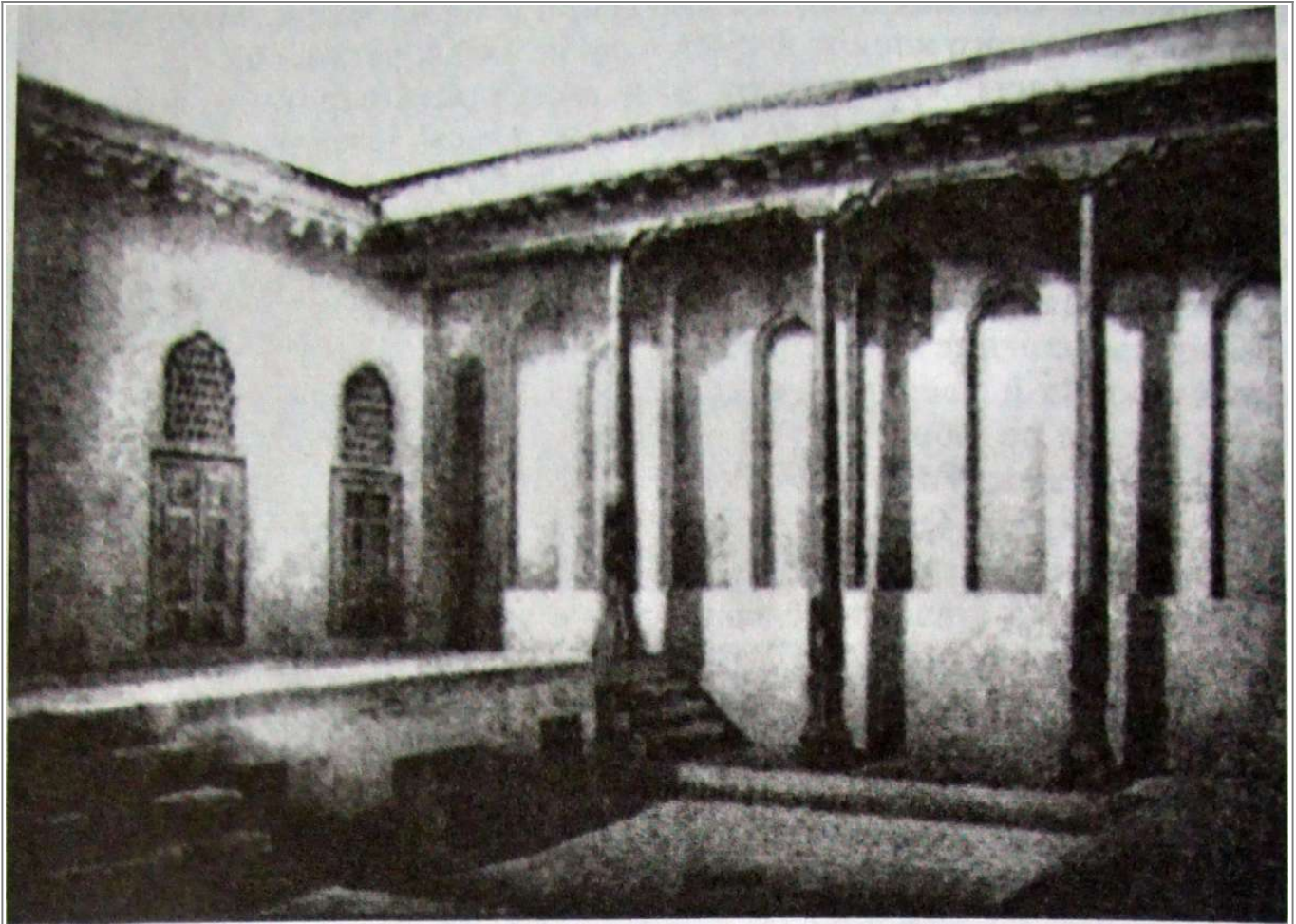
Простая внешняя архитектура дома оживлялась воротами, лоджией второго этажа, а иногда возвышающимся над домом затейливым надочажным колпаком с ажурными стенками. Входные ворота в домах крупных городов обычно располагались в нише, иногда с парой стоек и глинобитными скамьями по обе стороны. На ворота бухарских и хивинских домов навешивали бронзовые и железные молотки или кольца.

Жилое помещение (уй) дома старинного типа имело по фасаду два-три оконных проема и двери (эшик), выходящие в переднюю или на террасу-айвон. Сходные по форме и размеру двери и ставни (дарча) начинались от пола; различие между ними заключалось в том, что ставни отворялись наружу, а дверь - внутрь. Оконный проем снизу закрывали иногда решеткой или доской; над проемом оставляли фрамугу (тобадон), через которую проникал свет при закрытых ставнях, её закрывала вделанная наглухо деревянная или алебастровая решетка. У входа в помещение устраивали прямоугольное углубление (пойгак), куда ставили обувь. В Бухаре и Самарканде его покрывали мраморной плитой, в Хиве делали специальные керамические покрывки для водосливов {адан, тошнав). Пропорции комнат обычно представляли собой наиболее простое и удобное отношение 2×3. Размер их определялся числом балок потолка, как правило, всегда нечетным (7, 9, 11).

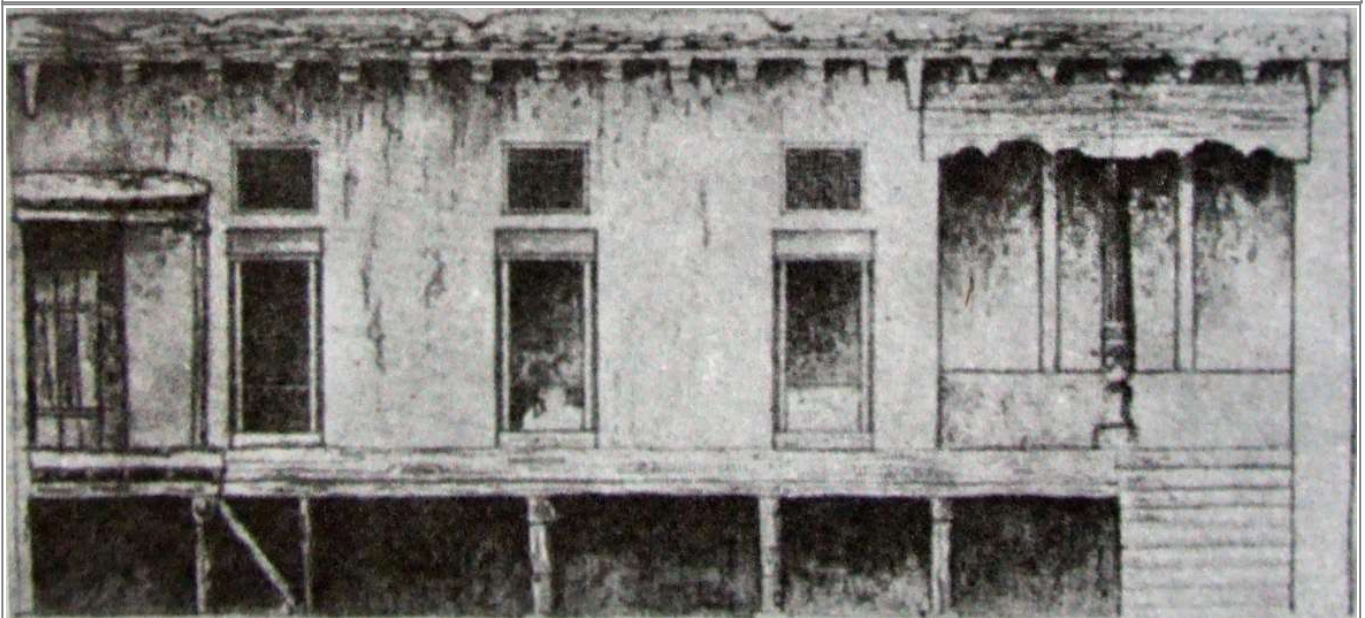
По условиям климата в узбекском жилище издавна видную роль играла крытая терраса (айвон). Иногда ее заменяла открытая площадка супа-

Айван. 'Ташкентская область. Бостанлык В кн.: Нозилов Д.А. «Марказий Осиё меъморчилигида интерьер». 2005 г.

Айван жилого дома. Хива В кн.: Нозилов Д.А. «Марказий Осиё меъморчилигида интерьер». 2005 г.

Айван дома половины XIX в. в Шахрисабзе

В кн.: Воронина В.И. «Народные традиции архитектуры Узбекистана». 1951 г.

возвышение из кирпича и глины. В зависимости от сложившейся в каждой области старой традиции, айван располагали либо в одну линию с комнатой, либо под углом к ней.

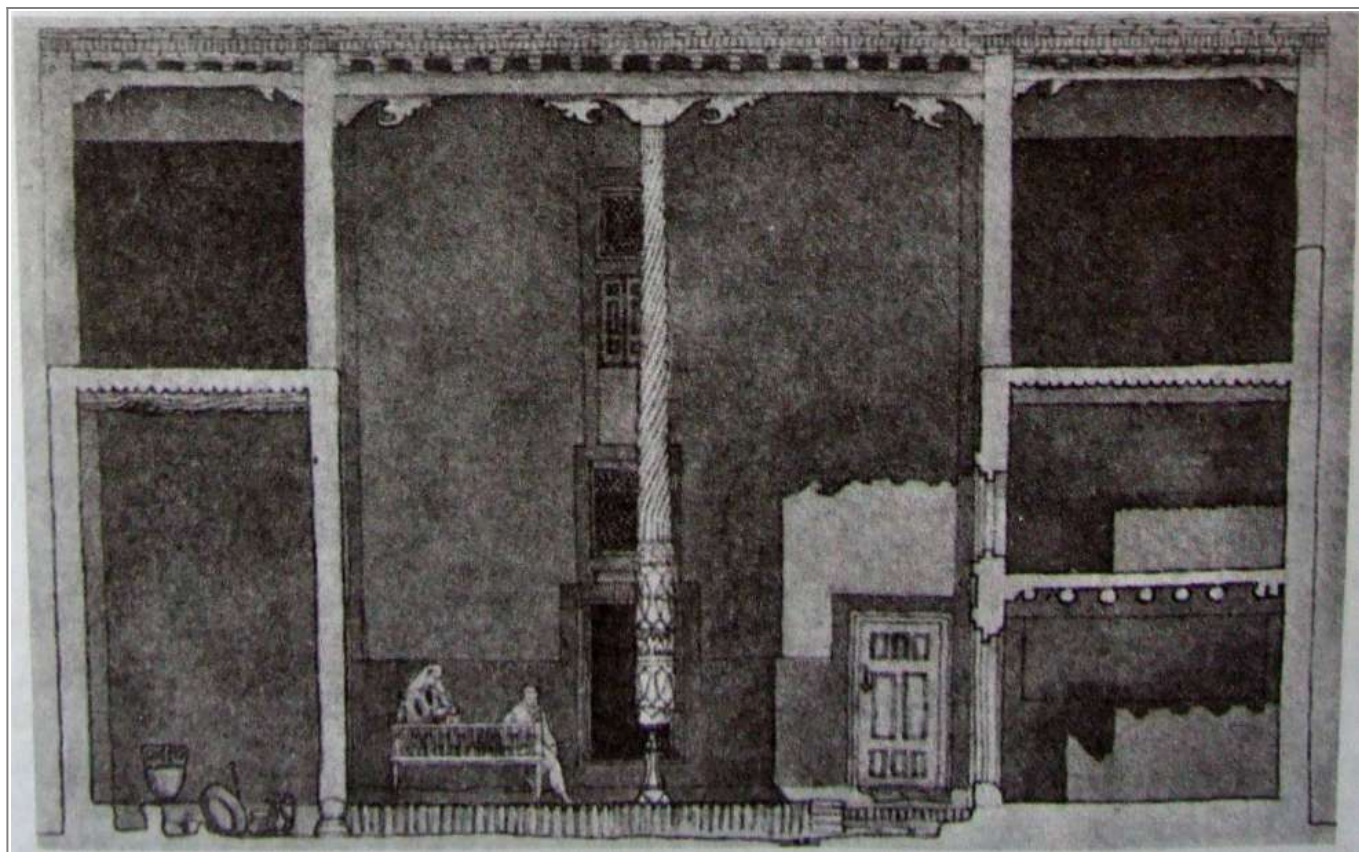
Характерной чертой планировки усадеб больших городов - Ташкента, Бухары и Хивы, где

дворы были очень малы или вовсе отсутствовали, было наличие различно ориентированных жилых помещений, которые использова-

лись в соответствии со временем года. Обращенные к северу летние комнаты были выше, вместительнее и богаче отделаны. На противоположной стороне двора ставили зимние помещения, фасадом на юг.

Чрезвычайно декоративно было убранство жилища, тесно связанное с его конструкцией. Отделке комнат всегда уделяли особое внимание. В домах с двухрядным каркасом вдоль всех стен были устроены прямоугольные или стрельчатые ниши (тахмон, токча), в которых размещали предметы домашнего обихода. Бедняки ограничивались глиносаманной штукатуркой стен; в домах людей среднего достатка стены покрывали грубой ганчевой штукатуркой; у состоятельных их затирали чистым мелкоотсеянным ганчем, который предоставлял широкую возможность для тончайшей художественной декорации. Затейливые ячейки ниш оформляли тонкой ганчевой дощечкой с фестончатым прорезом, решеткой или пластинкой с ажурным рисунком в форме кувшинчика. Иногда ниши или каминные богатых домов завершались сталактитовым полукуполом (Маргилан, Коканд).

Стены жилых комнат в состоятельных домах украшали росписью и резьбой по алебастровой штукатурке. В Бухаре более тщательно отделывали жилую комнату внутреннего двора, в восточных районах - меумонхона. В Бухаре в первую очередь покрывали орнаментом стены, а потолки большей частью даже у богатых оставались неукрашенными; в Фергане и Ташкенте, наоборот, потолкам уделялось особое внимание, и они в первую очередь разрисовывались. Для домов богатых ферганцев характерны фигурные, подчас сложного профиля, расписные потолки, и пышные сталактитовые капители колонн и айванов. Резьба и роспись применялись в Ташкенте, Бухаре, Самарканде; в конце XIX в. техника их отличалась богатством и разнообразием. В Хорезме потолки и стены комнат не декорировались совсем. Там все старания

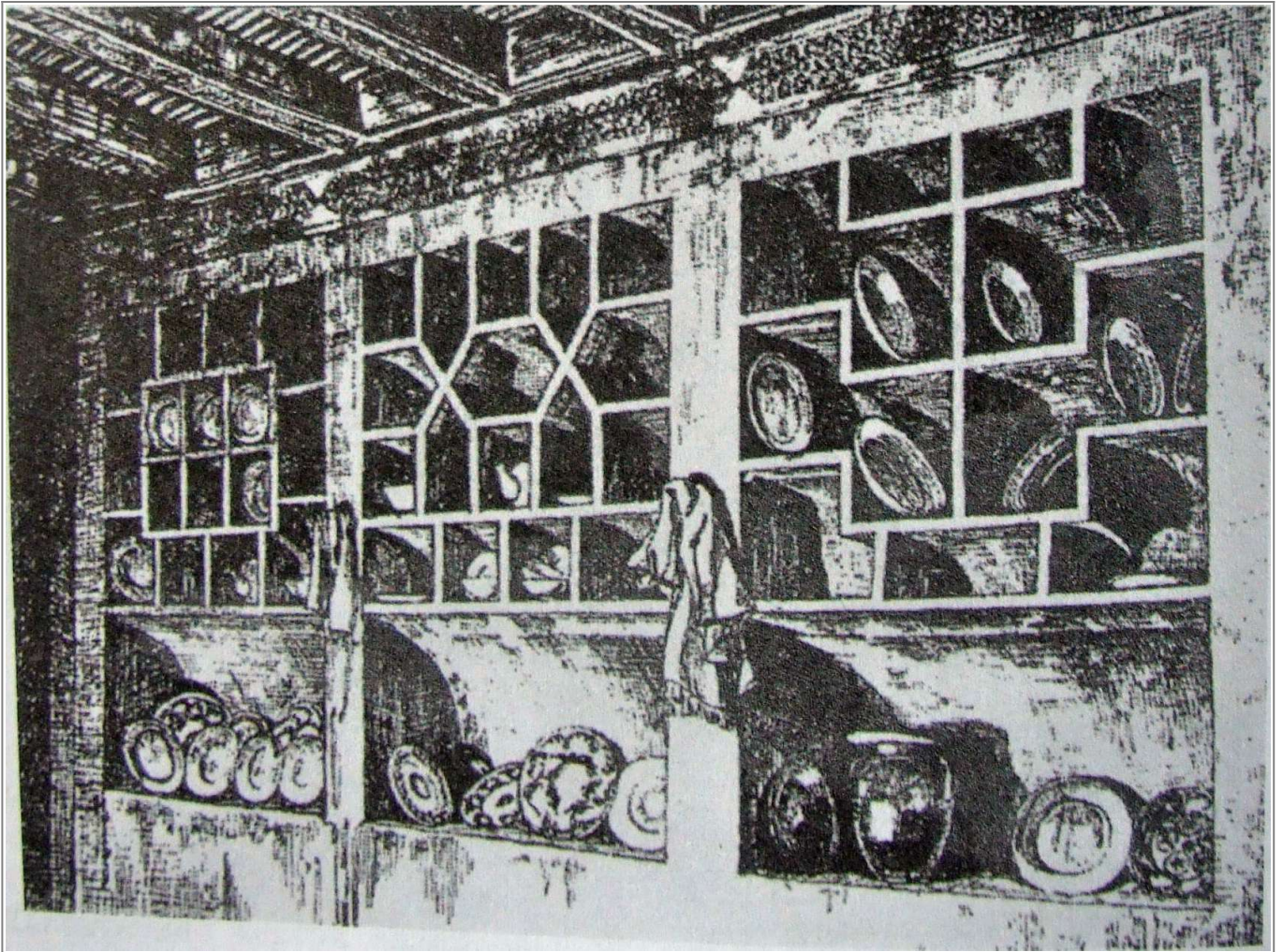

Большой айван Хивинского дома В кн.: Воронина В.Л. «Народные традиции архитектуры Узбекистана». 1951 г.

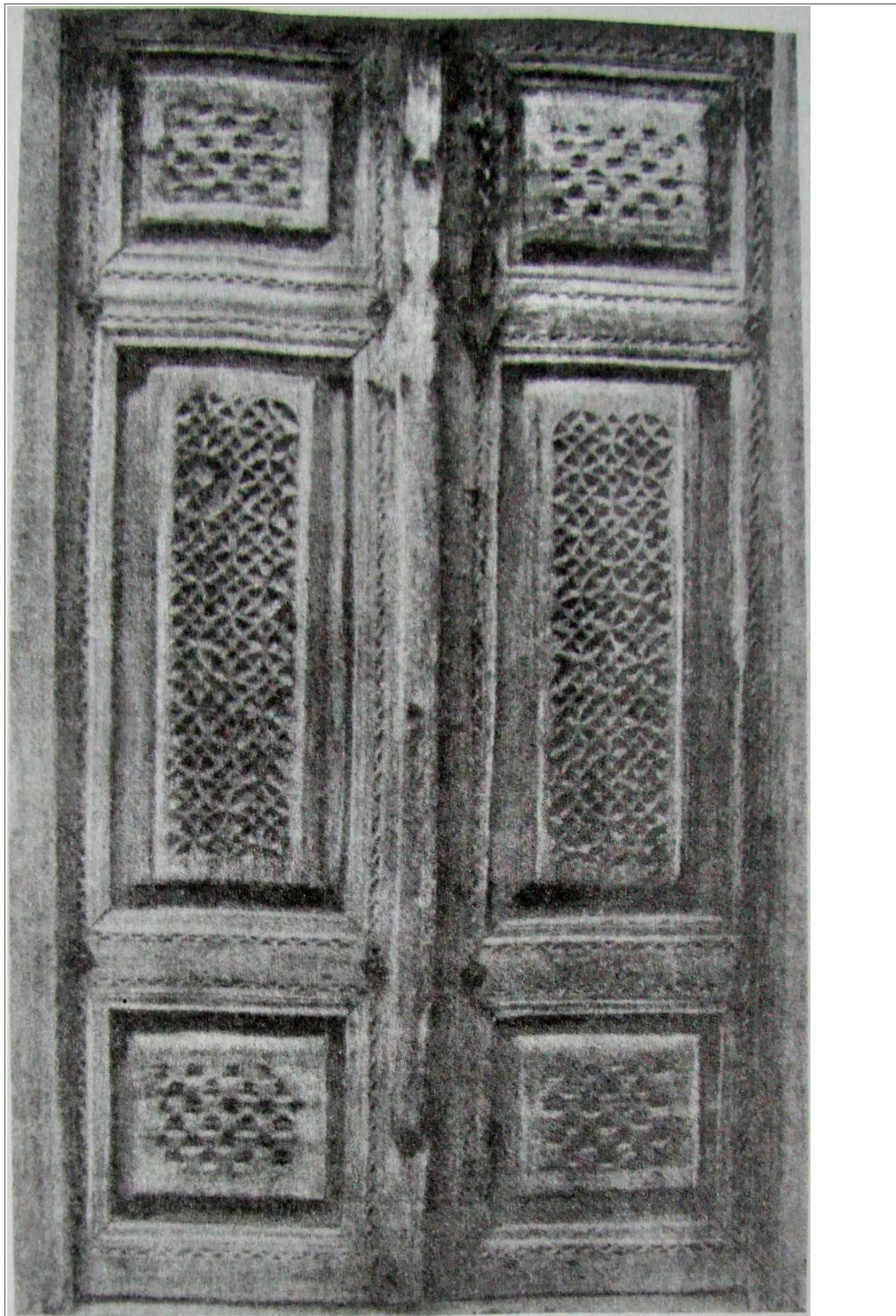
Жилой дом. Гостиная. Самарканд

В кн.: Нозилов Д.А. «Марказий Осиё меъморчилигида интерьер». 2005 г.

Стена жилой комнаты. XIX в. Фергана

Нозилов Д.А. «Марказий Осиё меъморчилигида интерьер». 2005 г.

Двухстворчатая филенчатая дверь с орнаментом. Ташкент В кн.: «Среднеазиатский этнографический сборник». 1959. Т. II

были направлены на отделку художественной резьбой деревянных частей дома - дверей, колонн и подбалок.

Для обогрева в зимнее время в начале XX в. почти повсеместно употреблялся сандал ~ низенький столик, установленный над углублением в полу, куда насыпались горячие угли. Семья усаживалась вокруг столика, протягивая ноги под наброшенное поверх него одеяло; возле сандала и спали. В Фергане и некоторых других районах, помимо сандала, в домах устраивали камины, где готовили зимой пищу. В Хорезме в комнате рядом с водосливом находился очаг (учоц), а перед ним была расположена небольшая прямо*

угольная или овальная площадка (тандирча), куда выгребали уголь и вокруг которой грелись.

Внутреннее убранство жилища было своеобразно декорировано. Полы покрывали плетеными из камыша циновками, а поверх них - кошмами, паласами или (в более богатых домах) коврами.

Мебель в узбекских домах в старину отсутствовала. Обитатели дома сидели на полу, на постланных вдоль стен длинных ватных одеялах (курпача); во время еды на полу обычно расстилали скатерти. Лишь зимой ели за сандалом; в Ташкенте и Бухаре имел некоторое распространение низенький столик. В большие ниши (тахмон), которые устраивали обычно в передней стене, против входа на уровне пола, ставили сундук и на него укладывали сложенные на день постели. Во многих местах одеяла и тюфяки перекладывали плоскими подушками с красивыми вышитыми краями, виднеющимися между одеял. Иногда постель закрывали вышитым покрывалом - сузана. В нишах меньшего размера, которые в богатых домах разделялись на отделения разной формы и размера - май да токча, реза токча, косамон, расставляли мелкую посуду - пиалы, чайники и пр. Большие нижние полки были предназначены для деревянных ларцев, подносов, блюд, кувшинов, иногда самовара. Оформленные с большим художественным вкусом, такие ниши представляли собой очень красивое зрелище. По стенам комнаты на колышках и протянутых веревках и жердях развешивали одежду, мелкие вышивки и разную домашнюю мелочь.

Наиболее почетным местом в комнате считалось то, которое находилось в самой удаленной от входа части {тури}. Здесь сидели гости, а в отсутствие гостей - хозяин дома.

Во второй половине XIX в. в узбекском жилище начали применять кирпич заводского обжига, кровельное железо, остекление окон, но все эти усовершенствования главным образом происходили в богатых городских домах.

ПЕРЕНОСНОЕ ЖИЛИЩЕ

В конце XIX в., с интенсивным переходом некоторой части полукочевых и полуоседлых узбеков к оседлости, юрта постепенно вытеснялась глинобитными домами. У отдельных групп узбеков (карлук, кунграт, найман, сарай, каучин, мангыт и др.) юрта в качестве основного жилища бытовала вплоть до начала 1930-х годов. Нередко этот тип жилища встречается и в настоящее время у узбеков, уходящих летом пасти скот на пастбища. Он используется теперь лишь как летнее жилище и не имеет былого значения.

Войлочная юрта у узбеков называлась уй, а новая, свадебная юрта -утов или оц-уй (белая юрта). Многие полуоседлые полукочевые узбеки утов приобретали при женитьбе сына.

Установка свадебных юрт (утов тиклаш) являлась большим семейным праздником (Задыхина, 1952. С. 359).

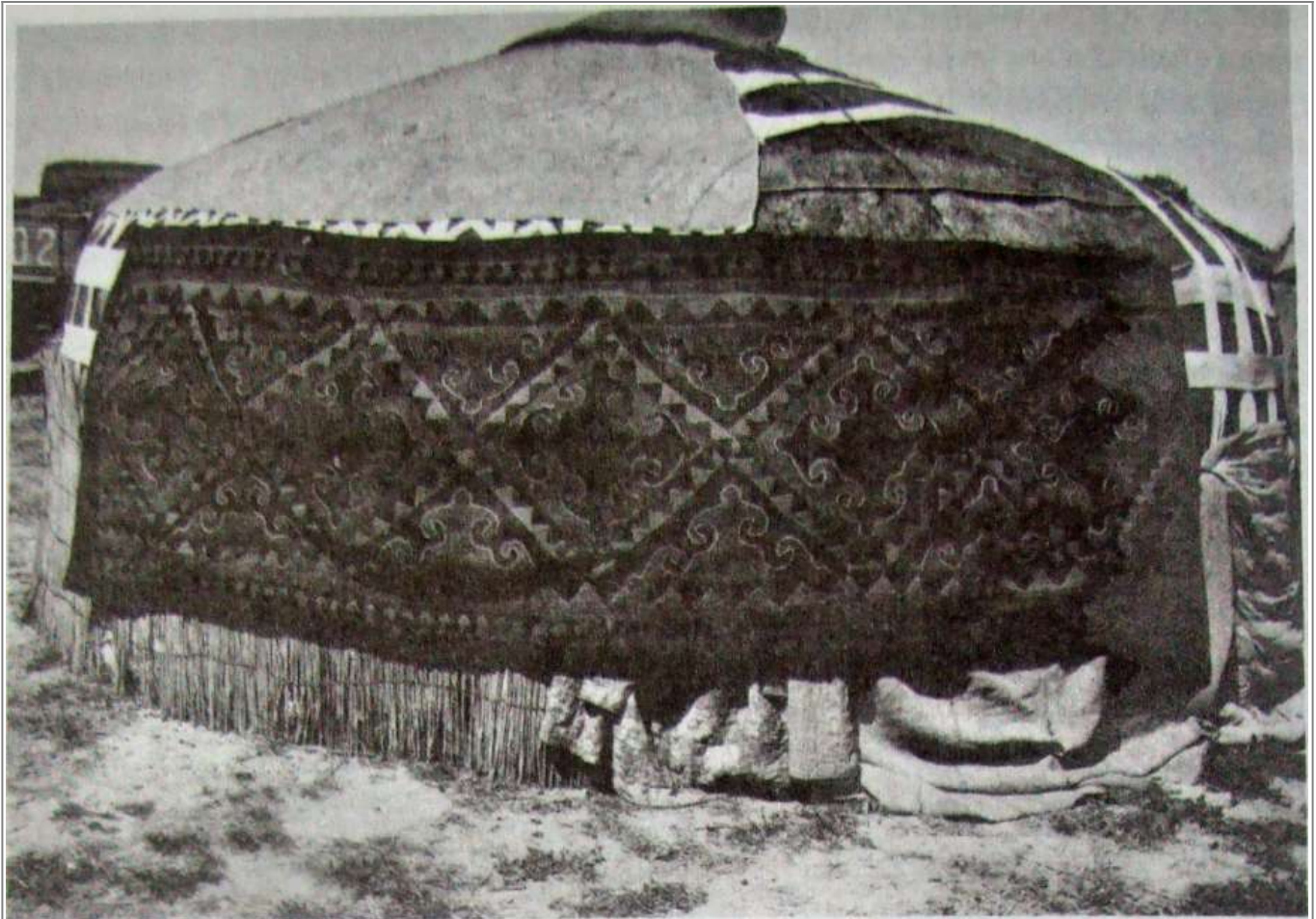
Деревянные части юрты заказывали мастерам, которые имелись почти среди всех полукочевых групп узбеков, или покупали на рынке. Покров, крепление и все предметы внутреннего и внешнего декора изготовлялись в семье искусными руками женщин. Юрту убрали орнаментированными украшениями из шерстяной или хлопчатобумажной ткани, завешивали специально сотканными коврами, кромки которых украшали бахромой. Все стенные украшения для юрты были темно-красного или бордового цвета в сочетании с белыми полосками или орнаментом. Исходя из особенностей цветовой гаммы, процесс убранства новой юрты отдельные группы узбеков (кипчаки, сарай и др.) называли уйни цизил цилиш (буквально — сделать юрту красной).

Покров юрты для новобрачных по традиции шился из белого войлока. Однако в бедных семьях вместо этого поверх войлочного покроя нашивалась белая хлопчатобумажная ткань ручного или фабричного производства. Юрта узбеков (Задыхина, 1952. С. 355-359; Кармышева, 1954. С. 133; Шани-язов, 1964. С. 95-100; Васильева, 2000. С. 20-49) отличалась от юрт соседних народов-туркмен, киргизов, казахов, каракалпаков лишь незначительными отдельными деталями орнамента, внутреннего и внешнего убранства.

Узбекская юрта, как и у других народов Средней Азии, состояла из деревянной части (уйнинг суюги), кусков войлока определенного покроя для покрытия остова, а также средств крепления - тесьмы различной ширины и назначения, веревок, шнурков и т.д. Остов юрты состоял из складных решеток (керага), образующих стены юрты. Керегу устанавливали, соединяя несколько отдельных решеток (цанот). Решетка делалась из узких планок, скрепленных крест на крест с помощью сыромятных ремней. Высота установленной решетки достигала 1,2-1,3 м. Отдельные части кереги при установке юрты

а) переносное жилье узбе-ков-карлуков. Касанский район, Сурхандарьинская область; б) юрта узбеков Кунград. Камашинский район, Кашкадарьинская область В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана». 1962. Т. 1

Сшивная кошма ойма-кийиз. Узбеки-кунграты. Узунский район, Сурхандарьинская область. 1952 г. Фото Н.В. Темпова. Архив ИЭА РАН. Коллекция Б.Х. Кармышевой

прикреплялись одна к другой при помощи узкой (около 2 см) орнаментированной тесьмы (тангич). Верхнюю кромку кереги снаружи обтягивали узорным поясом шириной около 20 см (бош тортгич, бош-цур, бош-белпи), длина которого у узбеков-карлуков равнялась окружности юрты (Шаниязов, 1964. С. 95).

Снаружи стенки юрты покрывались камышовыми циновками (чий), которые обтягивались шерстяной узорчатой лентой-поясом (бог, айил) шириной 8-10 см. Оба конца ленты прикреплялись к боковым стенкам дверного косяка.

Каркас перекрытия юрты состоял из гнутых жердей (ууц, увуг). Количество их, как и решеток, зависело от величины юрты. Юрта небольшого размера (диаметром 4-5 м) состояла из 4 решеток, а большого - из 6-8. По изгибу жердей протягивалась широкая (около 30 см), богато орнаментированная шерстяная дорожка (богиш), несколько выше ее проходила длинная узорчатая лента. Крепко обтягивая жерди, она придавала куполу юрты необходимую устойчивость. Верхние концы уука вставлялись в отверстия деревянного обода чангарак, который представлял собой деревянный круг диаметром около 2,5 м.

Снаружи юрта покрывалась семью кусками войлока различной величины. Два больших куска, вырезанных в форме широкого полукольца (узук), накидывались на верхнюю часть юрты (орца уст, орца узук), другие - спереди (олди уст, олди узук).

Для покрытия макушки юрты поверх чангарака употреблялась четырехугольная кошма (туйнук), по углам которой прикреплялись длинные толстые веревки (туйнук бог). С их помощью открывалось отверстие в верхней части

юрты (туйнук). Во время сильных ветров концы туйнук бог крепко привязывались к кольям, вбитым рядом с юртой. Внутри юрта также укреплялась при помощи специальных шерстяных веревок (элбог, элбов). Верхний конец элбог крепко закрепляли в центре чангарака, другой, нижний, натягивали и привязывали к колу у очага. Юрта по кругу покрывалась четырьмя кускам войлока {ён кийгиз, турлук}. Ён кийгиз летом убирались, зимой юрту покрывали поверх камышовых циновок. Нижняя часть юрты снаружи засыпалась землей для отвода воды, стекавшей с кошмы. Вся юрта дополнительно прикреплялась к земле веревками (оширма).

Многие узбекские племена (карлуки, найман, сарай, каучин и др.), а также каракалпаки ориентировали дверь юрты на юг, узбеки-кипчаки ставили юрту дверью на восток. Это, видимо, связано с древним поклонением кипчаков культу солнца, сохранявшегося до начала XX в. (Шаниязов, 1974. С. 37). Внутренняя площадь узбекской юрты делилась на четыре части: место непосредственно против входа {тури или тури жой}; часть помещения, расположенная справа от входа - двери (юк жой, жук жой)', место, находившееся справа и слева при входе в юрту (эшик олди)\ место у очага (учоц олди или учоц боши). В глубине юрты находилось почетное место (тури жой), куда обычно усаживали гостей, а при отсутствии их у самой стенки, на почетном месте {тури) сидел глава семьи. Летом юрту застилали паласом, а зимой кошмой. Зимой под кошму на земляной пол укладывали толстый слой сена или камыша, чаще - камышовую циновку {бордон, буйра). Поверх кошмы расстилали ковры, кошмы или паласы.

На верхней части задних стенок юрты, на развилках кереги вешали квадратные или прямоугольные сумки {халта, турва, илгич} {Кармышева, 1955. С. 145-147; Шаниязов, 1964. С. 99). Эти сумки делали из кусков ворсовой ткани. Нередко они изготовлялись из разноцветных лоскутов хлопчатобумажной материи {цуроц).

На расстоянии 1-1,5 м, несколько левее от входа, устраивался очаг в виде ямы овальной формы, обведенной глинобитными бортиками с трех сторон. У некоторых групп узбеков (например, у кипчаков) очаг имел вид неглубокой ямы (8-10 см). В таких случаях при варке пищи над очагом ставили железный треножник (уч оёц). Площадь вокруг очага (учоц боши) была местом, где хозяйка юрты готовила пищу, кипятила чай и т.д. Позади очага располагалась различная посуда {идиш) и котел {цозон). На стене этой части юрты вешали несколько сумок {цоп, халта, турва или осмоц) - мешки для деревянных ложек {цошиц), половника {чумич, сусоц) и шумовки {капгир) назывались чумич халта или чумич цоп. Рядом висел мешок для хранения хлеба {нон халта, нон цоп, нон турва), а также небольшой шерстяной мешок для соли {тузлик, туз халта). Сумку делали из шерстяной полосатой либо однотонной коричневой ткани из верблюжьей шерсти. В летнее время здесь же находился и мешок для хранения кислого молока {сузма халта, айрон турва, чакки халта, айрон цоп, цасма, ирkit) (Шаниязов, 1974. С. 201).

Слева от очага размещались различные сосуды для воды, масла, молока и т.д. Здесь же находились некоторые виды домашней утвари: такие как деревянная ступа для толчения зерна (кели), сосуд цилиндрической формы для сбивания масла {куви, гуппи), кожаный мешок для хранения масла {чаноч или саноч), кожаный сосуд, сделанный из шкур домашних животных, в котором хранились кислое молоко или вода. В юртах многих узбекских семей (у кипчаков, юзов, мингов и др.) для домашней утвари отводилось место за специальной перегородкой из циновки (урана), установленной слева от очага (между очагом и стеной юрты) на высоте 1-1,5 м от пола. Делалась она из плетеной камышовой циновки, украшалась разноцветными шерстяными шнурками.

Юк жой находились справа от входа, примыкая непосредственно к входу. Сюда в определенном порядке складывали постельные принадлежности (ватные одеяла, подстилки из овечьих и козьих шкур, тюфяки, подушки). Предметы, которыми пользовались повседневно,

покрывали вышитым покрывалом, а новые постельные принадлежности складывали отдельно, заворачивая их в ковровую ткань, специально предназначенную для этой цели (бугжом). Рядом с бугжомой ставили большой мешок (напрамач). Под этим названием он был известен у ряда групп узбеков, например кангли, кипчаков и других, а у кунгратов, локайцев и дурмен - под названием мапрамач (Кармышева, 1976. С. 145, 147; Борозна, 1966. С. 96, 97), у группы узбеков среднего За-рафшана - напрач (Этнографические очерки., 1969. С. 116), узбеки-карлуки такой мешок называли карчин.

Справа от входа ставили мешки с зерном, запасные сосуды для воды, складывали различные веревки для хозяйственных нужд, ведра, серпы и т.п. За дверью находилась обычно сбруя, слева от входа устанавливалась ручная мельница (ёргичоц, цултегирмон). Юрта освещалась огнем из очага, а также масляным светильником с ватным фитилем (кора чирок,, жин чирок;), сделанным из обожженной глины или чугуна. У узбеков бассейна Зарафша-на и Кашкадарьи жилище освещалось своеобразным фонарем-светильником (чулоц-хотин, буквально: хромая женщина), у карлуков низовья Кашкадарьи - хумай. Он представлял собой круглодонный глиняный сосуд с отверстиями по бокам и сверху, в нем сжигали сухой верблюжий помет.

У узбеков-кипчаков Булунгурского района Самаркандской области еще в начале XX столетия наряду с обычной войлочной юртой бытовал старинный тип переносного жилища - кутарма (Шаниязов, 1974. С. 88, 89, 234, 235). Его перевозили в неразобранном виде на повозке. Кутарма относится к типу войлочных юрт. Но в отличие от последней это было неразборное жилище меньшего размера.

Наряду с юртой и кутармой у узбеков бытовали жилища типа шалаша (капа, чайла, лочиц). Шалаш ставили как оседлые, так и полуоседлые и полукочевые группы узбеков. Поскольку о шалаше-капе оседлого населения говорилось выше, коротко опишем шалаш переносного типа.

Шалаш -капа являлся одной из древних и наиболее распространенных фэрм жилища народов Средней Азии. Он бытовал вплоть до 1930-х годов у карлуков, юзов, дурмен, найманов и др. Узбекская капа имела много общего с таким же типом жилища у других среднеазиатских народов, тем не менее, у каждого народа были свои, специфические особенности во внешнем виде жилищ, формах перекрытия и т.д.

Основным материалом для изготовления капы служили жерди (хода), камышовые циновки (буйра, бардон), тростник (чи), войлок, а также канаты и веревки различной величины. Жерди заготавливались из местных материалов - тутовых или ивовых прутьев, карагача, стволов молодого древовидного можжевельника.

Узбеки-кипчаки бассейна Зарафшана строили капу с острым коническим верхом. Размер ее был сравнительно небольшой - диаметр нижней части составлял 3-3,5 м. Для строительства требовалось 8-10 и более жердей длиной до 3-3,5 м, которые втыкались наклонно по кругу в землю, верхние тонкие концы связывали в пучок. Таким образом, верхняя часть укрепленных жердей приобретала конусообразный вид, а нижняя - становилась немного шире.

Капу (как круглую со сводчатым перекрытием, так и с острым коническим верхом) покрывали толстым слоем соломы, камыша и камышовыми циновками. Летом нижнюю часть капы, как и юрты, устилали тонким слоем камышового тростника, на зиму покрывали капу войлоком. Бедные семьи Ташкентского оазиса и бассейна Зарафшана поверх камыша или соломы обмазывали капу саманной глиной.

Вход в капу устраивался между двумя вертикальными жердями, игравшими роль боковых косяков, отстоящими один от другого на расстоянии 50-60 см. Устанавливалась

одностворчатая решетчатая дверь (эшик). У ряда групп узбеков (кипчаков, сараев и др.) дверной проем капы закрывался при помощи плетеной камышовой занавески. Зимой дверной проем закрывали войлочной занавеской.

Внутри капа украшалась коврами, застилалась камышовыми циновками и кошмами; вдоль стен, как и в юрте, устанавливались напращ, бугжама и другие предметы быта. Однако в отличие от юрты во многих шалашах не было очага для варки, следовательно, отсутствовало и дымовое отверстие (туйнук). В центре капы имелось небольшое углубление круглой формы, которое играло роль жаровни, в ней зимой держали горячий древесный уголь. У узбеков, расселившихся в конце XIX - начале XX в. в поймах Сырдарьи (в нынешних пределах Ташкентской и Сырдарьинской областей), бытовала полусферическая капа, имеющая круглый обод наверху и дымовое отверстие, внутри ее строили очаг. В отличие от предыдущего типа верхняя часть капы поверх камыша и циновки обмазывалась саманной глиной.

В Ферганской долине, в некоторых районах долины Зарафшана и в южных районах на современной территории Узбекистана строили прямоугольную капу с двухскатными перекрытиями простой конструкции. Для этого на развилках двух стоек, закопанных в землю на расстоянии 5-6 м, ставили прогон и крепко закрепляли его при помощи веревок или лент из свежей ивовой коры. Поверх прогона клали заранее приготовленные жерди, причем нижнюю утолщенную ее часть втыкали наклонно в землю, а верхние тонкие концы связывали поверх прогона. Задние и передние стенки закрепляли стойками, оставляя при этом дверной проем. Верх закрывали камышами, циновками или соломой. В Ферганской долине для этого использовали стебли риса, которые обмазывали глиной.

Овальная тунелеобразная капа (эгма капа или ийма чайла) была распространена во многих районах Ферганской долины, у групп узбеков долины р. Ангрэн и бассейна среднего Зарафшана. Такая же капа бытовала и у узбеков-дурмен Бабатага, но у них она называлась лочигом (Борозна, 1966. С. 101,102).

Другим видом переносного жилища типа шалаша является лочиц. Он бытовал в прошлом у некоторых узбекских племен (карлуков, кунгратов, дур-мен, юзов, найман и др.) Сурхандарьинской области и в отдельных районах Кашкадарьинской и Самаркандской областей. Лочиц является основным жилищем племени карлук южного Таджикистана (Карбышева, 1956. С. 14).

По своей конструкции лочиц отличался от юрты и капы тем, что покрывался исключительно войлоком. Лочик в прошлом был, видимо, жилищем кочевых и полукочевых скотоводов, а капа (отдельные формы капы смазывались глиной) - преимущественно жилищем полуседлых и оседлых народов. Если капу хотели перенести в другое место, то брали лишь деревянные жерди, а для покрытия использовали местные растения. Кроме того, кошмовый покров лочика закреплялся почти теми же тесьмами, лентами, шнурками, что и юрта. Для устройства лочика очень часто применялись старые детали юрты (решетчатые стены, жерди, обод, кошмы).

Главным отличием лочика от юрты было то, что деревянная часть первого составлялась в основном из гнутых дугообразных жердей и лишь в отдельных случаях для стенки применяли решетки (керага), а для верхней части в качестве дымохода - деревянный обод (чангароц) от старой юрты. Лочик, для установки которого применялись старые детали от юрты, карлуки низовьев Кашкадарьи называли чатма или чатма лочиц, а группа узбеков среднего Зарафшана (сарай, найман и др.) - цора лочиц. Ветхая юрта, у которой отсутствовали верхние обручи и другие части, называлась бурма лочиц.

Одним из типов переносного жилища, бытовавшего в конце XIX - начале XX в., был шатер-

чодир. Он являлся временным летним жилищем групп оседлых узбеков Бухарского оазиса, среднего Зарафшана и Кашкадарьинской области.

Шатры делали из плотной хлопчатобумажной ткани. Бытовали два типа чодира. Первый - небольшой двускатный чодир удлиненной формы, весьма сходный с современной туристской палаткой. Он устанавливался при помощи двух-трех жердей-стоек, кольев и канатов и выполнял функцию переносного жилища у среднеазиатских цыган, вмещая до пяти человек. Другой чодир представлял собой шатер квадратной формы, более вместительный - до 30 и более человек.

Из всего сказанного следует, что самым распространенным и наиболее совершенным жилищем переносного типа, бытовавшим у узбеков и других народов Средней Азии в конце XIX - начале XX в., являлась решетчатая войлочная юрта. Другим типом был лочиц. Оба вида жилища были приспособлены к быту в прошлом кочевых и полукочевых народов. Что касается капы, то она в конце XIX - начале XX в. являлась, в основном, жилищем некоторых групп полуоседлых и оседлых узбеков. У последних она обмазывалась глиной и выполняла функцию постоянного жилища.

СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩЕ

В XX в. произошли заметные изменения в жилище узбеков. Появились новые стройматериалы (жженный кирпич, кровельное железо, оконное стекло), которые применялись сначала лишь в зажиточных домах, постепенно расширилась зона их использования. Внешний и внутренний вид традиционного жилища начал меняться. Стали строиться дома, фасад и окна которых были обращены на улицу. Новые дома с 1940-х годов как в городе, так и в селе строились по плану. Строительство новых домов проводилось как индивидуальными застройщиками, так и государством, которое выделяло земельные участки для этих целей. В отличие от старого названия тцовли вновь построенные дома часто назывались по-русски участок.

При возведении новых домов использовали жженный кирпич для фундамента, применялся шифер, кровельное железо, но вместе с тем сохранялись некоторые национальные особенности строительства - сырцовый кирпич, крыши, покрытые глиной, без карнизов. Во вновь построенных домах часто возводили печи-голландки, чугунные печи, иногда сохраняли сандал (национальное отопление), в Ферганской долине очаг так называемые мури. В довоенное время стали делать потолки из фанеры, с резным орнаментом. Их популярность у населения и широкое распространение в 1960-х годах обуславливались практичностью в условиях частых землетрясений.

Изменилось убранство внутренней части жилища, в которой появились столы, стулья, кровати, в городских квартирах - такие предметы мебели как буфеты, шкафы для одежды. Но многие дома еще долго сохраняли национальные формы убранства - ковры, паласы, узкие туфяки (курпача), сундуки, столы на низких ножках (хонтахта) и др. Посуду продолжали хранить в специальных нишах (токча, тахмон). Национальным колоритом отличались обычно комнаты пожилых людей, а также новобрачных. Украшением дома по-прежнему была посуда, которая выставлялась в застекленных нишах.

Во второй половине XX в. в крупных городах широко развернулось государственное, плановое строительство сначала 2-3-х, а потом и многоэтажных домов, имеющих все удобства. Землетрясение 1966 г. принесло городу Ташкенту большие разрушения, особенно пострадал центр, сохранивший старую одноэтажную сырцовую застройку и планировку узких улиц и

небольших кварталов. После землетрясения массовой перестройке подвергся прежде всего Ташкент. Помимо строительства новых жилых районов - Высоковольтного, Рисового, Северо-востока, Юнусабада, Каракамыша - начались работы по реконструкции центра города. (Ташкент. 1983. С. 41.). Здесь возникли новые центры (Ц 1, Ц 2, Ц 3 и др.). В 1970-1980-е годы значительно расширилась индустриальная база строительства, были построены крупные заводы сборных железобетонных конструкций, домостроительные заводы, введены в строй предприятия по выработке цемента и других стройматериалов. Жилищное строительство развертывалось активными темпами, в крупных городах возникли новые, благоустроенные жилые массивы. Однако эти дома не всегда соответствовали образу жизни, специфике быта узбекского населения, которое привыкло жить на земле и иметь двор. Если молодые семьи благодаря этому получили возможность иметь свое отдельное жилье, старшее поколение долго привыкало к новым жилищным условиям. Узбеки часто объединяли комнаты, чтобы сделать одну вместительную (.ме^монхона), приспособляли новые квартиры (секции) к условиям традиционного быта. Сегодня строятся, но еще в небольшом количестве многоэтажные дома, отвечающие требованиям национального уклада жизни.

С электрификацией кишлаков, почти повсеместным появлением водопроводов значительно улучшились бытовые условия не только в городе, но и в селе. В жизнь вошли радио, телевизоры, стиральные машины и др.

В условиях независимости Узбекистана большое внимание уделяется проблемам градостроения и благоустройства городов и кишлаков, что сказывается также в постройке отдельных частных жилищ.

257 (17 Узбеки)

В домах, построенных в начале 1990-х годов, широко использованы традиции национальной архитектуры. В эти годы в связи с дефицитом лесных материалов и подорожанием жженого кирпича в различных регионах стены домов строились из пахсы (глинобитный слой) и необожженного кирпича. С целью строительства стойких домов в кишлаках, обеспечения рынка доброкачественным строительным материалом увеличилось количество малых и средних предприятий, выпускавших жженный кирпич.

С первых лет независимости государством большое внимание уделялось улучшению бытовых условий жизни населения, улучшению их коммунального обслуживания. С 1992 г. газификация городов и особенно сел республики, обеспечение чистой питьевой водой, отоплением домов и решение других проблем стали приоритетными направлениями государственной политики. Эти меры по благоустройству жилищ повлияли на их внутренний стиль и структуру. До газификации сел кишлаки отапливались чугунными печами, а в качестве сырья использовались уголь или дрова. Некоторые семьи строили и сандалы. После газификации домов они прекратили своё существование, воздух в домах стал чистым, исчезли темные налеты от печей на стенах. Внутренняя часть жилища стала приобретать современный вид. С газификацией многие семьи предпочли строительство собственных бань, вместо посещения общественных.

В 1990-2000-е годы заметно активизировалось индивидуальное жилищное строительство. Большая часть домов теперь строилась самим населением. Только в 2008 г. было построено 7290 тыс. кв. м жилья, в том числе населением за свой счет 713 тыс. кв. м. В результате в 2008 г. было построено 62,7 тыс. квартир. Большая часть этих квартир была возведена в сельской местности (Узбекистан в цифрах..., 2009. С. 124-126).

В новых домах наряду с традиционными архитектурными элементами присутствуют также

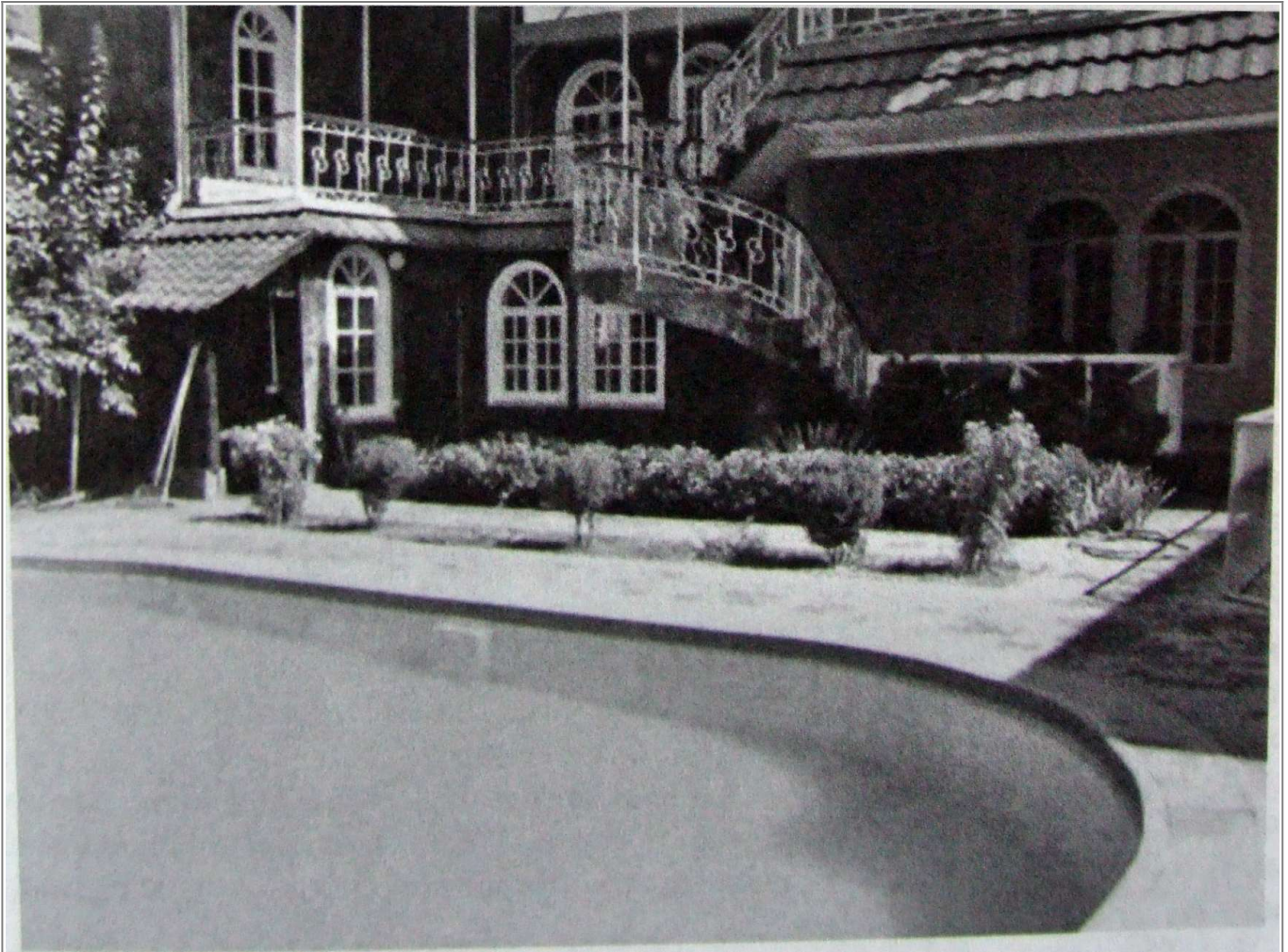
современные элементы. Постройка новых жилищ по европейскому типу и евроремонт свойственны на сегодняшний день как городскому, так и сельскому домостроению. Это стало возможным благодаря тому, что строительные рынки Узбекистана насыщены новыми местными и импортными стройматериалами. В республике налажена продукция таких новых кровельных материалов, как металлические, керамические и песочно-полимерные черепицы, мягкие кровельные материалы («Бикром», «Поми-зол»). Были организованы различные выставки, где широко демонстрировались современные стройматериалы, домашняя утварь, продукция легкой, мебельной промышленности, бытовой техники.

Более активному использованию европейского стиля в современном жилье также способствовало повышение квалификаций отдельных строителей-мастеров в различных городах Узбекистана, Центральной Азии, а также Российской Федерации.

На селе всегда строили, исходя из своих финансовых возможностей. Кто-то возводил сразу большой просторный дом с учетом того, что традиционно узбекские семьи, особенно на селе, многодетны, и, как правило, совместно в одном доме или дворе проживают несколько родственных семей. Кто-то строил дом поскромнее. А у кого-то строительство жилья растягивалось на годы и по мере накопления средств к основному дому пристраивались дополнительные комнаты. В последние годы жители села, пользуясь государственными кредитами, стремятся построить сразу весь комплекс дома. С ростом

Фасад двухэтажного жилого дома, г. Ташкент. 2010 г. Фото А.Р. Тагаева

Двухэтажный жилой дом с бассейном во дворе, г. Ташкент. 2010 г. Фото А.Р. Тагаева

Интерьер гостиной комнаты, г. Ташкент. 2010 г. Фото А.Р. Тагаева

благосостояния сельского населения возросла и потребность в современном жилье, построенном с применением современных строительных материалов и располагающим всеми бытовыми удобствами. В доме усадебного типа возрастает значение контура здания. Роль силуэта в восприятии архитектуры сельского жилища значительна, так как в отличие от городского жилой дом на селе не воспринимается фрагментарно, а обзревается целиком.

В последнее время узбеки стремятся иметь дома с большими, просторными комнатами со всеми удобствами. В этом состоит характерная черта современного жилищного строительства. В городских условиях, где земля ограничена, строят чаще всего двухэтажные особняки, с красиво оформленным фасадом. По своему архитектурному стилю эти дома похожи на западноевропейские особняки. Состоятельные семьи, используя современные стройматериалы (мрамор, пластические стройматериалы), в то же время сохраняют и традиционный архитектурный стиль. Например, современные стены домов обклеиваются обоями, но одновременно присутствует традиционная лепка. В состоятельных городских узбекских семьях стало модно строить окна с затемненными стеклами, а во дворе возводить бассейны или маленькие, декоративные пруды. Двор выкладывается бетонным кафелем, в городах традицией становится оформление газонов и посадка круглогодично зеленых елок. Вместе с тем в каждом доме есть виноградник и традиционный цветник.

В современных сельских узбекских домах становится популярным иметь две кухни зимнюю и летнюю. Летняя кухня в современных усадьбах, как правило, представляет собой комплекс из тандыра и одного-двух очагов, со-

оружейных вблизи дома под открытым небом. Зимняя кухня имеет два вида: специальное помещение вне жилого дома (в одну линию с домом и кладовкой, примыкая к ним) или же

кухней является одна из комнат жилого дома. В первом случае над тандыром и очагом сооружают колпак для отвода дыма. Во втором — в кухне делают плиту, а лепешки пекут в тандыре летней кухни. Иногда кухней служит веранда (айвон).

Неотъемлемой частью быта городских узбеков стали мебель - гарнитуры, шифоньеры, шкафы, а также ковры, паласы, музыкальные центры, теле-видео-аппаратура, компьютер, современные кухонные предметы и т.п. В кишлаках наряду с домашней утварью, изготовленной местными мастерами, можно также встретить домашние предметы быта, изготовленные за рубежом. Произведенные в Китае, Турции мебель, хозяйственные товары нашли свое применение в узбекских домах. Широкое использование новой утвари в быту населения заметно повлияло на внутреннюю структуру современных жилищ, в которых традиция постройки михрабов, малых и больших ниш скоро, видимо, полностью исчезнет.

В густонаселенных районах жители с целью продуктивного использования земельного участка и его увеличения стремятся построить двухэтажные дома. Высота комнат второго этажа такая же, как и высота комнат первого этажа. Строится гостиная комната {ме^монхона) у входа во двор, чтобы сохранить национальную специфику, традиционное планирование. Во дворе сажают фруктовые деревья и цветы, розы, базилик (райхон), а в приусадебных участках в кишлаках выращивают картошку, помидоры, зелень и другие овощи.

Происходит обогащение традиционного стиля строительства новыми элементами, т.е. идет наложение современных элементов на старые. В планировке дома обязательными остаются айвон, дарвозахона и внутренний дворик, вход в гостиную - меумонхона по-прежнему изолирован от общего входа. В состоятельных домах имеются две комнаты для гостей: одна обставлена в традиционном стиле, другая - в европейском.

Жилой дом с болаханой. Постройки 1980-х годов, г. Ташкент Фото Г.Ш. Зуиуновой

Новые сельские постройки. Село Куқунбай, Касансайский район, Наманганская область. 2010 г. Фото А. Аширова

Хотя в последние годы принято строить современные жилища, вместе с тем сохраняются многие традиционные ритуалы и обычаи, связанные традиционными архитектурными типами постройки жилищ. Например, в городе Ташкенте на внешнюю стену современных домов подвешивается перец или иссириц (исфанд) против дурного глаза (Зу ну нова, 2004. С. 79). Подобная традиция оберега от дурного глаза существует практически во всех областях. Также до сих пор имеется некоторое следование обычаям и традициям в планировке дома. При покрытии крыш, как и раньше, используется нечетное количество брусьев -7,9,11. После окончания строительства дома обязательно устраивается \овли туй (угощение по поводу нового дома). Узбекские семьи сохраняют обычай строительства нового дома для сына, который женится. В национальном стиле убирают комнаты молодоженов. Характерной особенностью такого убранства являются различные ручные работы, в частности, декоративные вышивки, развешиваемые на стенах.

Большинство населения республики Узбекистан проживает в сельской местности и государство, учитывая этот фактор, придает особое значение благоустройству кишлаков, строительству современного жилья в сельской местности. Это проявилось в том, что 2009 г. был назван правительством «Годом развития и благоустройства села». Было принято несколько Постановле-

ний и Указов, направленных на благоустройство кишлаков. В августе 2009 г. издан Указ Президента Республики Узбекистан И.Каримова «О дополнительных мерах по увеличению объёма жилищ в сельских местностях». Согласно постановлению планируется наладить широкий выпуск быстро восстанавливаемых и стойких стройматериалов, в 2009—2010-х годах

в различных регионах республики планируется построить 42 образцовых населенных пункта. Таким образом, в период независимости мы наблюдаем модернизацию жилья при сохранении некоторых традиционных подходов как в архитектуре, так и в убранстве жилья. Как государство, так и само население продолжает уделять большое внимание организации собственной среды обитания, каковым является жилище.

ГЛАВА 8

ОДЕЖДА

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА

Одежда более всех других элементов материальной культуры связана с национальной спецификой и относится к числу устойчивых этнических признаков. Глубокая традиционность форм одежды, отражение в ней ряда особенностей и влияний, связанных с историческим процессом формирования этноса, является одним из источников изучения этногенеза и истории культуры, отражая его образ жизни, эстетические вкусы и национальные особенности. В целом, национальная одежда является своеобразным этнохарактерным символом каждого народа (Лобачева, 2001а. С. 70).

Формы одежды, формировавшиеся в течение многих веков, и ее отдельные элементы, декоративное оформление несут на себе отпечаток природно-климатических условий, уровня развития производительных сил и сложившихся исторических традиций (Шаниязов, Исмоилов, 1979. С. 68). Особенности одежды определялись возрастом, социальным положением людей, которые ее носили, мировоззрением, горестными или радостными событиями, хозяйственными циклами. Эти нормы и требования влияли на используемые ткани, их оформление и рисунок, расцветку, величину и покрой предметов одежды (Исмоилов, 1978. С. 3). Ритуальная одежда и определенные формы комплектов костюма, связанные с исполнением различных обрядов, дают ценный материал для изучения верований и идеологии населения (Сухарева, 1954. С. 289).

Национальная одежда - даже в самом ее традиционном виде - не может рассматриваться как неизменная: в ней прослеживается определенная эволюция, а порой и смена форм.

На протяжении длительного исторического развития в традиционной узбекской одежде и составляющих ее частях происходили изменения, проявившиеся в их конструктивно-технологических и композиционных решениях. В особенности в конце XIX-XX вв. происходят грандиозные события, охватившие социально-политическую и культурную сферу жизни общества (Сухарева, 1982. С. 6; Шаниязов, Исмоилов, 1981. С. 68). На изменения в традиционной одежде узбеков повлияло завоевание Российской империей Средней Азии и превращение последней в сырьевой придаток метрополии. Приток фабричных тканей из России привел к упадку местных кустарных производств, в частности, ткачества.

Использование фабричных тканей, резко отличавшихся от местных по ширине полотна и расцветке, вызвало известные изменения в фасонах одежды как в мужской, так и в женской. Происходило стирание особенностей одежды различных районов, начали широко распространяться элементы общеевропейского костюма. Более тесное общение с другими народами Российской империи отразилось на крое одежды. Появление в советское время текстильной и швейной отраслей промышленности как массового производства, новые технологии и материалы, интенсивные связи между народами, кинематограф и средства массовой информации с рекламой привели к изменению эстетических вкусов людей, что в свою очередь вызвало коренные изменения в развитии костюма.

Покрой традиционной одежды. Традиционная одежда узбеков состояла в основном из рубахи (куйлак), штанов (иштон) и халата (тун) (Исмоилов, 1979. С. 53). При их раскрое ткань измеряли мерами пальцев; так, расстояние между большим пальцем и мизинцем в развернутом виде называлось царич, расстояние между четырьмя пальцами, как в развернутом, так и в сжатом виде, называлось 1, 2, и т.д. (Исмоилов, 1979. С. 53). Одежду кроили обычно при помощи ножа, разрывая ткань по прямой нитке на куски нужного размера, только при работе со скошенными частями одежды пользовались ножницами.

Для кроя одежды даже выбирались определенные дни недели (Устаев, 1989. С. 146). По глубокому убеждению людей, понедельник, четверг и пятница, считались «счастливыми», т.е. благоприятными для любых добрых начинаний, поэтому именно в эти дни одежда кроилась и шилась. Вторник и суббота воспринимались как «неблагоприятные дни», следовательно, шитьём не занимались.

В конце XIX и начале XX в. почти каждая женщина обшивала семью. Также были профессиональные портные, шившие одежду на заказ или на продажу, которых называли тунчи, паранжи тикувчи, мурсак тикувчи, бичицчи, чевар, а с появлением швейной машинки в быту их стали называть еще и машиначи.

Ведущее место в Хивинском ханстве занимал пошив мужской и женской одежды. Хивинские портные, как и мастера швейного дела других среднеазиатских государств, специализировались на производстве мужских рубашек, штанов, халатов, чекменей, разных головных уборов, а также женских платьев, камзолов и других наименований одежды.

Хивинские мужские халаты, предназначенные для торжеств, отличались от бухарских наличием серебряной пуговицы. Они пользовались большим спросом и на внешнем рынке (Вельяминов-Зернов, 1856. С. 359).

Несмотря на наличие некоторых национальных и местных особенностей, старинный костюм народов Средней Азии, проживающих на протяжении многих веков в условиях культурного взаимовлияния, имеет одну общую основу покроя, условно названного в этнографии туникообразный - тугри бичщ (Сухарева, 1979. С. 79). Этот покрой выполняли в двух вариантах. Оба варианта существовали издавна, о чем сообщают настенные росписи ранне-средневековых дворцов и миниатюры XV-XIX вв.

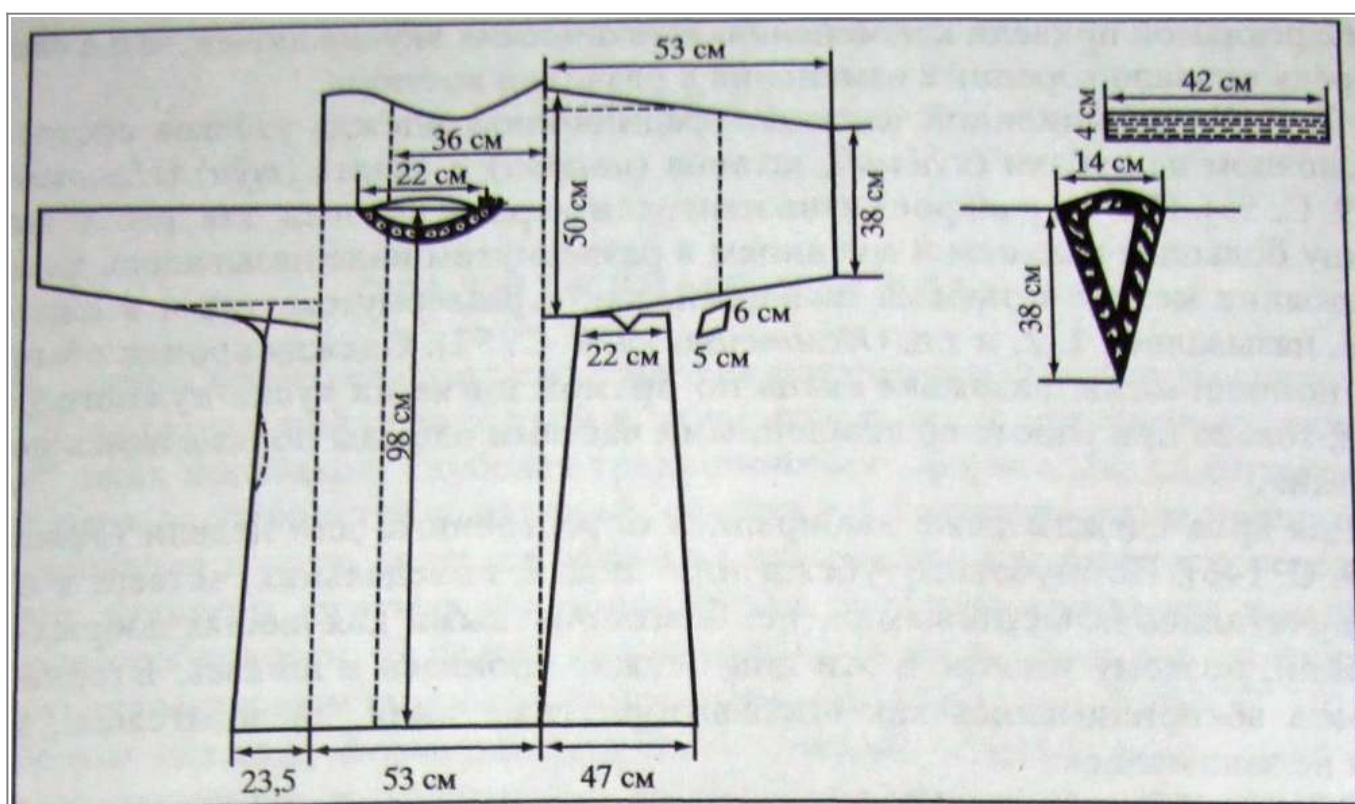
В первом варианте туникообразного покроя цадди (перед и спинка) рубахи или халата делали из одной или полутора точки ткани (обычно местные ткани были узкими от 24 до 51 см), перегнутой в плечах. На уровне плеч вырезалось место для воротника. Яхтак или халат тун отличался от рубахи куйлак осевым разрезом спереди и клиньями (чалгай), пришитыми к срезам от подола до груди и образующими Запáх халата. Сзади стоячий, суживающийся к концу, продолговатый воротник смыкался у груди с клином. Воротник кроили из двух частей и простегивали частой стежкой на тонком слое ваты, в результате он становился как твердая

планка. Его называли в народе яхтак ёк,а. К бокам стана от проймы до подола пришивали боковины (ён) в виде трапеции. Поперечные рукава (енг) пришивали к стану прямо по кромке. Эта особенность покроя рукавов по поперечной нити у народов Средней

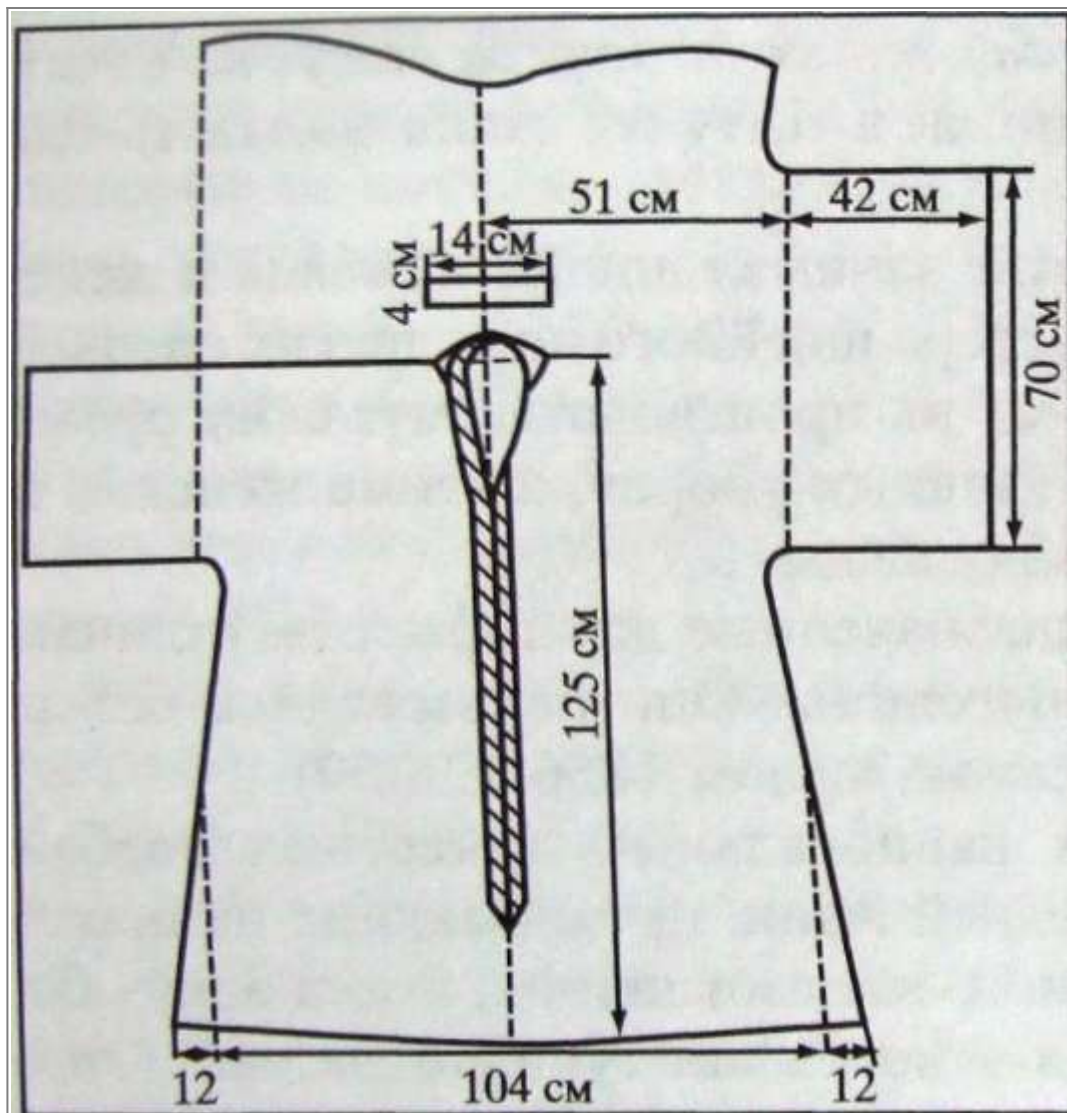
Азии особенно четко была видна в одежде из полосатых тканей. Между рукавом и боковиной пришивали ластовицу (цулпак, цулфак) треугольной или четырехугольной формы, предохраняющую это место от разрыва. Этот вариант туникообразного покроя распространен во всех регионах Узбекистана. Так как покроем ферганской распашной рубахи {яхтак) является основой этого покроя, в некоторых местах его называют еще яхтак бичиц.

Нераспашные рубахи (куйлак) отличались формой воротника: с горизонтальным разрезом (кифтаки ёца) и вертикальным разрезом до груди (олди очиц).

Покрой женских халатов мурсак, калтача и елак отличался от мужского халата глубоким и широким вырезом воротника, откуда виднелся перед нарядного платья с украшениями; накидка паранджи имела широкие боковины

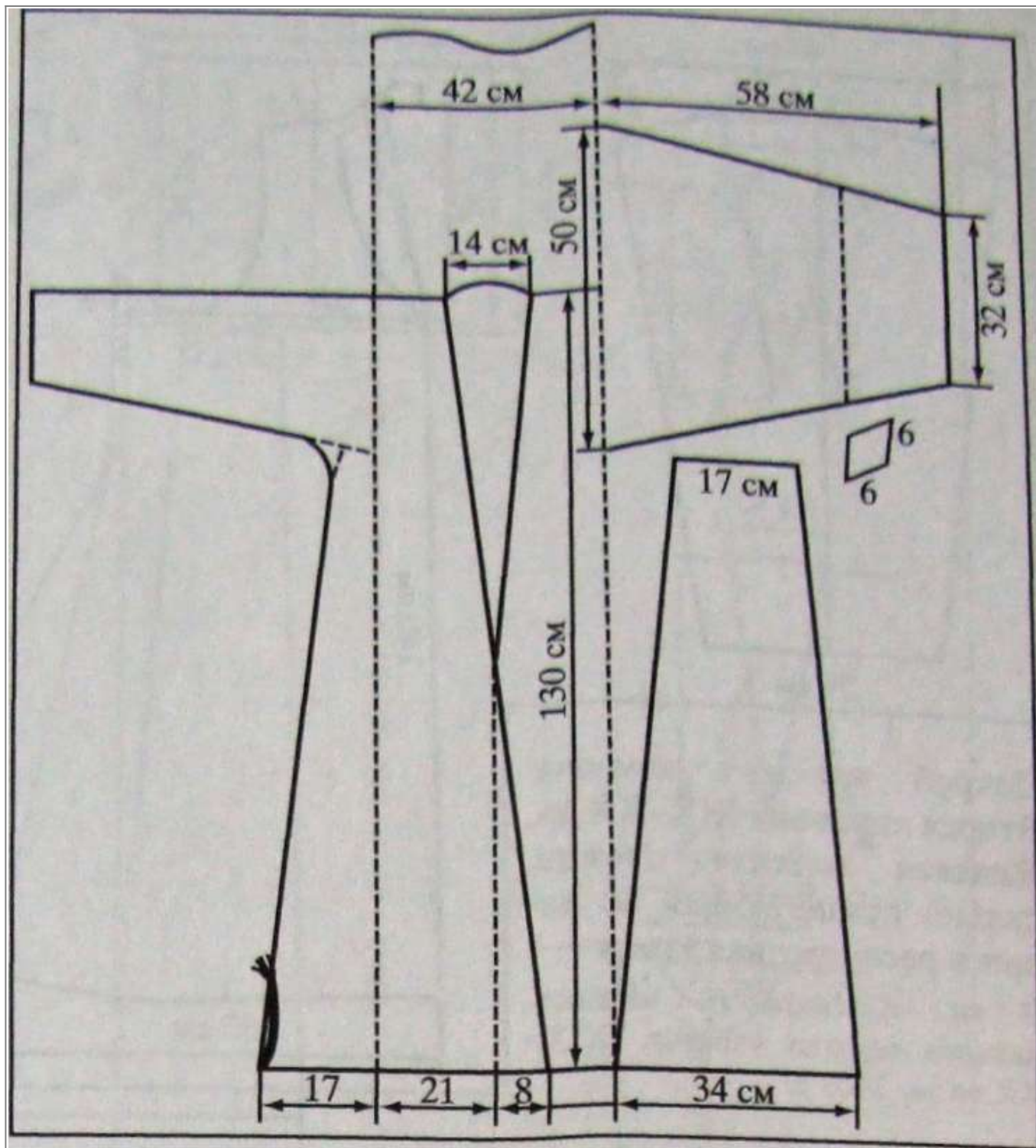
Покрой мужской рубахи «куйлак». XIX—XX вв. Мужская рубаха с горизонтальным разрезом ворота «киптаки ёка» и формой воротника с вертикальным разрезом «яхтак ёка», характерным для Ферганской долины В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 Г.

Покрой женского халата курта. XIX - начало XX в. Женское платье с прямоугольной полоской ёка, пришитой сзади, у шеи В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Покрой женского халата калтача. Бухара, Самарканд. Середина XIX - начало XX в. Женская верхняя одежда с широкими рукавами и густой сборкой по бокам

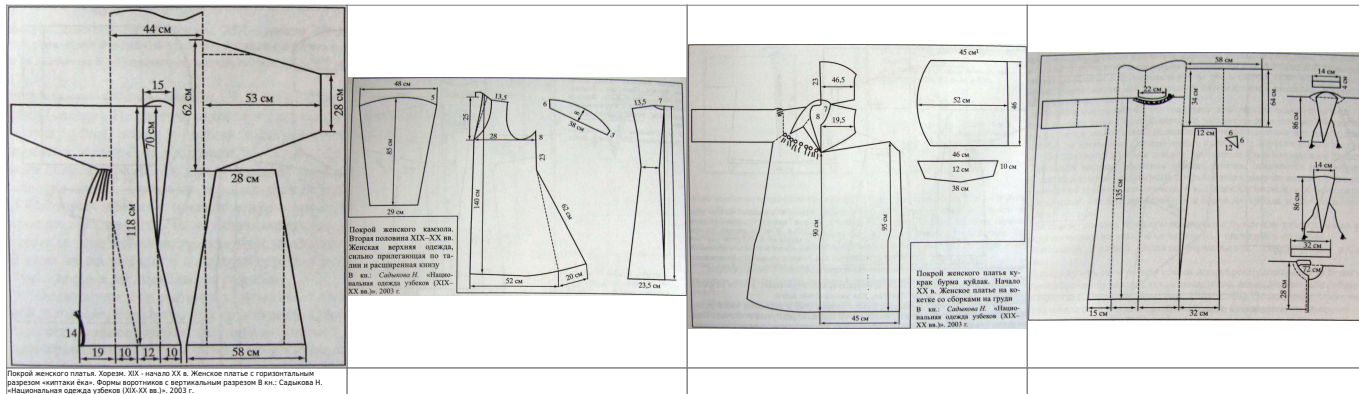
В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Покрой женского халата мур-сак. Ташкент, Фергана. Середина XIX в. Женская верхняя одежда с широким и глубоким вырезом воротника и широкими рукавами В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

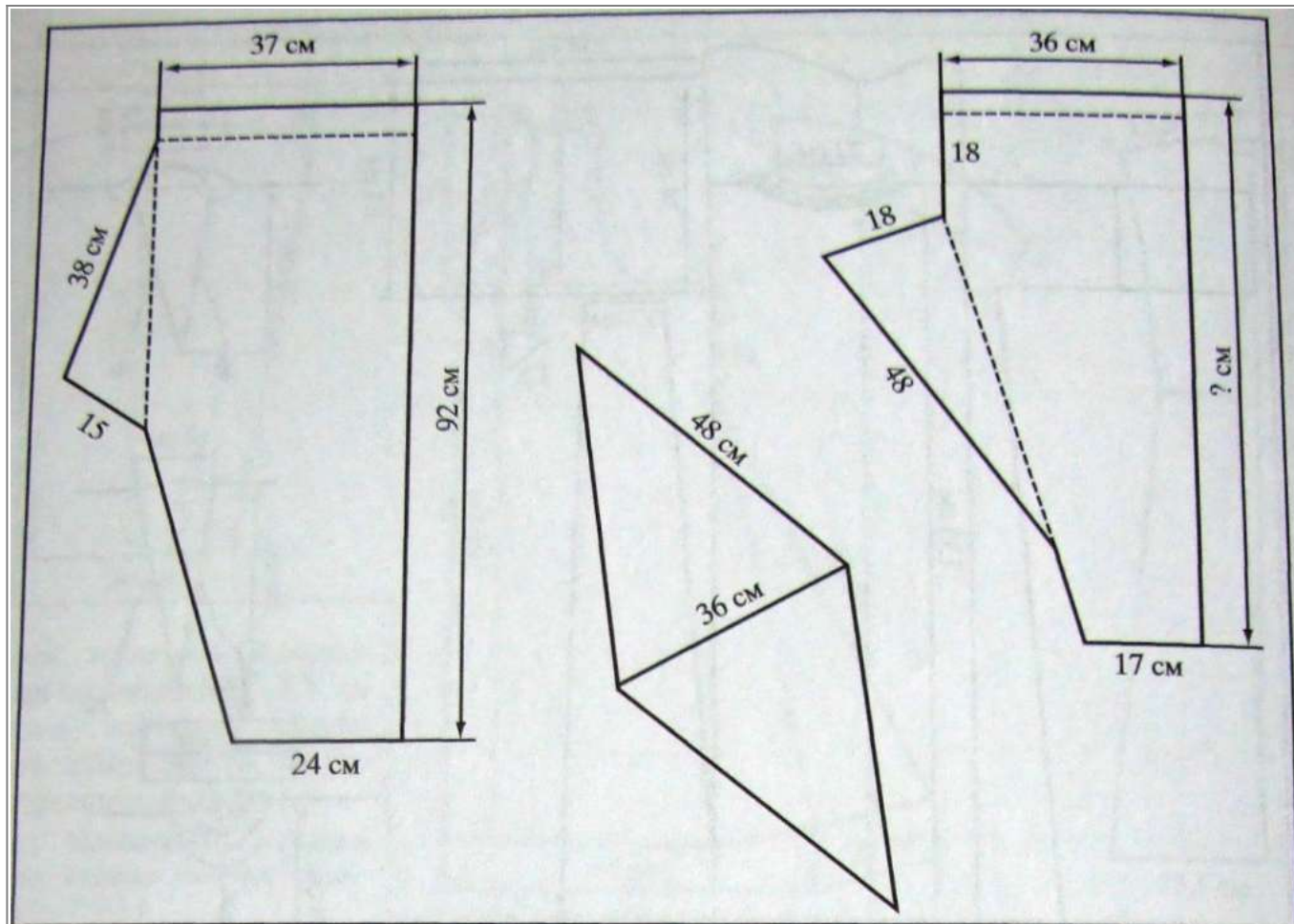
и длинные ложные рукава. По бокам мурсака, калтачи и елака делали разрезы (йиртмоч), как на мужских халатах, для увеличения шага.

Во втором варианте туникообразного покроя стан и верхнюю часть рукавов халата составляли две или более точки ткани, перегнутые в плечах. Под рукавом срезался клин (цийтиц), обращенный острым концом вниз, который

пришивался к бокам подола. В этом покрое халата отсутствовал передний клин (чалгай). На ранних халатах у шеи к спинке пришивали прямоугольную полоску (ёца), позже к вырезу воротника стали пришивать продолговатый воротник яхтак ёца, достигающий до груди. Этот второй вариант туникообразного покроя характерен для бухарской одежды: мужские халаты тун, жома, женские платья курта из дорогих тканей шили в основном в этом покрое. В некоторых местах его называют рум бичиц. Предпочитали шить в этом покрое также ташкентские мужские халаты из дорогих тканей, особенно парчовые халаты женихов, так как считалось, что он красиво сидит на человеке. В этом же покрое шили и первую детскую рубашечку чилла куйлак, надеваемую в первые 40 дней жизни ребенка.

Одежда каждого региона отличались не только покроем, но еще и шириной, и длиной, а также расцветкой тканей. Одежда бухарцев, кашкадарьинцев, сурхандарьинцев шилась широкой и длинной, из ткани с крупными узорами яркой расцветки. Одежда ташкентцев и ферганцев была средней длины и ширины, шилась из тканей спокойных тонов. На одежду самаркандцев влияли, с одной стороны, бухарцы, а с другой - ташкентцы. Простеганные частой стежкой прилегающие, стройные халаты хорезмийцев шились в основном из местных, сильно лощеных тканей алача, в мелкую полоску с преобладанием малиновой расцветки. Женские платья Ташкента, Ферганы, Самарканда и Хорезма были очень длинными и широкими, с длинными и широкими

Покрой женских штанов лозим. Х1Х-ХХ вв. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (Х1Х-ХХ вв.)». 2003 г.

рукавами. Платья женщин Бухары, Кашкадарьи и Сурхандарьи были более короткими, но с длинными и широкими рукавами, что, очевидно, было связано с климатическими условиями, хозяйственной деятельностью, мировоззрением и образом жизни населения (Давлатова, 2006. С. 213).

Со второй половины XIX в. в моду входит одежда нового покроя, характерные черты которой - разрезное плечо, отдельные полочки и спинка, вшитые в вырезную пройму рукава. Спинка платья свободного покроя была цельной, а приталенного - состояла из двух частей. Воротники были стоячими - бугма ёца, отложными - цайтарма ёца, а также традиционными -яхтак ёца. Новый покрój одежды в народе называли камзул бичиц. В результате новые виды одежды - тун, пеишат, камзул, безрукавки нимча постепенно превратились в традиционную одежду. Особенно халат тун нового покроя с традиционным воротником яхтак ёца и поперечными рукавами стал излюбленной одеждой пожилых людей и остается ею по сей день.

Женское платье нового покроя на кокетке кукрак бурма, появившееся в начале XX в., видоизменилось и стало в настоящее время излюбленной традиционной одеждой узбечек. Покрой платья состоял из верхней прилегающей части - кокетки, и нижней свободной части - этак, которая присборивается и пришивается к кокетке. Удобное при движении и для жаркого местного климата платье кукрак бурма является популярной одеждой не только узбечек, но и женщин других национальностей, проживающих в Узбекистане.

В начале XX в. в моду вошли укороченные рубашки с отрезными рукавами, со стоячим, так называемым ногайским воротником. Они постепенно превратились в часть национальной одежды. Платья с поперечным вырезом или с так называемым плечевым воротом, казахским

воротом, воротом вак-вака или с отложным воротником в основном носили пожилые и замужние женщины. Платья с плечевым воротом вдоль выреза обшивались тесьмой джияк, чироз, широз или украшались особым видом вышивки (йурма) шёлковыми нитками всех расцветок.

Одной из составных частей традиционной одежды являются штаны - пой-жома, иштон, лозим, покрой которых состоит из двух штанин. Лозим по сей день являются необходимой домашней одеждой пожилых женщин и девочек. Длинные до щиколоток штаны-лозим, сшитые из дорогих тканей и отделанные блестящими тесемками понизу, дополняют комплект одежды невесток.

Мужская одежда. Мужская одежда узбеков отличается разнообразием. Для нее характерен одинаковый покрой независимо от возраста, что свидетельствует об архаичности мужского костюма. Отличия и особенности регионов в мужской одежде проявляются в цвете материала и манере носить тот или иной костюм.

По своему составу мужскую национальную одежду узбеков можно разделить на нижнюю (нательную) и верхнюю - плечевую и поясную.

Нательной одеждой служили нераспашная туникообразная рубаша и штаны.

В старину мужскую рубашу куйлак шили преимущественно из белой одноцветной хлопчатобумажной ткани домашнего, ремесленного или фабричного производства (Шаниязов, Исмоилов, 1981. С. 68). По покрою рубаша относится к разновидности туникообразной одежды. Она имеет стан из прямого, сложенного пополам полотнища и боковин, расширяющихся к подолу. Ее шили длиной ниже колена, позже она была укорочена до середины бедра. Ворот рубашки был двух фасонов. В Ферганской долине к длинному вертикальному разрезу пришивали воротник, выкроенный из продолговатого куска ткани, разрезанного наискось на два клина, сшитых широкими концами. В рубашках другого фасона разрез был горизонтальный от плеча к плечу - в Ферганской долине и Ташкенте их называли муллача куйлак (Наливкин, Наливкина, 1886. С. 94). Под этим названием она бытовала на всей территории современного Узбекистана и многих районах Таджикистана (Шаниязов, 1974. С. 69). Покрой этой рубашки восходит к глубокой древности. Об этом свидетельствует рубаша, найденная при раскопках Кеньколского могильника с гуннским захоронением 1 в. н.э. (Бернштам, 1940. С. 24).

Широко была распространена также рубаша со стоячим воротом, у которой к разрезу ворота на груди пришивалась сложенная вдвое планка. Носили ее дети и мужчины средних лет. У кипчаков бассейна Зарафшана рубаша со стоячим воротом называлась цозоци куйлак (казахская рубашка). Действительно, еще одним видом легкой одежды являлась рубашка, отличавшаяся широкими длинными рукавами и существенной длиной, называвшаяся цозоци ёца, к;озок;и куйлак или татар жаца (Шаниязов, Исмоилов, 1981. С. 70). В начале XX в. такие рубашки вышли из моды у узбеков, а вместо них у исконно оседлого населения стали популярны так называемые ногайские рубашки.

Применение фабричных материалов привело к изменению формы одежды. Покупные ткани - более широкие и плотные по фактуре, можно было кроить не только по прямой, но и по косой нитке, собирать в складку, вырезан. мелкие детали. Это способствовало появлению новых фасонов. Наряду с традиционными туникообразными стали появляться рубашки со скошенным плечиками, с полукруглой проймой и зауженным, собранным на манжет рукавом, с небольшим стоячим воротником и неширокой планкой, аккуратно прикрывавшей разрез на груди.

мн плечиками, с полукруглой проймой и зауженным, собранным на манжет рукавом, с

небольшим стоячим воротником и неширокой планкой, аккуратно прикрывавшей разрез на груди. Покрой мужских штанов XIX-XX вв. [В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.]

У ферганских узбеков и узбеков Ташкентской области была широко распространена распашная мужская рубаша яхтак. Обычно она использовалась как лёгкий халат без подкладки. Ее шили из хлопчатобумажной ткани (бязь, ситец, шелк). Яхтак носили и молодые, и пожилые люди. Такая легкая и удобная рубаша шилась длиной до колен и ниже, ворот ее обшивали с помощью крючка несколькими вертикальными стежками, а в настоящее время застрачивают на машинке плотными швами. На груди пришивали одну пуговицу или самодельную застежку и петлю, а чаще всего - тонкий шнурок из той же материи.

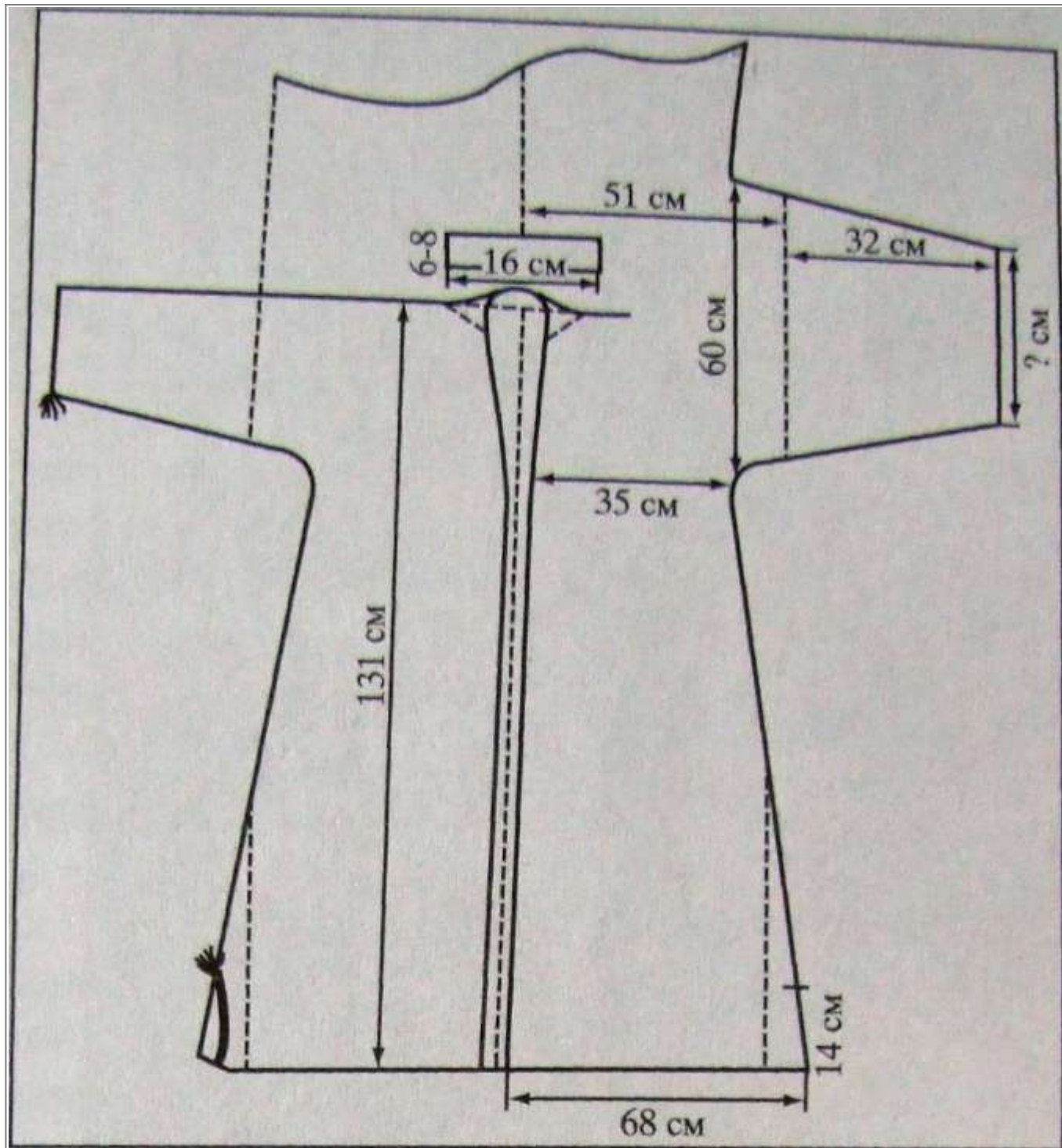
Мужские штаны иштон были широкими, книзу сужались и доходили до щиколоток. На верхней кромке делался рубец для протягивания завязки - иштонбог. Штаны шили из хлопчатобумажной ткани. Они имели традиционный покрой: к сложенному вдвое среднему полотнищу с двух сторон пришивали прямоугольные штанины; подвижность шага достигалась не только за счет ширины среднего полотнища, но и вставленного между ним и штаниной клина.

В холодное время года поверх штанов носили шаровары шим без подкладки или с подкладкой из толстой хлопчатобумажной или шерстяной материи. Штаны, сшитые из войлока, надевали участники конных состязаний при верховой езде в холодную погоду, а охотники надевали шерстяные меховые штаны без подкладки. Эти штаны — древняя одежда мужского населения Средней Азии.

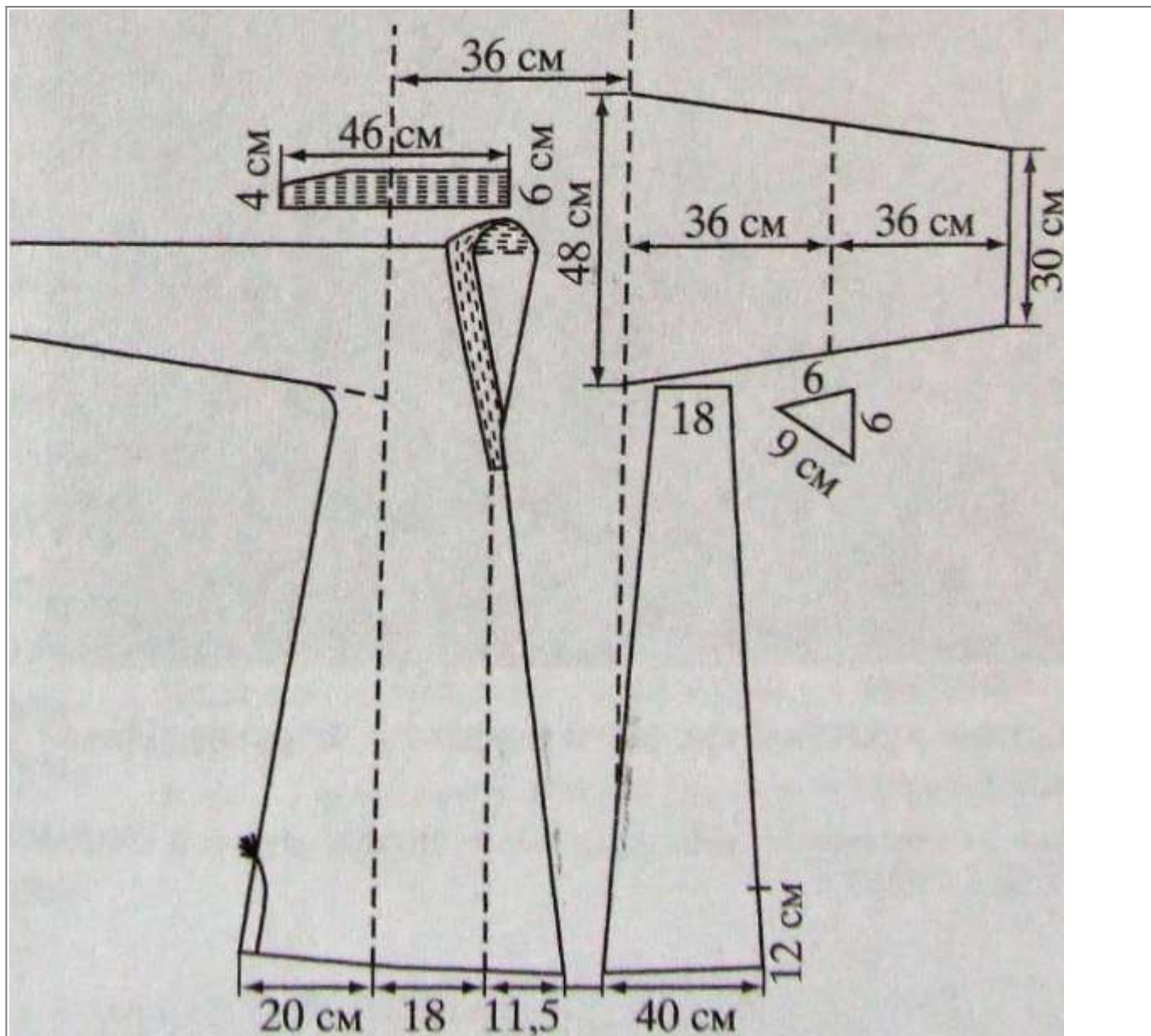
Верхняя одежда мужчин - халаты - была нескольких видов: стеганый на вате тун или чопон, без стежки яхтак или авра тун, из домотканого сукна чакмон, камзул - однобортные и двубортные, безрукавки - длинные или короткие и нагольный тулуп пустин. Обязательной принадлежностью любого комплекта мужской одежды являлся стеганый халат из кустарных тканей бумажной или полушелковой олача, бёцасам.

Поверх рубахи мужчины носили распашной халат чопон. Халаты шили в основном туникообразно-го покроя двух вариантов. Первый вариант - халаты кроили из целого полотнища, складывали поперек, образуя перед и спинку без шва на плечах. Перпендикулярно полотнищу стана, без вырезной проймы, пришиваются прямые или несколько суженные к концам рукава. Под подмышкой почти всегда вшивали ластовицу, в бока - клинья в форме вытянутого усеченного треугольника, их пришивали к стану косыми сторонами.

Второй вариант мужских халатов составляют из двух полотнищ, сшитых вместе и одинаковой ширины. Перегнутые вдвое поперек полотнища они образуют спинку (со швом посередине), переднюю и верхнюю часть рукава, которая получается путем вырезания под рукавом клина, обращенного вершиной вниз. В полах халата с обеих сторон делали вертикальные разрезы для увеличения шага. Воротник, полы, подол и края рукавов обшивали узкой плетеной тесьмой или полоской материи, на груди пришивали две завязки. Халаты шили без подкладки, с тонкой подкладкой и теплые зимние халаты на вате.

Покрой мужского халата тун. Бухара. Середина XIX в. Мужская верхняя одежда с прямоугольной полоской, пришитой сзади у шеи В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Покрой мужского халата тун. XIX-XX вв. Мужская верхняя одежда с воротником яхтак ёка, широко распространенная в Узбекистане В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX XX вв.)». 2003 г.

В Ферганской долине, Ташкенте и Хорезме были

273

широко распространены стеганные халаты, плотно облегавшие тело. Шили такие халаты для стариков, чаще всего из сатина черного или синего цвета, однотонного, либо с мелким рисунком. Для молодых, чопон изготавливали из полушелкового полосатого бекасам, кустарной или фабричной выделки, такой чопон назывался бекасам тун. Подкладкой астар обычно служит ситец. Весь халат простегивается крупными стежками вдоль точки, таким образом рукава оказываются выстроченными поперек. Традиционность покроя туна наглядно выявляется при сравнении с халатами, изображенными на миниатюрах XVI в. (Пугачей-кова, 1956. С. 110, 115, 121, 126, 127).

В прошлом во всех регионах Средней Азии наибольшее распространение имели полосатые ткани. В Фергане их производили особенно много и разнообразных рисунков. Большое внимание обращалось на расцветку полосок, их сочетания и ширину. Излюбленными

шелковыми и полушелковыми бекасабами считались те, в которых зеленые полосы перемежались с желтыми, розовыми и фиолетовыми, причем небольшой и одинаковой ширины и неконтрастных нежных оттенков. Жители ферганских городов, маргиланцы и особенно кокандцы, предпочитали желтый цвет с фиолетовым и розовым. В наманганских халатах преобладали оттенки зеленого с синим и красным. Тем не менее, несмотря на разнообразие расцветок ферганских тканей, халаты из них славились спокойной строгостью. Последнее качество сконцентрировалось особенно в бекасабах с зеленоватым и синеватым оттенками, известных под

Костюм мужчины среднего возраста. Фергана. Начало XX в.

мн плечиками, с полукруглой проймой и зауженным, собранным на манжет рукавом, с небольшим стоячим воротником и неширокой планкой, аккуратно прикрывавшей разрез на груди.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX— XX вв.)». 2003 г.

названием мош ранг. Чапаны, сшитые из бекаеаба, получили широкое распространение во всех регионах Узбекистана.

Первые чу паны готовили для мальчиков к суннат туй, т.е. мусульманскому обряду обрезания, затем к свадьбе. После свадьбы куёв тун (ча-пан жениха) обычно и в данное время носят в домашних условиях в качестве верхней теплой одежды. Этот же халат надевается во время траура молодыми мужчинами из близких родственников умершего.

В Ферганской долине в 1920-х годах были модными красные стеганые халаты -длинные, с узкими рукавами. Красные халаты носили и в годы Второй мировой войны. Призывники-кавалеристы уходили на фронт в красных халатах, подпоясанных солдатскими ремнями. Халаты шили из фабричной бязи, окрашенной в бордовый цвет. Наряду с этим, в Ферганской долине бытовал летний халат, так называемый авра тун, который шили из бекаеаба и надевали поверх стеганого халата без пояса.

В XIX и в начале XX в. бухарские эмиры носили парадные золотошвейные халаты (зарчупан). В дворцовых мастерских были собраны лучшие золотошвеи. Узоры золотого шитья вырезал из кожи или картона художник (гул-

бур), затем они обшивались золотыми и серебряными нитями, что создавало легкую рельефность вышивки гулдузи и заминдузи. Золотом вышивали и на местных, и на европейских бархатах.

В середине XIX - начале XX в. среди представителей городской и сельской администрации вошли в моду камзолы (камзур)- прилегающий глухой сюртук без разреза сзади, без лацканов, со стоячим воротником. Он шился из ткани темного цвета, часто из сатина либо более плотной хлопчатобумажной ткани. Камзолы надевали поверх рубашки под верхний халат, а летом его носили и без халата. Эта одежда была новой для узбеков. Время появления и распространения ее в сельских местностях относится к 30-м годам XX в. (Шаниязов, Исмоилов, 1981. С. 73).

Костюм пожилого мужчины. Самарканд. Конец XIX в. В кн.: СадыковаН. «Национальная одежда узбеков (XIX- XX вв.)». 2003 г.

Зимой зажиточные мужчины поверх стеганого ватного халата носили чакмон, ке-банак. По покрою чакмон не отличается от халата, но был значительно шире и просторнее его. Ворот - узкий, сзади стоячий, спереди постепенно сужался и сходил на нет, обычно его обшивали тесьмой жияк. Чакмон изготовляли из домотканой материи, из овечьей или верблюжьей шерсти (Шаниязов, 1974. С. 112).

Узбеки, занимающиеся скотоводством, носили шерстяной халат на теплой подкладке кебанак. Зимой мужчины среднего и пожилого возраста надевали шубу из дубленой овчины — пустим. Шубу шили мехом вовнутрь, овчину окрашивали в оранжевый цвет. Как и халат, шуба была двубортной и запахивалась слева направо; края бортов, подол и обшлага рукавов обшивались узкой полоской меха. Верхнюю зимнюю одежду носили обычно без пояса.

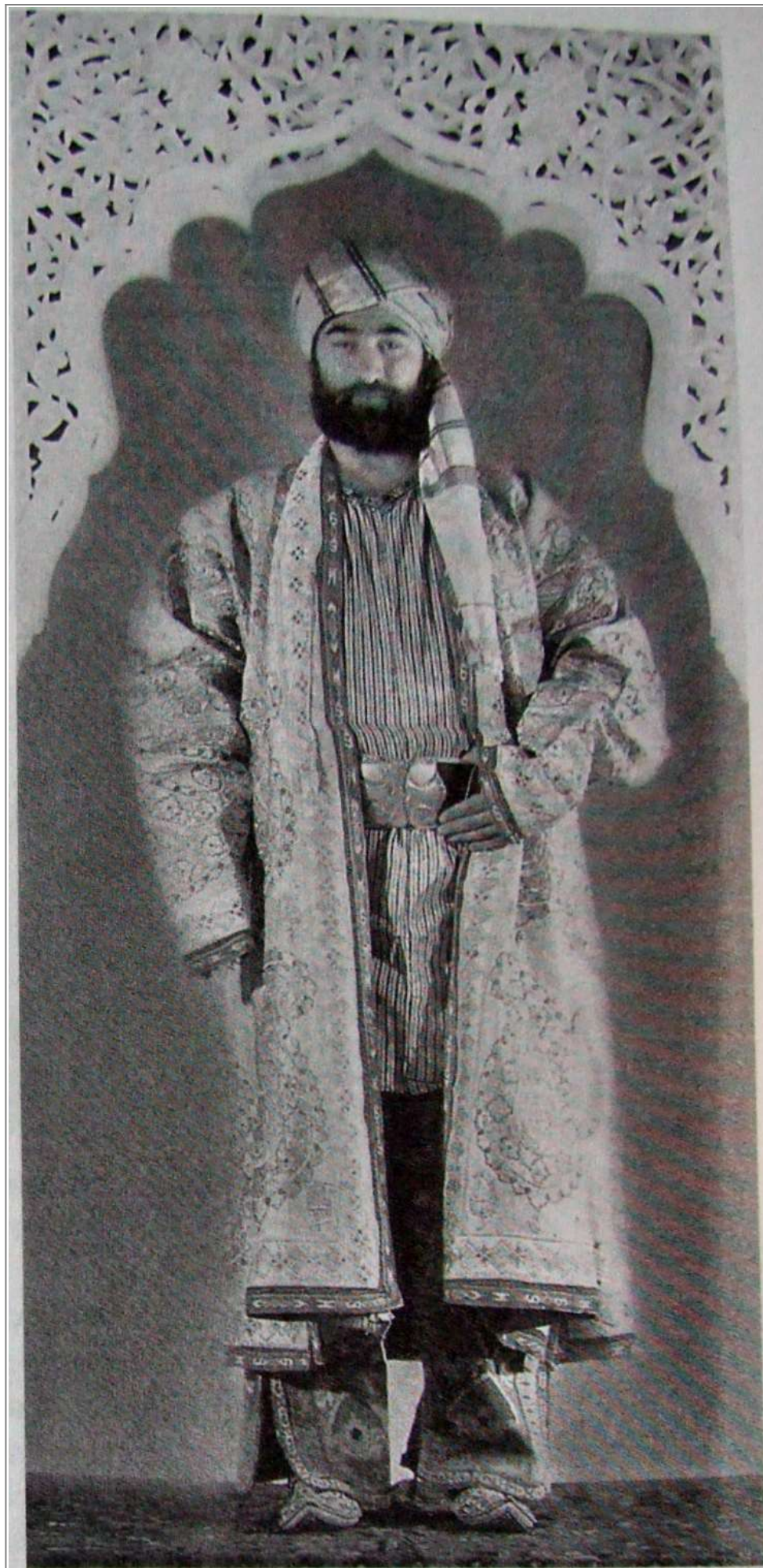
Для опоясывания рубах и халатов употреблялись пояса. Ими служили кушаки из местной ткани, квадратные платки белбог, белцарс, чорси, украшенные вышивкой (Шаниязов, Исмоилов, 1981. С. 74, 75). Состоятельные люди и чиновники носили цайиги - широкие пояса из бархата и позументов с серебряными наборами или вышитые крестом. Эти пояса застегивались массивными пряжками, покрытыми эмалью, чернью или инкрустацией - шагнишон, выполненные местными ювелирами. Зимой мужчины подпоясывали одежду поясом урама белбог из хлопчатобумажной или шелковой ткани. Длина такого пояса доходила до 11 метров.

Костюм мужчины среднего возраста. Хива. Конец XIX - начало XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX- XX вв.)». 2003 г.

Обычай, корни которого уходят в ислам, запрещал взрослым мусульманам ходить с непокрытой головой. В теплое время года не только дома, но и за его пределами, мужчины надевали тюбетейки, называемые по-разному — дуппи, цалпоц, каллапуш и т.д.

Тюбетейки бывают разными, в соответствии с особенностями определенных районов, возрастных групп: мужские, женские, детские, в том числе для мальчиков, девочек, грудных детей, стариков. Различны и их формы: островерхие, конусообразные, полусферические, плоскодонные, круглые, четырехгранные и др. Шили тюбетейки из материи и обычно украшали вышивкой шелковой, золотой и серебряной канителью. Мужские тюбетейки изготавливали из черного сатина, бархата, женские — из разноцветного шелка, парчи, украшали золотым шитьем. Форма тюбетеек сначала была остроконечной, приспособленной для ношения под чалму, с широкой тесьмой на околыше. В последующие годы формы тюбетеек изменились: верх стал круглым или квадратным, тесьма на околыше сузилась. В Ферганской долине и в Ташкенте стали носить тюбетейки чустского тина чусш дуппи с узором стручкового перца - цалампир или миндаля водам, вышитым белыми нитками на черном фоне, на околыше расположены в ряд арочки. Также распространены многоцветные тюбетейки.

Костюм чиновника. Бухара. Конец XIX в. - начало XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Костюм богача и интеллигента. Ташкент. Конец XIX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

вышитые сплошным швом ироци. В Кашкадарьинской области наибольшее распространение получили вышитые ироки тюбетейки типа гилам дуппи, в Сурхандарьинской - пилтадузи. Наряду с вышитыми в Ташкенте были популярны тюбетейки из бархата. Одна из разновидностей тюбетеек - гиобпуш, она изготавливается из хлопчатобумажной ткани, простроченной на машинке или вручную. Шопбуш носили зимой под шапкой или одевали на ночь. Некоторые представители аристократии, духовенства и очень старые мужчины носили кулол; - высокую круглую шапочку, сшитую из четырех- или треугольных кусков материи.

Летом сельское население Ферганской долины предпочитало носить шапку киргизского образца - цалпоц, сшитую из белого войлока, зимой - меховую шапку (мехом вовнутрь) - тумоц, аналогичную казахской. Узбеки Хорезмского оазиса носили чугурма - большую круглую приплюснутую шапку из шкуры барашка с длинной волнистой шерстью. Подкладка чугурма имеет вид круглой войлочной шапочки.

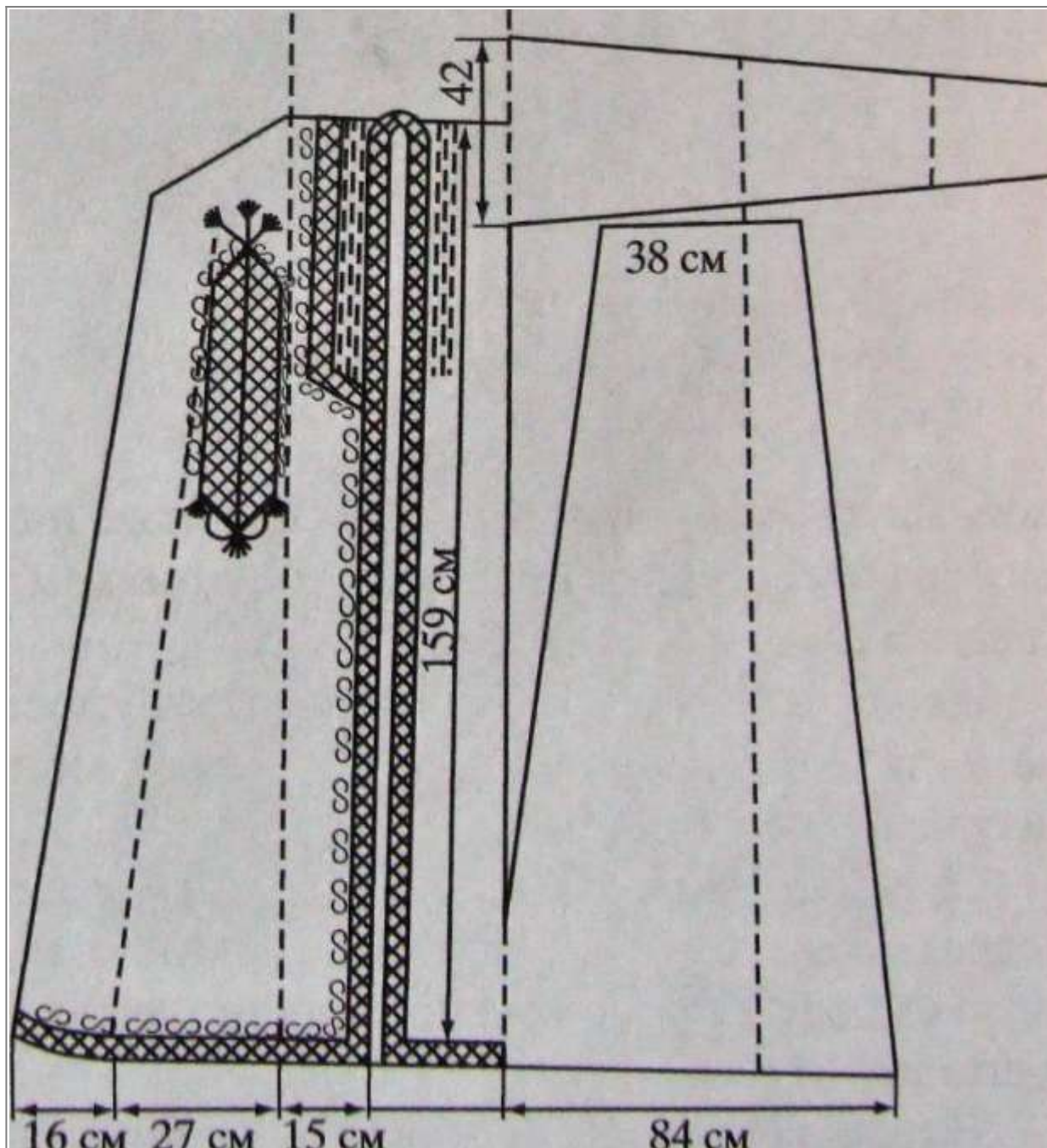
Зимой поверх тюбетейки надевали телпак - круглую меховую шапку. В Бухарском оазисе и прилегающих районах носили меховую шапку в форме полого конуса, верхнюю часть ее шили из каракуля, край отстрачивали мехом выдры. Шапку обычно подбивали бараньим мехом. В Ферганской долине и в Ташкенте носили шапки, верх которых шили из четырех частей материи (обычно черного бархата), а опушку делали из лисьего или куньего меха, иногда из мерлушки. Такие шапки могли носить только люди зажиточные, большинство же носили чалму или обвертывали голову поверх тюбетейки платком.

Чалму салла изготавливали из хлопчатобумажных, полушерстяных тканей и кисеи дока, нередко дорогих сортов. Каждой социальной группе населения был присущ свой способ наматывания чалмы. В Бухаре этим занимались специальные люди, и это занятие называли ремеслом. Во время работы и дома вместо чалмы голову повязывали поясным платком или куском материи. В XIX - начале XX в. чалму носили даже подростки, затем она стала обязательным головным убором стариков и молящихся молодых мужчин. Люди преклонного возраста носили белую чалму, среднего - серую, а молодые -цветную. В некоторых областях Бухарского, Самаркандского районов Зараф-шанской долины и на современной территории Таджикистана цветную чалму носили иногда и взрослые мужчины. Зимой предпочитали носить чалму из бумазейной ткани.

В первый раз чалму торжественно надевали во время суннат туй, свадьба по поводу обрезания (мальчика), а затем в день свадьбы. Длина ткани, шедшей на чалму, доходит до 6 м. Носят ее с подогнутым концом. Только во время чтения намаза конец чалмы опускается вниз.

Повседневную обувь в начале XX в. составляли махеи ковш, чорщ, тацаки этик, мукки, тош-товон, чорщ-пойпуги (Ша-ниязов, 1964. С. 106, 107). Из традиционных видов обуви основной среди лиц преклонного возраста до сих пор являются мягкие сапоги - махеи, которые носят с резиновыми галошами среднеазиатского типа, пришедшими на смену кожаным кавушам с высоким передком. Высота махеи в среднем 31 см. Особенно ценились ичиги с туфлями, сшитыми из лакированной кожи амир-кон. Мужские ичиги и туфли были длиннее женских

' 30 см ! 125 см И-»4*-

Покрой женской накидки паранджи. XIX - начало XX в. Женская накидка, набрасываемая на голову при выходе на улицу В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

и изготавливались из более твердой кожи. В теплое время года носили туфли без ичигов. Кроме того, мужчины носили этик - сапоги на высоком каблуке. В сельской местности обувь была проще: кроме сапог здесь носили чорщ — грубую, полуоткрытую обувь без голенищ, сшитую из цельного куска сыромятной кожи. Края собирали на узкий кожаный ремешок, для изготовления которого брали кожу лошадей и верблюдов. Короткие сапоги с рантом мукки шили без каблуков из мягкой и твердой кожи; в некоторых местностях их называли тош-товон. Зимой и в дождь в селениях носили жаккари кавуш или товулдирщ — деревянные башмаки на трех ножках. Их надевали либо на босую ногу, постелив стельки, либо на сшитые из бараньей кожи мехом вовнутрь ичиги тери махси, закрывающие икры, либо на кожаные ичиги махси. Во время работы в поле надевали хом кавуш, сшитые из сырой коровьей или конской шкуры. Имеются также различные интересные образцы обуви, вышитые шелком и украшенные золотым шитьем, - чаруки, бытовавшие у народов Средней Азии в XIX-XX вв.

Женская одежда. В женской одежде преобладают традиционные элементы у старшего поколения, реже - среди молодежи и в наибольшей степени в ритуальной одежде.

Состав и покрой одежды различен у разных возрастных групп. Одежда подразделялась на нательную, верхнюю и выходную. Традиционную женскую одежду в прошлом составляли платья туникообразного покроя - куйлак и штаны - лозим.

Нательная одежда состояла из туникообразной рубахи, отрезной ниже талии, по талии и отрезной только впереди, с вшивными рукавами и рубахи на кокетке.

Верхнюю одежду женщин составляли разнообразные легкие халаты (мун-сак, калтача и другие), широкий халат, стеганный на меху халат, безрукавка короткая (типа жакета) и длинная. Выходной одеждой являлись паранджи - халат с ложными рукавами, который накидывается на голову поверх головного убора, лицевое покрывало - чачвои.

Женская шуба. Ташкент. Конец XIX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Платье было длинным, доходившим до щиколоток, с прямым, иногда немного расширяющимся книзу станом. У девичьих платьев разрез ворота делали горизонтальным и обшивали по краю кантом из материи другого цвета или тесьмой. На плече ворот завязывали тесемкой из той же ткани или застегивали на одну пуговицу. Замужние женщины носили платья с вертикальным разрезом, который делали на середине груди, длиной примерно 25 см, и завязывали тесемками, застегивали на одну пуговицу или закалывали брошью. В Бухарской и Самаркандской областях края ворота женских платьев с вертикальным вырезом обшивали пешкурт — тесьмой из золотого шитья - и украшали

вышивкой. Рукава шили пря-

мыми и длинными, закрываю-

В конце XIX в., когда рас-

ширились контакты Сред-

кестанском крае (сначала в го

родах, а затем и в кишлаках) стал входить в моду высокий стоячий воротник, сочетавшийся с вертикальным разрезом, который прикрывался планкой. Он был известен под названием нугой ёца, а платья со стоячим воротником в долине Зарафшана назывались крзоци куйлак (Народы Средней Азии., 1962. С. 292-295).

Молодые женщины до рождения первого ребенка носили платья со стоячим воротником - парпара, отделанным зубцами (в виде множества треугольников, острием вверх) или плиссировкой.

В конце XIX в. появились платья с отрезной кокеткой кукрак бурма, позже прочно занявшие место в женском гардеробе. В XX в. эти платья являлись основной формой

Выходной костюм женщины среднего возраста. Каш-кадарья. XX в.
В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX XX вв.)». 2003 г.

национального костюма. Выли популярны платья со стоячим воротником и рукавами с манжетами. Платья с вертикальным разрезом вброта или со стоячим воротником без плиссировки продолжают носить только старые женщины.

Носили платья с узкими у запястья и длинными рукавами, поперек которых между локтем и запястьем пришивали узкую вышитую полоску. В старину посередине этой полоски делали разрез, в который при работе просовывали руки, а конец рукава закатывали; такие платья ^{о тм ечены в} основном в Хорезмском оазисе. В настоящее время разрезов на рукавах платья уже не делают и вышитая полоска имеет только декоративное значение.

Дома носили одно платье, в холодное время года - по два. Знатные женщины в праздники и для выхода надевали по три платья одновременно. Причем рукава их были одинаковой ширины, но разной длины, чтобы концы рукавов, украшенные вышивкой, виднелись один из-под другого. Если же женщина хотела показать богатство своего гардероба, то, идя в гости, брала с собой еще несколько платьев и время от времени меняла туалеты. Количество одновременно надеваемых зажиточными женщинами платьев в Бухаре и Самарканде доходило до семи. Иногда под платья на тело надевали рубашку ички куйлак из белой хлопчатобумажной ткани. Длина их была различной. Старые женщины носили платья длиной почти до земли, а молодежь - более короткие.

Вторая основная часть женского костюма - глухие штаны лозим, стягиваемые на талии поясом из тесьмы, продетым в загнутый рубцом верхний край штанов. Очень часто штаны шьют из двух тканей: нижнюю часть, видную из-под платья, из более дорогого и нарядного материала, а верхнюю (примерно от середины бедра и до верха) из более простой и дешевой материи. Низ штанин обшивают узкими плетеными и вышитыми тесемками жияк, концы

Выходной костюм женщины среднего возраста. Сурхандарья. Середина XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Женские шаровары. Бухара. 80-е годы XX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

которых образуют кисточки. В городах, пригородах и селениях все женщины носили длинные штаны, сейчас их носят старые женщины, а молодежь - более короткие и сужающиеся книзу.

К верхней женской одежде относились стеганные ватные халаты-чолон, туникообразного, несколько отличавшегося от мужских халатов покроя. Ворот женского халата, более открытый и широкий, не застрачивали и не вышивали, борта женского халата почти не сходились. Рукава были несколько короче, но свободнее, чем у мужских халатов. Очень интересны и своеобразны женские ватные халаты хорезмских женщин. Вместо ручной стежки здесь сделана более узкая машинная застрочка, а на уровне локтя - горизонтальный вырез для рук. При работе конец рукава застегивали, чтобы он не мешал работать и не пачкался.

Кроме ватных халатов, женщины сельских местностей, особенно Зараф-шанской долины, летом носили делегай - халат без подкладки. Женщины Бухарской и Самаркандской областей в качестве верхней выходной одежды носили легкие, только на подкладке, длинные распашные халаты-румча, немного прилегающие по талии, с узкими и короткими (до запястья) рукавами и вырезной проймой. К середине XX в. женский халат вышел из моды и превратился в старушечью одежду (халат был заменен камзолом).

Халат не был в прошлом единственным видом верхней женской одежды. Наряду с этим женщины носили особого вида халаты мурсак, довольно широко распространенные в регионе под разными названиями: в Ташкенте - мурсак, в Хорезме - мисак, в Самарканде - мунисак, калтача, в Фергане — мунисак, мунсак, в Бухаре и Шахрисабзе - калтача (Аб-дуллаев, Хасанова, 1978. С. 7; Бик-жанова, 1960. С. 47-53; Шаниязов, 1964. С. 117-119; Сухарева, 1982. С. 34-44). Отличие мурсака от халата состояло в отсутствии воротника. Ткань под рукавами собирали в мелкие складочки, полы внизу расширяли за счет пришиваемых к ним клиньев, одна пола заходила на другую, как и в халатах, по бокам мурсака делали разрезы. Мурсак шили на подкладке и простегивали; в зимний мурсак подкладывали тонкий слой ваты.

В Ташкенте рукава мурсака были немного короче, чем у обыкновенного халата (до второй половины XIX в.).

Позже рукава халата стали шить до локтя - тирсак, отсюда и название тирсак энг - долоктевой рукав, из-под него выпускали длинные рукава платья. В Самарканде узкие внизу рукава мурсака доходили до кистей рук. В Бухаре и Кашкадарье носили мурсак с широкими рукавами ниже локтя, из-под которых выставляли нарядные рукава рубахи. В Хорезме от обычного халата мурсак отличался только рукавами.

В старину мурсак был обычной выходной женской одеждой. К началу XX в. его стали подпоясывать кушаком и надевали только во время оплакивания покойника. Однако многие женщины старшего поколения надевали мурсак (без кушака) на свадьбу или в гости (Самарканд). В Ташкенте уже с начала XX в. мурсак перестали носить, но он должен был быть у каждой женщины, потому что им прикрывали умершую. Таким образом, в комплекте женской одежды не халат, а мурсак являлся традиционной распашной одеждой, позднее ритуальной, освященной обычаем.

После завоевания Российской империей Средней Азии на смену старой одежде пришел камзол (камзур, камзул, пешмет) (Абдуллаев, Хасанова, 1978).

Костюм пожилой женщины. Мурсак и платье. Ташкент. Середина XIX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

С. 7). Он представлял собой прилегающие в талии халаты с короткими и узкими рукавами,

вырезной проймой и отложным воротником, иногда с хлястиком, карманами на боках и изредка на груди. Чаще всего камзолы шили из яркого полосатого бекасама или цветного бархата, плюша, привозных материалов. В этот же период здесь появляется короткая безрукавка — нимча (Ташкент), камзур (Ферганская долина). Ее носили и под камзолом и просто на платье. Безрукавку шили преимущественно из темного бархата или плюша, девочки носили безрукавку из черного сатина с вышивкой понизу. Безрукавка стала необходимой принадлежностью национального женского костюма.

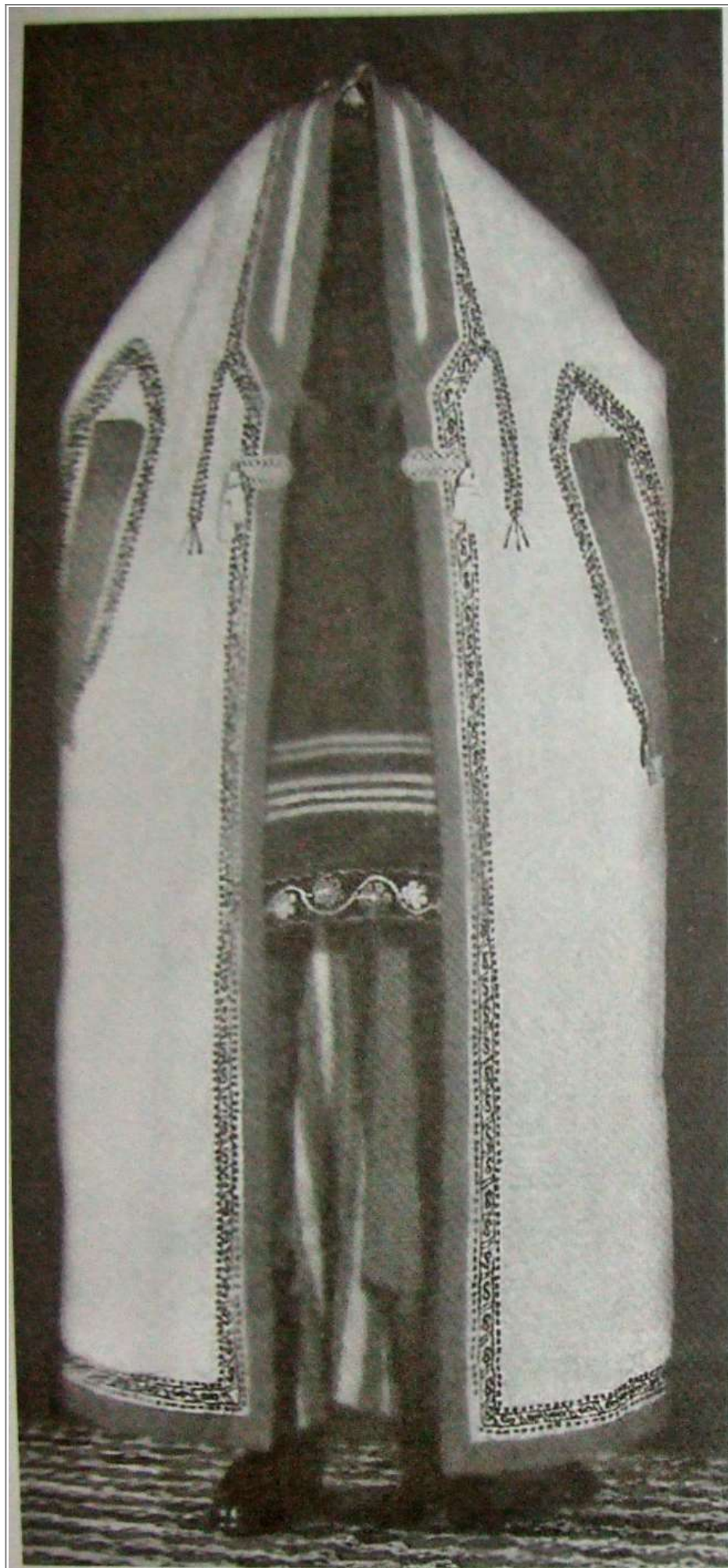
Паранджа была обязательной частью в женском традиционном костюме и служила выходной, уличной одеждой женщин - горожанок и богатых сельских женщин. Ношение паранджи регулировалось обычаем, этикетом и суевериями, знание которых прививалось с детства. Паранджа представляла собой большой и широкий халат с откинутыми на спину и скрепленными внизу один с другим длинными и узкими ложными рукавами сочвок, скрывавшими фигуру женщины с головы до пят. Лицо женщины закрывала густая прямоугольная сетка чачвон, чимбат из черного конского волоса, со всех сторон обшитая обычно черной материей, иногда украшенной тамбурной вышивкой или выстроченным на машинке орнаментом. Сетку изредка украшали цветными бусинками, нанизанными на волосинки, как оберег от сглаза. История паранджи длительна и сложна. Слово фаранжи (искаженное паранджи) в переводе с персидского означает платье. Фаранжи возникла в Египте, откуда распространилась в другие восточные страны. В Средней Азии при Шейбанидах (XVI в.) фаранжи-халат был одеждой ученых. В Индии и Средней Азии при Захириддина Бабуре и других Тимуридах фаранжи была верхней одеждой ученых, государственных чиновников и духовенства. Слово фаранжи означало и мужскую, и женскую одежду (Сухарева, 1945. С. 38-40).

Камзол (бешбел). Ташкент. XIX-XX вв. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

У среднеазиатской паранджи есть древний прототип. Эта богатая одежда трансформировалась в Средние века, видоизменяясь в соответствии с новыми вкусами, но все же сохраняя древнюю основу. Во времена позднего Средневековья функция паранджи изменилась. Она скрывала женщину от посторонних взглядов. Ношение паранджи соответствовало нормам ислама, требовавшего максимально закрывать лицо и фигуру женщины. В процессе переустройства быта в XX в. паранджа вышла из моды.

Самый традиционный женский головной убор - квадратный или прямоугольный платок румол, который можно повязывать разными способами. В Бухаре носили большие косынки - ридо, в Ферганской долине - калгай, в Хорезме - шелковой платок румол. Наиболее любимыми головными платками женщин были платки производства российских фабрик: шелковые с вытканными цветами того же тона-фаранг румол или с букетами цветов по углам и круглой розеткой в центре - чоргул румол, газовые — %алил или х,арир румол и кашемировые с цветочным орнаментом -шол румол. Более состоятельные женщины в торжественных случаях носили платки, затканые золотой или серебряной мишурой. Их завозили из России или через Афганистан из Индии. В будничные дни голову покрывали платком из белой кисеи — дока, иногда украшенным вышивкой.

Выходной костюм пожилой женщины. Паранджа. Фергана. Начало XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Женская накидка пшвонча. Кишлак Каклятон, Китабский район, Кашка-дарьинская область. 1957 г.

Архив ИЭА РАН. Коллекция Б.Х. Кармышевой

Женщины из Яккабагского района на скотном базаре. Шахрисабз. 1971 г. Кашкадарьинская область

Фото Г.А. Аргиропуло. Архив ИЭА РАН. Коллекция Б.Х. Кармышовой

Платок «чоргул». Ташкент. Начало XIX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Шелковый платок и налобное украшение. Конец XIX начало XX в. В кн.: Садыкова // «Национальная одежда узбеков (XIX XX вв.)». 2003 г.

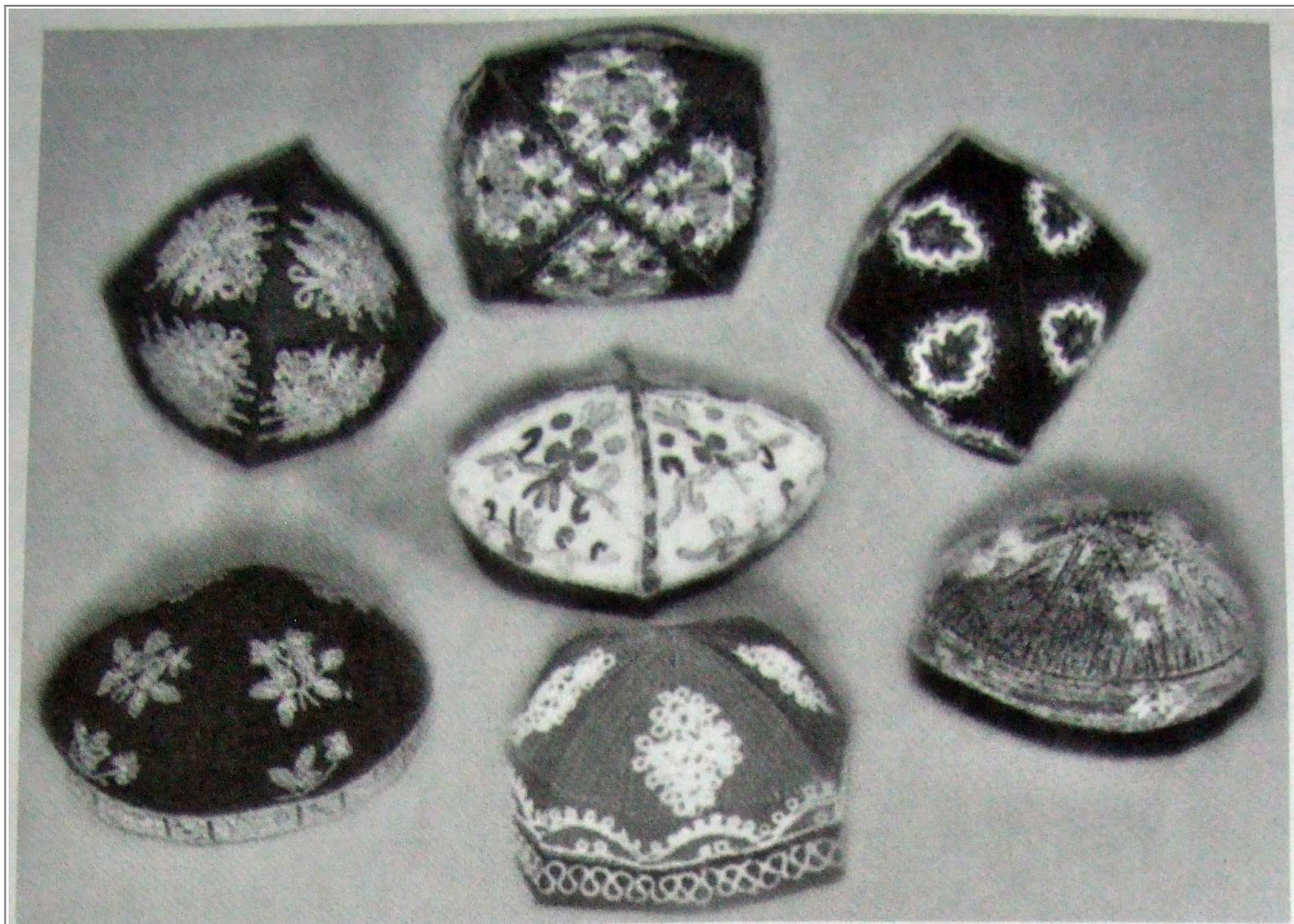

Женщины в национальных головных уборах Кашкадарьинская область. 2010 г. Фото А. Аширова

Молодежь носила в основном тюбетейку - дуппи. В старину женщины обычно вместо тюбетеек надевали шапочки, поверх которых повязывали платки или чалму. Женскую шапочку култа, кийгич шили с высоким мягким околышем, плотно облегавшим голову. На макушке старых шапочек оставляли круглое отверстие с накосником в виде длинного прямоугольного куска ткани; многие узбечки сшивали его, придавая ему форму мешочка с отверстием, через который пропускали косы. Давно вышедшая из употребления девичья шапочка отличалась от женской отсутствием накосника. Женщины из ханского двора и богатых семейств носили в основном калтапушак с золотым шитьем. К началу XX в. стали широко распространяться вышитые тюбетейки.

В старину основной формой головного убора женщины являлась салла-чалма. В Самарканде женщины перестали носить чалму еще в середине XIX в., в Ташкенте и Андижанской области - в последней четверти XIX столетия. У полукочевых в прошлом узбекских племен она сохраняется местами в измененной форме и поныне. Большинство женщин носили ее поверх специального убора - лачак. Лачак плотно облегал лицо и прикрывал грудь. У некоторых групп узбеков, в частности в дельте Амударьи, лачак представлял собой кусок ткани, который надевался на голову, задняя часть лачака спадает по спине углом, а передняя, более короткая, закрывает плечи и часть груди. Для лица делался специальный вырез. При надевании лачак плотно натягивается подбородком, не прикрывая ушей, сверху закрывается коротким халатом култа. Лачак сходен с казахским и каракалпакским женским убором

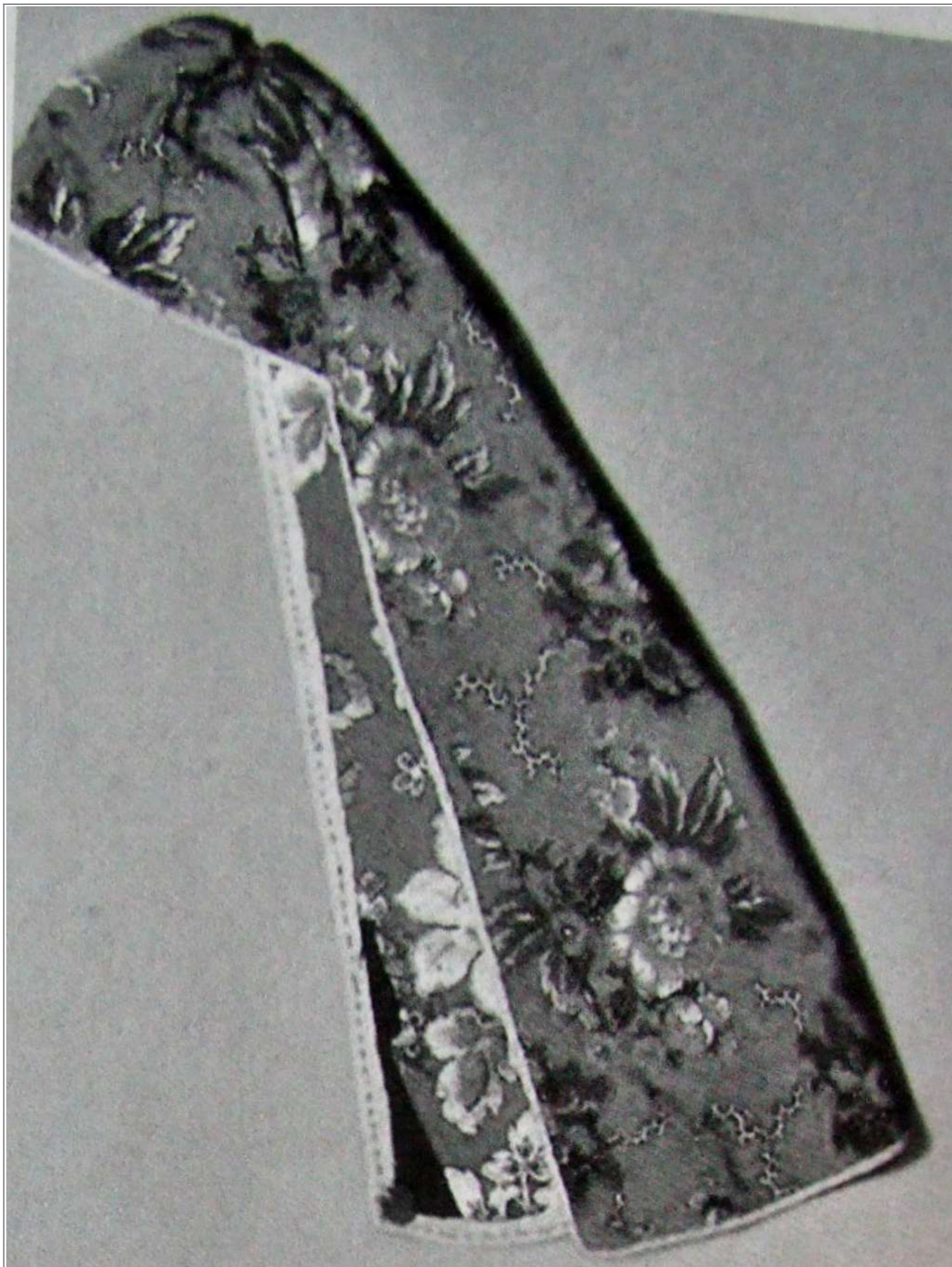
Тюбетейки. Ташкент. Фергана. Конец XIX - начало XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Тюбетейки. Самарканд. Вторая половина XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX XX вв.)». 2003

Головной убор. Култа. Сурхандарья. Середина XX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Головной убор лачак. Хива. Конец XIX начало XX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX XX вв.)». 2003 г.

кимишеком. В основном лачак шили из хлопчатобумажной ткани карбос. В Самарканде лачак шили из продолговатого куска. В Южном Хорезме лачак не носили, там при наворачивании чалмы одну петлю спускали на грудь и проводили под подбородком, обрамляя лицо. Лачак бытовал и у других народов (Ершов, Широкова, 1969. С. 8).

Среди женщин из окрестностей Бухары, узбеков дельты Амударьи, племени кар-лук бытовали головные уборы цопдон, касава и шох-бош. Из-за большого количества платков этот убор достигал почти 50 см в высоту и по своему строению напоминал козы рога, из-за чего и произошло это название. Иногда женщины из состоятельных семей во время свадебных торжеств наматывали до 20-30 платков разного цвета, придавая значение особой цветовой гамме. Этот головной убор назывался салла (чалма, тюрбан). У различных этнических групп и в разных туманах оазиса данный убор назывался по-своему: карлуки Касанского тумана, например, называли его бош или шохбош (Шаниязов, 1964. С. 119).

Жены и дочери высокопоставленных лиц надевали золотошвейные налобные повязки пешонабанд и дорогие золотошвейные шапки телпак с остроконечным верхом.

В настоящее время большинство узбечек уже не носят старинных головных уборов. В основном преобладают платки из различного материала, разного цвета и величины. Изменились и способы повязывания платков, не отражающие, как прежде, семейное и общественное положение женщин. Платок повязывают так, чтобы было удобно и красиво. Только у женщин старшего поколения сохранились платки из белой кисеи дока, которые они носят, перекрестив под подбородком и забросив концы платка на плечи.

В Ферганской долине бытует особый головной убор румол - квадратной формы платок, сложенный по диагонали и накинутый на голову, поверх него повязывают дуррача небольшой платок черного или какого-нибудь темного цвета. Его прикладывают ко лбу, концы заводят на затылок, перекрещивают, затем переводят на лоб и завязывают узлом, либо заправляют в складки платка. На этот темный платок крест-накрест повязывают узкий кусок белой ма-

Обрядовый головной убор женщины - баш. Сурхан-дарья. 80-е годы XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

тери локи, концы его закрепляют сзади. В Бухаре вместо локи наматывают длинный кусок марли. В настоящее время повязку на голове румол и дуррача продолжают носить женщины сельских местностей Ферганской долины и некоторых районов области. В Ташкентской

области вместо румол повязывают платок фабричного производства, вместо дуррача - платок меньшего размера.

Обуви в Средней Азии уделялось большое внимание. Существовала поговорка, что враг первым делом смотрит на ноги, друг - на голову. Женская обувь была разнообразной. В городах и селениях на выход обычно надевали мах-си - ичиги с мягкой подошвой и высокими голенищами, в которые заправляли штаны. Ичиги были очень легкой и удобной обувью, приспособленной к среднеазиатским условиям. Ичиги надевали обязательно с кожаными туфлями ковуш. Богатые люди, как правило, носили ироци махси - ичиги и вышитые кавуши. В зимнее время носили деревянные -хаккари ковуш, ёгоч ковуш на трех ножках.

Детская одежда. Первой одеждой для новорожденных

была чилла куйлак - рубашка-сорокодневка из хлопчатобумажной ткани. Обычно такую рубашку шила мать или бабушка. Рубашка шилась без воротника (иногда с воротником) с разрезом вдоль правого или левого плеча. Подол и рукава в основном не подшивались, чтобы рубец не натирал кожу ребенка, кроме того, это было связано с обычаем, согласно которому считалось, что за не подшитой рубашкой последует следующий ребенок. Подобную рубашку надевали в течение 40 дней, отсюда и ее название. Дальнейшая судьба чилля куйлак была связана с рядом магических обрядов, что должно было обеспечить ребенку благополучную жизнь в будущем.

Следующая рубашечка, которую надевали на ребенка, была также цельнокроеной (распашонка), с прямыми широкими рукавами и разрезом впереди. В

Костюм
пожилой
женщины.
Самарканд.
Конец XIX -
начало XX в. В
кн.: Садыкова
Н.
«Национальная
одежда
узбеков (XIX-XX
вв.)». 2003 г.

большинстве случаев вырезали лишь отверстие для головы, но не только горизонтальное, а и треугольное. Цельнокроеный рукав с овальной линией выреза подмышками, как и цельные плечи, сохранялись во всех рубашечках.

Рубашечки (курта) для детей 3—4 лет были одного типа, как для мальчиков, так и для девочек. Среди детских рубашек встречаются такие с воротником-стойкой - цозоци. Шьются они с плечевым швом, выкроенным по прямой для широких, несколько суживающихся к концам рукавов, с пристроченным воротником, с планкой на груди вдоль продольного разреза.

После 7-8 лет дети начинали носить одежду для взрослых. Девочки носили рубашки до щиколоток и длинные штаны. Детские штаны шалвар шили широкими, примерно до середины голени, где они собираются на резинку. Нижняя и верхняя одежда для девочек шилась из одноцветной ткани - красной или бордовой. На детей обоих полов старше 10 лет надевали рубашки (кифтаки) с воротом горизонтального разреза. Их носили до определенного возраста: мальчики до 16-20 лет, а девочки - до выхода замуж. Головным убором служили тюбетейки с вышитыми узорами.

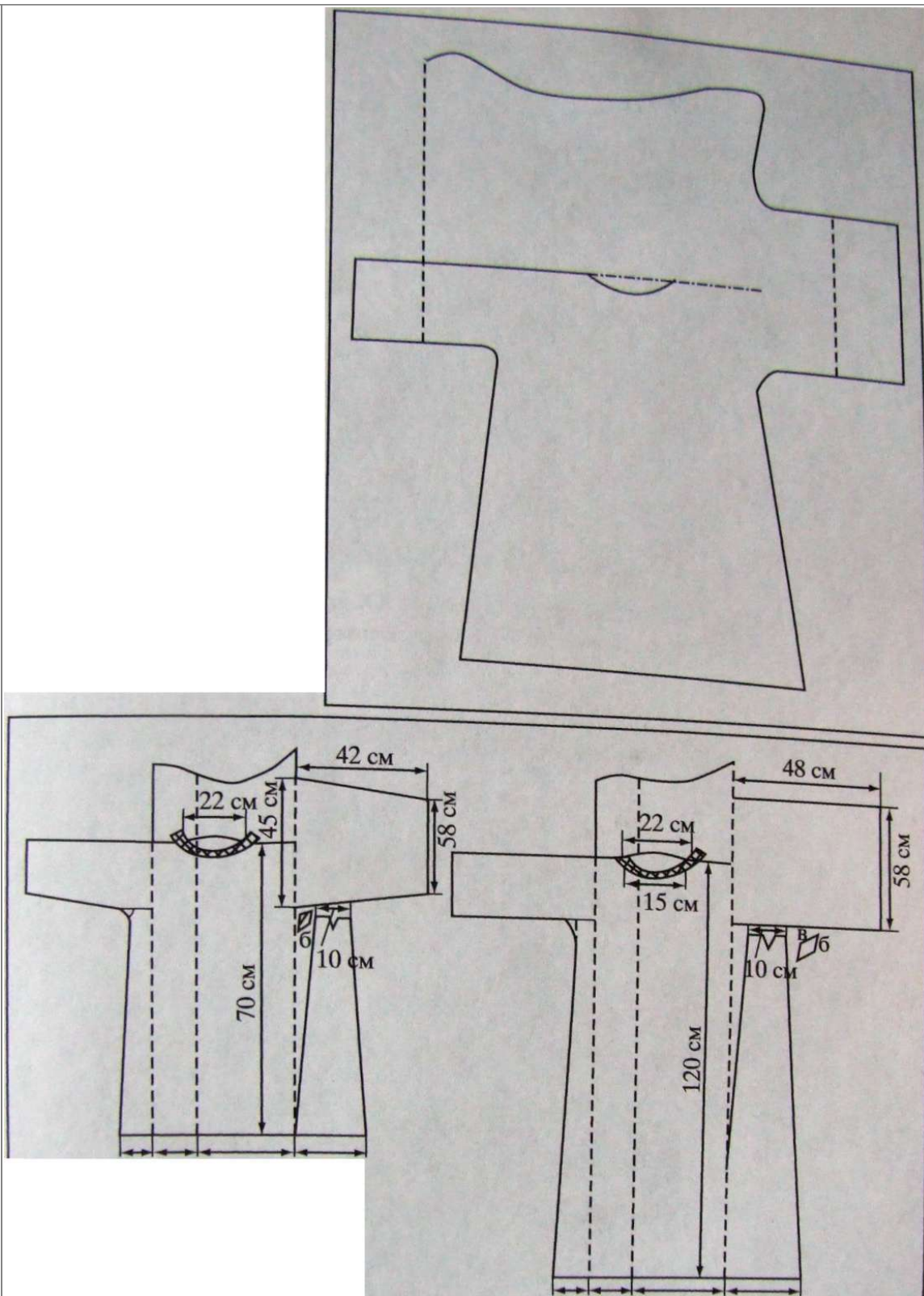
Из теплой детской одежды следует выделить жилеты и камзолы, которые надевали по вечерам и зимой, а также рубашку - гуппича - короткую, простеганную по ватной или шерстяной подкладке, с горизонтальным вырезом ворота. Под нее надевали рубашку до колен, служившую и подкладкой для гуппича, поверх нее - распашной тун, простеганный с ватой вместе с верхом и подкладкой. Его шили на рост ребенка, поэтому какое-то время им защищали и ножки ребенка, как правило, необутые. Рубашку или верхнюю одежду подпоясывали платком, как только ребенок начинал ходить самостоятельно; эти платочки готовили заранее - к году. Всюду были распространены детские переднички, закрывавшие в основном грудь — олди, ошхурак, они предназначались для защиты одежды от загрязнения. Пользование передничками прекращалось годам к трем - реже четырем.

Головным убором для маленьких детей служила тюбетейка тахья, стеганая на вате, шапочка дуппи и украшенная перьями, кистями или помпонами шапочка. В начале XX в. среди девочек распространился камзул, камзулча -

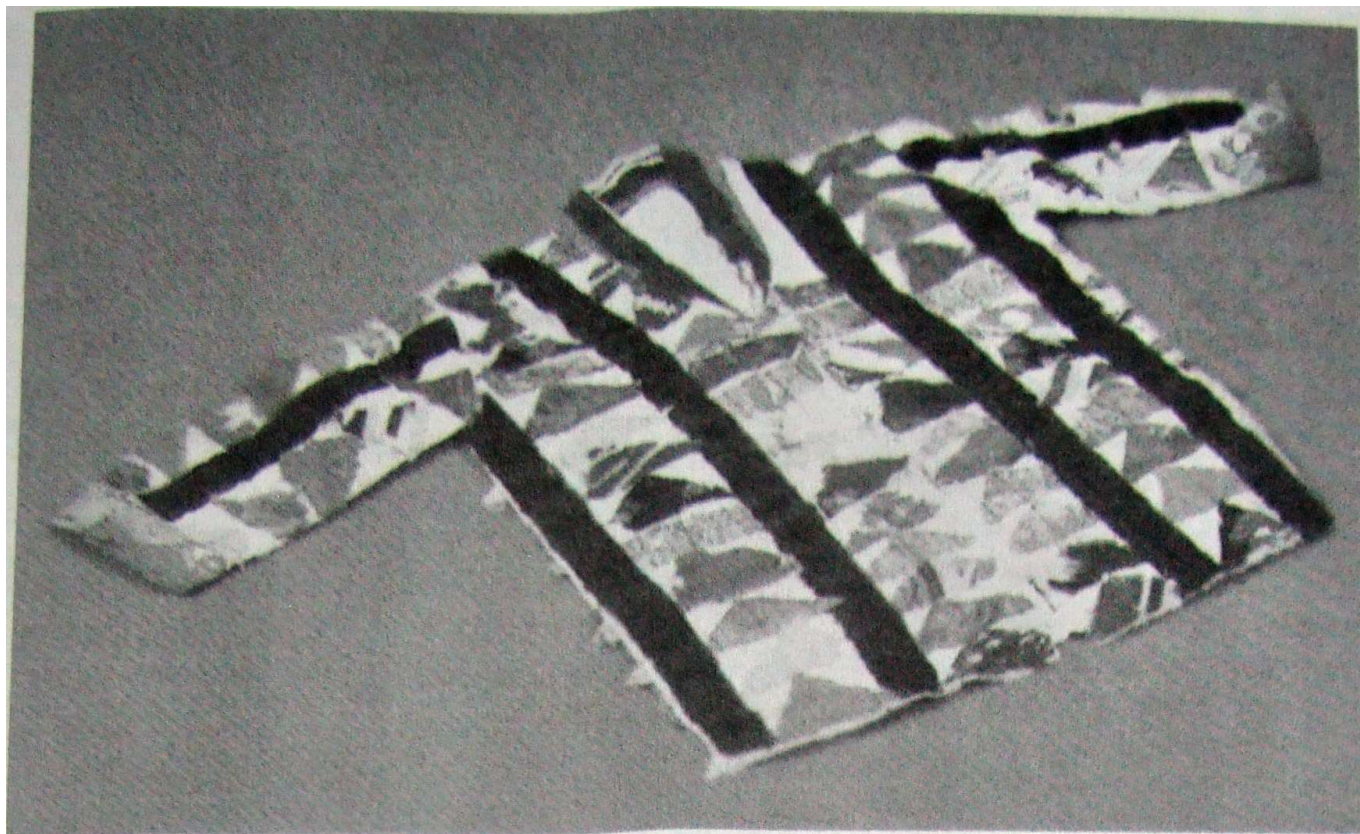
Головной убор хонпешанбог. Ташкент. Начало XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Покрой детской рубашки чилла куйлак. XIX-XX вв. В кн.: Садыкова И. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г. Покрой рубашек куйлак для мальчика и девочки. XIX-XX вв. Рубашки мальчика и девочки с горизонтальным разрезом воротника киптаки ёка В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

14 16 см 38 см 20 см 10 12 см 38 см 20 см 20 см

жилетка на подкладке. Верхом служил плюш и бархат, иногда шелк, бекасаб или простые хлопчатобумажные ткани. Если верхом служила легкая ткань, жилетку утепляли тонким слоем ваты. Шили ее с плечевым швом и вырезной проймой. Полы застегивались на пуговицы и прорезные петли. Зимней верхней одеждой детей служили стеганные халаты тун, чопон. Зимним головным убором являлись стеганные шапочки тумок, меховые шапки-ушанки, на

Детская рубашка. Самарканд. Середина XX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

виры

Детская рубашка. Середина XX в.

В кн.: Садыкова И. «Национальная одежда узбеков (XIX—XX вв.)». 2003 г.

тубетейки нередко наматывали белбог, белцарс. В холодное время дети обоих полов носили ковуши, сапоги, кустарные детские ичиги — мах-си местного фасона, которые изготовлялись из красновато-коричневой кожи.

Ювелирные украшения. Комплект женской одежды дополняли ювелирные украшения.

Узбекские женщины имели многочисленные ювелирные украшения: накосные - подвески из бус, монет, бляшек, кистей (массивные серебряные украшения); височные и ушные подвески - серьги ушные и носовые; шейные и нагрудные украшения; украшения для рук - кольца, браслеты; украшения на одежде - пуговицы, бляхи, поясные пряжки; амулеты, прикрепляемые к одежде; украшения, прикрепляемые поверх женских головных уборов (Бороз-на, 1974. С. 33; Фахретдинова, 1988. С. 79).

Кроме головных уборов молодые женщины, особенно в первое время после замужества, в гостях или принимая гостей, надевали различные головные ювелирные украшения: тиллацоъи (Бухара, Мальчик из Андижана. 50-е годы XX в. Ташкент Ферганская область) Архив отдела этнологии Института истории АН РУз. (Абдуллаев, Хасанова, 1978. Инв. № 46. Коллекция «Одежда»

С. 11)- позолоченная ажурная диадема со вставками из бирюзы и разноцветных стекол; осмадузи (Хорезм) - похожее на бровь налобное украшение с многочисленными подвесками, вставками из полудрагоценных и драгоценных камней; тиллабаргак (Бухара, Самарканд, Ташкент и Ферганская долина) - налобное украшение в форме повязки, состоящее из скрепленных шарнирами квадратиков с глазком и мелкой бирюзой вокруг него, иногда с многочисленными подвесками.

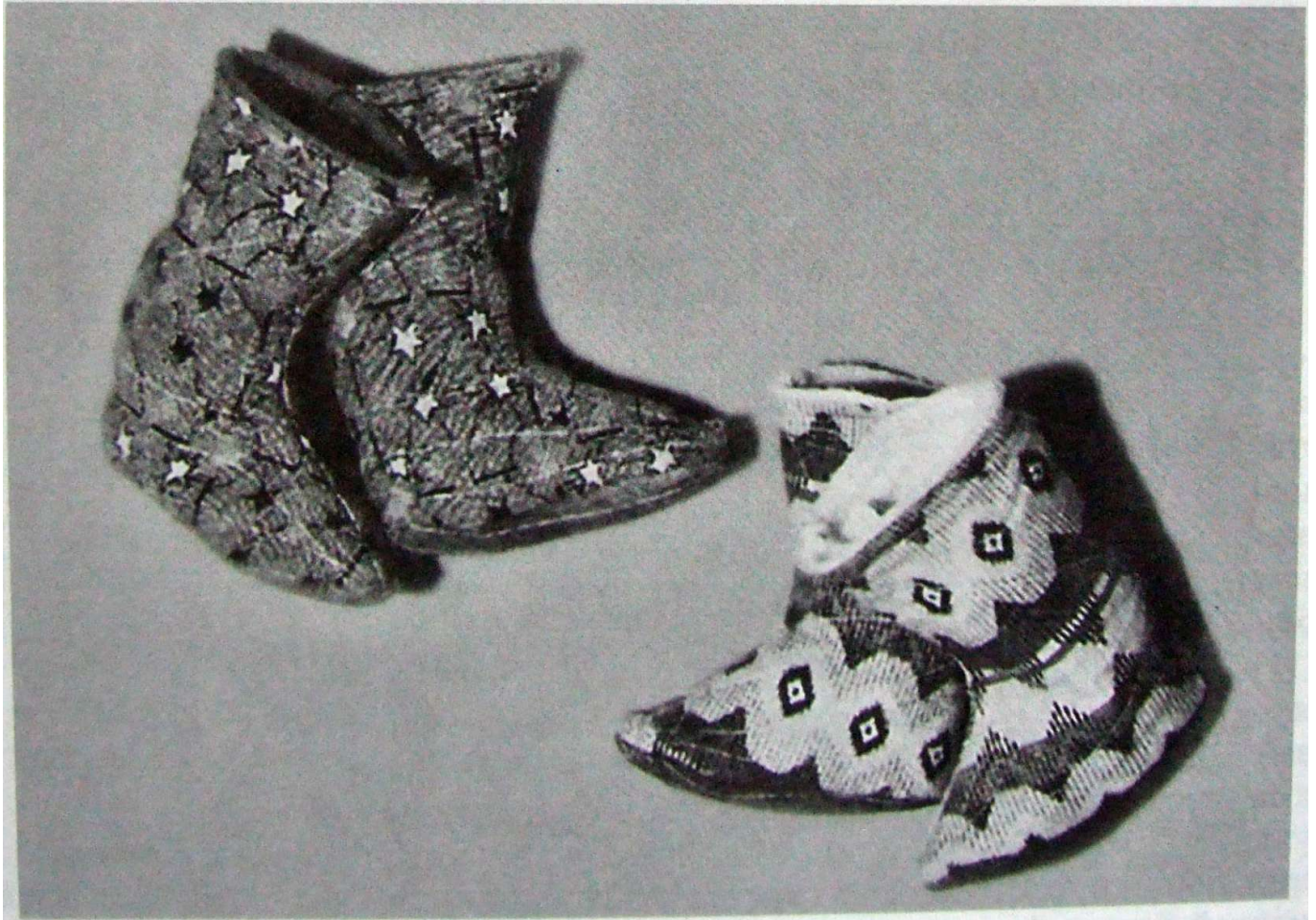
Весьма разнообразны и другие женские украшения. Это кольцо (узук), носимое на всех пальцах, кроме третьего (на третьем пальце кольцо носили гассол обммиалыцицы мертвых), браслеты билак узу к, дастпона различных

Детская обувь. Ташкент. Начало XX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

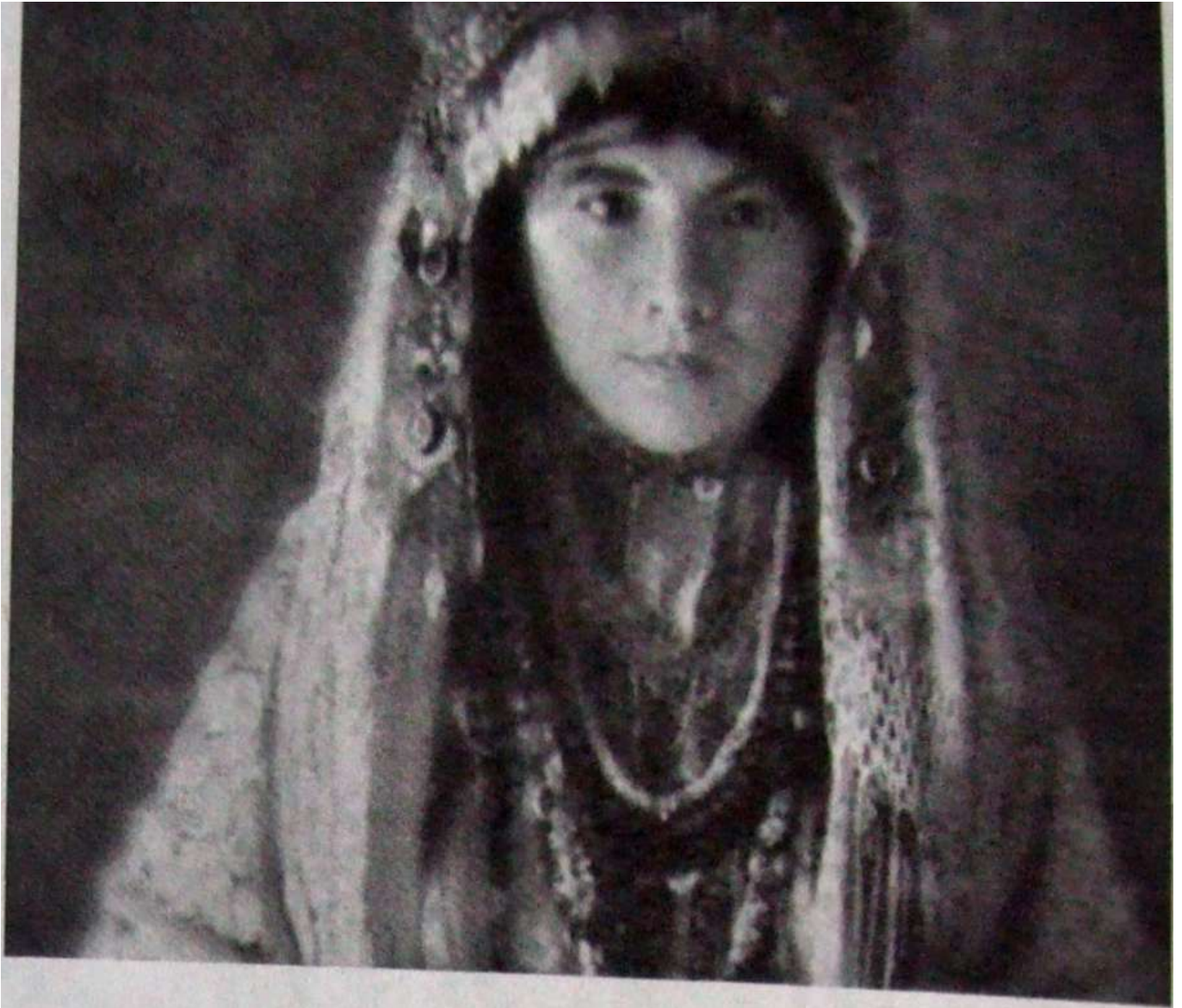
Детские сапожки. Кашкадарья. XX в.

В кн.: Садыкова // «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Головной убор невесты у узбеков-карлуков. Кашкадарья

В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана». 1961. Т. 1

Молодая женщина. Тюрки-барласы. Кишлак Кудуклук, Сариясийский район, Сурхандарьинская область

Фото Н.С. Кармазина. 1964 г. Архив ЙЭА РАН. Коллекция Б.Х. Кармышевой

| Старинные серьги бибишок. XIX в. Самарканд. 2008 г. Фото А. Аширова | Шейный амулет. Конец XIX в. Фото А. Аширова |

размеров и форм. По ширине и объему браслеты иногда были ажурными -шабака (Бухара, Самарканд), массивными (Хорезм), очень легкими с резным орнаментом, покрытым чернью (Ташкент, Ферганская долина) и др.

Одним из излюбленных украшений являются серьги сирга с несколькими драгоценными камнями - зирак (Ташкент), золотые серьги шибирмак (Бухара) с большим рубиновым камнем в центре, окруженным жемчугом, лепест-кообразной формы с подвесками и баргак (Бухара, Самарканд). В Ферганской долине распространены золотые и серебряные серьги цаишар-болдоц, лунообразной формы болдоц и др. Виды и формы серег разные. Женщины украшали нос золотыми серьгами булоци, холбинди. Широко были представлены серебряные, позолоченные нагрудные украшения - зебигардон, нозигардон, буйин тумор, култик, тумор, синсила, таек, хонабанд, тепиш и другие, шейные украшения - маржон, нозик, головные - тахядузи; поясные - калит боги, камарбанд; украшения для волос — туф, сочпопук и др.

До первой четверти XX в. в комплекте женских украшений важное место занимали такие предметы, как тиллацош (позолоченная металлическая подвеска, надеваемая на лоб), силсила (цепочка), гажжак (завитые колечками хвостовые перья селезня, которые носили женщины в волосах около ушей). Со второй половины XX в. появились украшения нового типа, постепенно

вытеснившие устаревшие, они больше отвечали социально-экономическим и культурным

потребностям женщин.

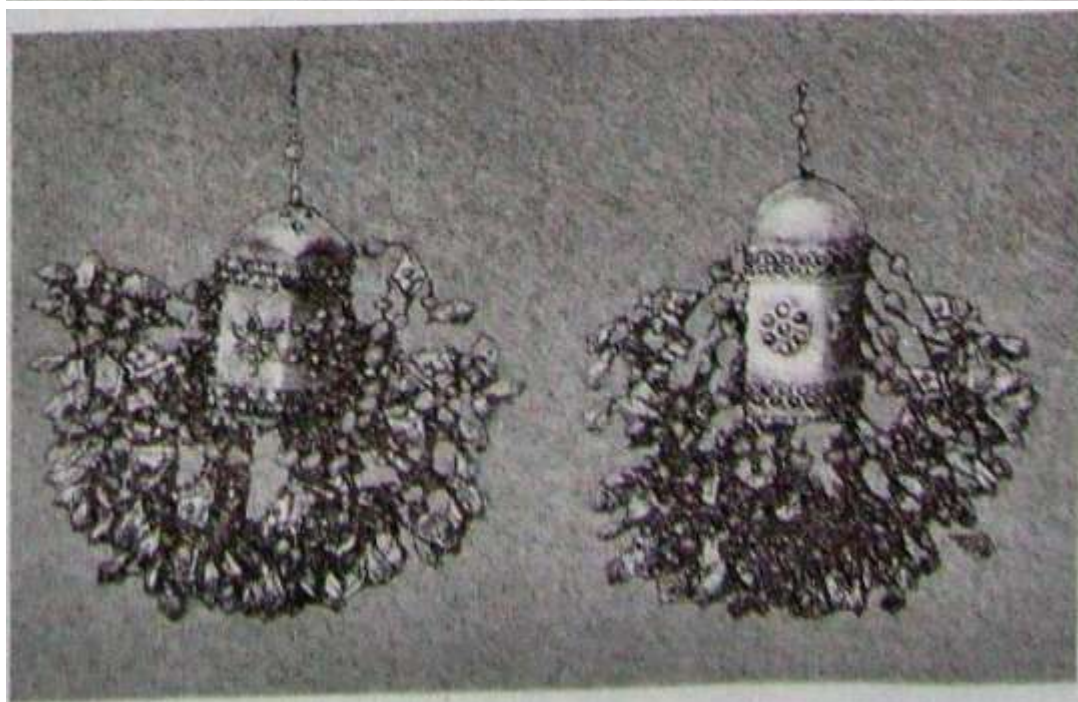
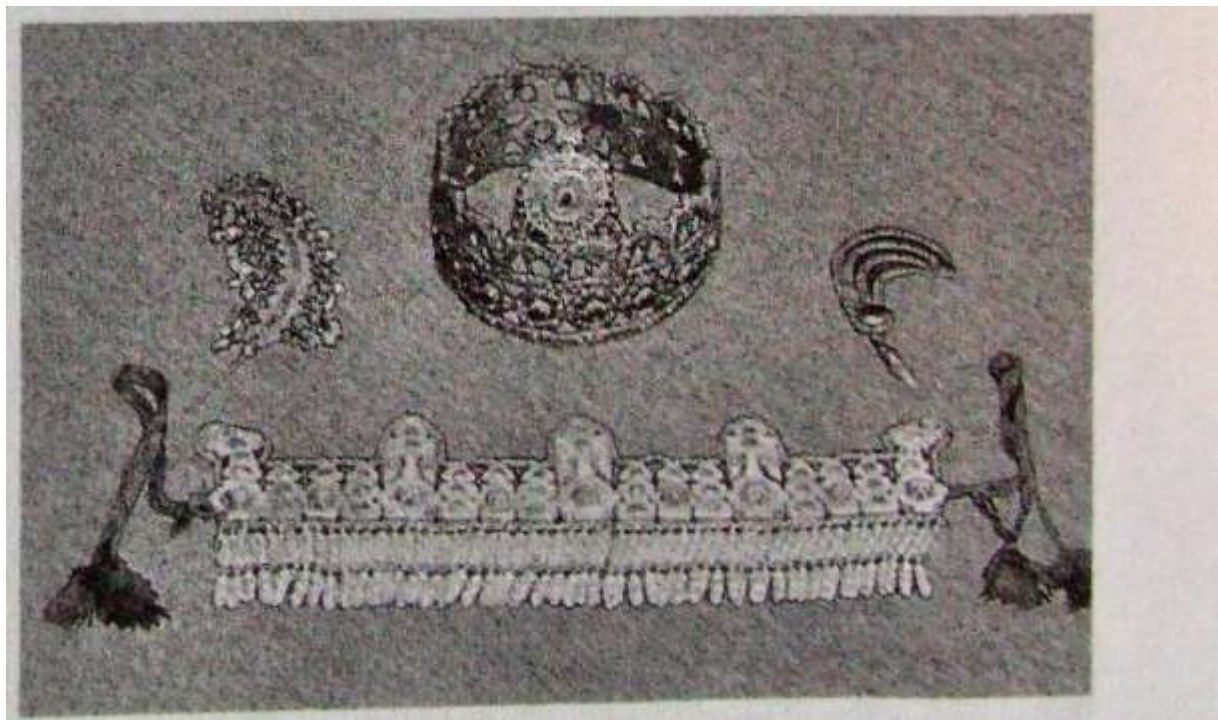
В целом в жизни узбеков ювелирные украшения имели многофункциональное назначение. Ценились их художественная выразительность и искусство мастера, престижная значимость: золотые изделия с самоцветами и жемчугом предназначались для знати. У средних слоев преобладали серебряные и позолоченные изделия с цветными камнями. Самым распространенным материалом для изготовления украшений служило серебро.

Украшения изготавливали разными техническими приемами - ковкой (хо-искори), литьем (табанак), штамповкой (цолипоки), ажуром (шабака), филигранью (рсцкори), зернью (зигирак) и др. Ювелирные изделия украшали чеканкой (кандакорлик), гравировкой - (чизма). Узоры или фон узора покрывали чернью (совод) или эмалью (мийне), для вставок использовали бирюзу (феруза), кораллы (маржон), перламутр (садаф), сердолик (хакик), из драгоценных камней - рубин (ёцут), изумруд (зумрад), жемчуг (дур), часто использовали для имитации стеклянные и мастиковые бусы, цветные стекла и бисер, реже - полудрагоценные уральские камни и т.д.

Ювелирные изделия являлись результатом творческого труда мастеров Бухары, Хивы, Коканда, Самарканда, Шахрисабза, Карши, Ташкента, Мар-гилана, Намангана, Андижана и других городов Средней Азии, выполнялись в соответствии с требованиями моды и заказами потребителей. В продукции местных мастеров широко отразились культурно-экономические связи и взаимовлияние мастеров-ювелиров соседних стран. Ювелирные украшения служили показателем возрастных градаций и социального положения.

Женские украшения. Хива. Конец XIX в. В ки : СадикомН. «Узбек миллий кийимлари. XIX XX нсрлир». 2006 г.

|| Женские

украшения. Хива. XIX в. 11 кн.: Садикова Н. «У «бек миллий кийимлари. XIX XX асрлар». 2006 г. |

Обрядовая одежда. Традиционная обрядовая одежда узбеков делилась на свадебную и траурную.

Приданое девушки начинали готовить задолго до свадьбы. В его состав, наряду с различными материальными ценностями, предметами домашнего обихода, входили также ткани и одежда. В свадебной одежде наибольшее предпочтение отдавали белому цвету, как приносящему счастье: для этого торжества специально шили белое хлопчатобумажное платье. Обычно покроем такого платья был туникообразный с распространенным в тот или иной период фасоном ворота. Платье обязательно шили очень длинное (до щиколоток), с длинными и широкими рукавами, закрывавшими руки. Белые платья сохраняются до настоящего времени. На голову обязательно накидывали белый платок, иногда вышитый. Свадебные штаны обычно были тунико-образного покроя из шелковых, хлопчатобумажных тканей, в основном из

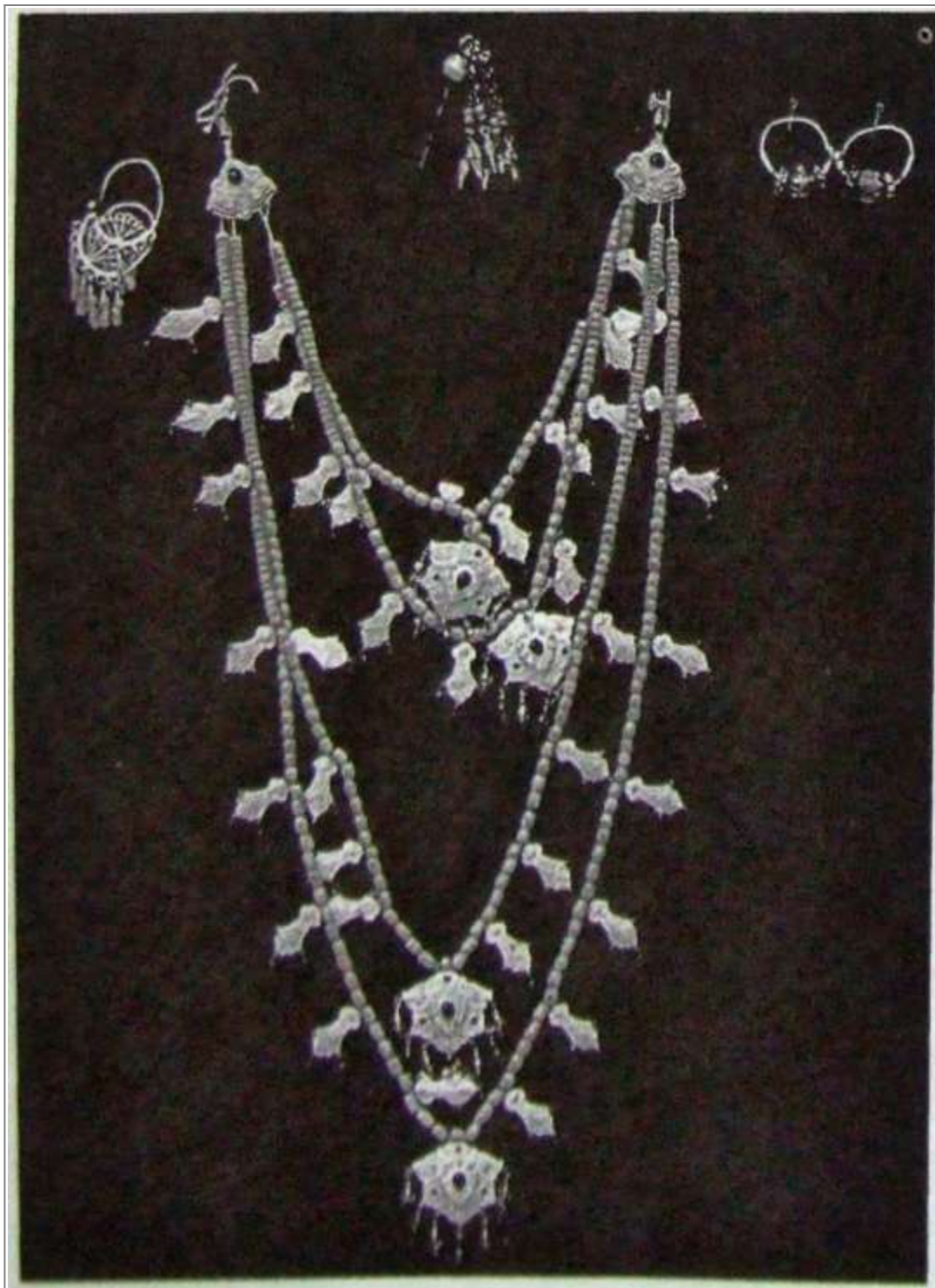
хонатласа. Обувь надевали новую, традиционную - ичиги и туфли. Во время переезда в дом жениха на невесту накидывали паранджу или халат, лицо закрывали легкой тканью (Самарканд, Бухара). На второй день свадьбы во время церемонии келин салом невестка набрасывала на правую руку вышитый платок.

В приданое невесты входило от 15 до 20 нарядных платьев (покрой их обычный туникообразный) - их шили из местных и привозных тканей. Поверх платья надевали халат-мурсак, камзул, нимча.

Мужской свадебный костюм был проще и однообразнее. Белая рубашка и штаны, белая чалма и тюбетейка. Поверх надевали стеганый халат из местной ткани, который подпоясывали платком белбоз, и надевали кожаную обувь, в основном сапоги. Свадебную одежду изготавливали с учетом

Ювелирные изделия. Ташкент. Конец XIX -начало XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

Женское украшение. Кашкадарья. XX в. И i фотоальбома «Карши 2700». 2006 г.

Костюм невесты. Начало XX в. Ташкент

В кн.: Садикова Н. «Узбек миллим кий им лари XIX—XX асрлар». 2006 г.

Костюм невесты. Хива. Конец XIX начало XX в.

В кн.: Садикова Н. «Узбек миллим кий-им пари XIX XX асрлар». 2006 г.

социального положения: бедные семьи шили одежду из кустарной хлопчатобумажной ткани, богатые - из полушелкового, шелкового и привозного дорогого материала фаранги.

Траурная одежда узбеков предназначалась в основном для женщин, у мужчин специальной

траурной одежды не было. Если в семье умирал близкий человек, женщины в течение трех дней шили платье из материи синего или черного цвета. На четвертый день проводили обряд надевания платья и организовывали угощение. Этот день называли кук кийди. По обычаю (ирим) края подола и рукавов обрядовых платьев не подшивали. Через год обрядовые платья снимали и проводили обряд надевания белого платья оц кийди.

В Ташкенте и Ферганской долине поверх платья надевали мурсак, который подпоясывали. В настоящее время мурсаком покрывают лишь гроб усопшей.

В Самарканде траурную одежду для женщин готовили с ранних лет. В комплект входят платье, мурсак, платок, ичиги и туфли. В других областях Узбекистана такой обряд подготовки траурной одежды не практикуется.

СОВРЕМЕННАЯ ОДЕЖДА

Народная одежда на протяжении нескольких десятилетий XX в. прошла сложный путь развития. XX век был эпохой огромных социально-политических перемен и научно-технического прогресса. Всё это стало причиной заметных преобразований и в узбекской традиционной одежде. Трансформацию узбекской национальной одежды вызвали следующие важные факторы: происходившие в регионе общественно-политические преобразования и идеологическая политика; проводимая в стране политика индустриализации, внедрение современных технологий, а также достижения лёгкой и химической промышленности; массовое производство фабричных тканей и их интенсивное распространение среди населения; расширяющиеся этнокультурные и торговые связи с разными историко-этнографическими регионами; быстрое распространение «городской моды».

В 1920-е годы существенные изменения, особенно изменение и трансформация формы и покроя одежды произошли лишь в мужском костюме, а затем постепенно новшества коснулись и женской. По-разному была представлена одежда и по регионам.

В 30-40-е годы XX в. в республике начала формироваться трикотажная промышленность. В этот период развернули свою деятельность трикотажные фабрики в Коканде, Андижане, Бухаре, Самарканде, на них было налажено производство различной нижней и верхней одежды для мужчин, женщин и детей (Олимбоев, Давидов, 2002). Это привело к изменениям в стиле местного населения: в местный гардероб вошла нижняя одежда, а также трикотажные платья, джемперы, носки.

Начиная с первой четверти XX в., традиционная одежда простого покроя заменялась сложным кроем, была утеряна прежняя традиционная гармоничность. Также начали изменяться прежние формы национальной одежды, обусловленные климатическими и социальными условиями. Одежда стала подчеркивать фигуру, женская мода стала более короткой и узкой. Европейские

платья на кокетке и с отложными воротниками постепенно вошли в повседневную жизнь.

Открытие в 1949 г. первого в республике Дома моды положило начало моделированию, созданию новых линий национальной одежды. Постепенно распространялись современные выкройки, что обусловило внедрение общеевропейских компонентов в национальную одежду узбеков.

В 60-е годы XX в. мужские костюмы и брюки стали одеваться как жителями городов, так и кишлаков. Они одевались поверх рубашек с вышитыми воротниками. В 70-е годы среди молодежи стало модно носить брюки-клёш, с нейлоновой рубашкой и широким воротничком.

Также вошли в обиход ручные часы. Именно в это время произошли значительные перемены в причёсках, особенно среди молодёжи.

К 1980-м годам прочное место в комплексе мужской одежды заняли джинсы и брюки из шерсти, а также сорочки из хлопчатобумажных тканей и трикотажа. К этому времени воротники рубашек стали значительно уже. Среди учащихся наиболее распространёнными были белые рубашки и чёрные брюки.

Говоря о трансформационных процессах в мужской моде, следует остановиться на комплексе зимней одежды. Начиная со второй половины XX в. сначала городские мужчины, а позднее и сельские, стали носить пальто и плащи фабричного производства. Дополнением к верхней одежде служили шарфы. Именно в этот период в моду вошли джемперы из шерсти ручного и фабричного производства. С 1950-х годов узбекские мужчины покупали обувь фабричного производства, а такая повседневная обувь как мужи и чориц полностью вышла из употребления. Именно в это время в моду вошли хромовые сапоги и ботинки. В начале 1990-х годов стало модно носить кроссовки.

Вошла в моду одежда, связанная с профессиональной деятельностью (специальная одежда для рабочих, врачей, продавцов, парикмахеров, учителей и др.).

В 1980-1990-е годы традиционная национальная одежда не менялась в основном у пожилых людей. Юноши и молодые мужчины традиционную одежду надевали, как правило, во время свадебных торжеств и траурных мероприятий (Давлатова, 2006. С. 24). Сегодня в городах и в сельской местности все мужчины одеты в основном по европейским образцам. Вместе тем многие носят национальные головные уборы - тюбетейки (дуппи) и национальные халаты (чопон), а некоторые - национальные рубашки без воротника (яктак).

Говоря о трансформации женской одежды, следует отметить, что в конце 20-30-х годов XX в. в результате политико-идеологических процессов и движения «Худжум» в традиционной одежде произошли серьёзные изменения. Исчезали паранджи и чачвон, а национальные платья простого покроя заменили наряды новых фасонов и сложного покроя.

К 1940-1950-м годам исчезло и традиционное различие между платьями девушек и женщин. В моду вошли платья с вертикальным воротником. С 1960-х годов узбечки стали носить верхнюю одежду европейского образца, которая гармонично сочеталась с традиционным стилем. Среди девушек и молодых женщин стали весьма популярны платья с отложным воротником, длинными рукавами и широкой юбкой в сборку. В эти годы были модны косынки из крепдешина, газовые с люреksom, цветастые шерстяные платки и

305

20 Узбеки

Верхняя женская одежда. Кашкада-рья. XX в.

Из фотоальбома «Карши -2700». 2006 г.

Верхняя мужская одежда. Кашкада рья. XX в.

Из фотоальбома «Карши 2700». 2006 г.

шали разных расцветок. Но к концу XX в. головные уборы женщин также подверглись кардинальной трансформации. Девушки перестали носить тюбетейки.

Современные узбечки на работу, на торжественные мероприятия носят в основном платья современного европейского покроя, а также женские костюмы. Широкое распространение нашли в последние десятилетия брючные костюмы и брюки (Ташкент, Самарканд, Бухара). Значительно обогатился гардероб, в который сегодня входит несколько комплектов различных костюмов, платьев как европейских, так и национальных, изделий из трикотажа¹ (джерпера, кофточки, халаты, спортивные костюмы). Верхняя одежда состоит из нескольких пальто (зимнее, осеннее), плаща, куртки. Узбечки наряду с платками (шелковыми и шерстными) носят меховые шапки и шляпы.

Традиционные виды женской одежды сохраняются в сельской местности, в городах женщины надевают их в домашних условиях или когда идут в гости в женской компании. Такой традиционный элемент женского комплекта как лозим в XX в. начал в большей части носиться женщинами с домашними платьями - и сегодня он является составной частью традиционного комплекта, но в городе его носят лишь дома, чаще надевают его в кишлаке. Составной частью домашней одежды является жилетка (нимча), удобная в работе и теплая.

Начиная с 90-х годов XX в. в моду стала входить одежда, существенно отличная от традиционной. Так, с одной стороны, на рынок хлынул поток западной одежды, обнажающей тело, а с другой - некоторые женщины начали носить восточный хиджаб, т.е. покрывала разных цветов, скрывающие фигуру.

Выходной костюм молодой женщины. Фергана. 30-40-е годы XX в. В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

После обретения независимости Узбекистаном большое внимание уделяется не только возрождению исторических национальных традиций и ценностей, но и восстановлению национальной одежды. В этот период женщины стали больше носить одежду традиционного покроя, вновь в моду вошли шелка: атлас, адрас и бархат. В работах узбекских модельеров-художников большое внимание уделяется использованию традиционных элементов в новых моделях. Национальная тенденция в одежде стала чаще прослеживаться на различных торжествах, народных гуляньях, праздниках республиканского уровня, а также в семейных мероприятиях.

Большие изменения претерпела и детская одежда. Многие родители, вопреки обычаю, еще до рождения ребенка готовят пеленки, распашонки, шапочки, которые покупают в магазине или шьют сами по фабричным образцам. Как только ребенок начинает сидеть и активно двигаться, на него надевают штанишки, платьице или кофточку, теплые шерстяные носочки или башмачки. Ребенок уже в возрасте 1,5-2-х лет имеет полные комплекты одежды для каждого сезона. Начиная с первого года жизни малыша, родители заботятся о его теплой одежде - покупают пальто и теплую шапочку, приобретают туфельки. Почти вся одежда, особенно детей старших возрастов, фабричного производства. Именно поэтому в ней меньше прослеживается традиционное.

Однако в сельской местности мальчики надевают чопон, стеганный на вате, тубетейку, а девочки - платье с отрезной кокеткой, тубетейку и длинные штаны лозим.

Выходной костюм невесты. Самарканд. 80-е годы XX в.

В кн.: Садыкова Н. «Национальная одежда узбеков (XIX-XX вв.)». 2003 г.

В целом комплекс одежды узбеков национального покроя в сочетании с современными фасонами и покроем создали совершенно новое направле-

ние, которое объединяет новые тенденции и в то же время продолжает сохранять структуру, цветовую гамму традиционной одежды, ее этнические особенности.

На основе Государственной программы на 2005-2010 гг. государственный концерн «Узбекенгилсаноат» наладил пошив современной национальной одежды в государственных и негосударственных производственных объединениях (например, «Машхура», «Азиза зиё», «Ибротли келин» и др.). Созданием узбекской национальной одежды, внедрением современных дизайнов, отвечающих национальному менталитету узбеков, занимаются такие организации как Республиканский дом моделей, Республиканской ДОМ моделей обуви, Республиканский дом

моделей трикотажных изделий и другие. В процессе сохранения национальных черт в современной одежде важное место занимают Республиканское общество моделей «Осиё рамзи» (Символ Азии) и Ташкенский дом моды.

1 сентября 2005 г. в районе Старого города Ташкента начала свою деятельность Галерея узбекской одежды. Здесь проводятся выставки, конкурсы и фестивали узбекских национальных костюмов и материй, изготовленных на предприятиях легкой промышленности страны и отдельными дизайнерами и отличающихся своей яркой окраской, неповторимостью, красотой и изящностью.

Итак, традиционная одежда узбеков претерпела существенные изменения. Изменился покрой, ткани и фасоны. Возрастные, сезонные и прочие комплекты одежды характеризуются иначе, чем в прошлом. Сезонная одежда в современной жизни стала обязательной в гардеробе каждого человека, независимо от возраста и положения в семье. Благодаря широкому выбору товаров в торговой сети она теперь является более разнообразной и в большей степени приспособлена к изменениям в моде.

From:

<https://www.hks.re/wiki/> - **Hospodářská a kulturní studia (HKS)**

Permanent link:

<https://www.hks.re/wiki/uzbeki>

Last update: **26/09/2025 21:03**

